

ВЕСТНИК АНАЛИТИКИ

№ 3(57)

СТРАНИЧКА РЕДАКТОРА
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ТЕМА НОМЕРА
ГЕОПОЛИТИКА
МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
ЭКОНОМИКА И ФИНАНСЫ
«КРУГЛЫЙ СТОЛ»
ПУБЛИКАЦИИ
ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ КНИГИ

EDITOR'S PAGE
THE ISSUE'S MAIN TOPIC
PRESSING TOPICS
GEOPOLITICS
FOREIGN AFFAIRS
ECONOMICS & FINANCE
«ROUND TABLE»
PUBLICATIONS
NOTES ON A BOOK'S MARGINS

ВЕСТНИК АНАЛИТИКИ

Журнал аналитических материалов

Учрежден Институтом стратегических оценок и анализа
Издается при поддержке ГК «Н-Транс»
и Бюро социально-экономической информации

Выходит один раз в квартал

Главный редактор,
Председатель Совета —

Вагиф Гусейнов,
директор Института стратегических оценок и анализа

Первый заместитель
главного редактора —

Юрий Поройков, к. филос. н.

Редакционный совет:

Расим Агаев (*Азербайджан*), к. ист. н.
Михаил Делягин, д. э. н., академик РАЕН, председатель президиума, научный руководитель Института проблем глобализации
Владимир Егоров, д. филос. н., профессор Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
Сергей Караганов, д. ист. н., декан факультета мировой экономики и мировой политики ГУ ВШЭ, почетный председатель президиума Совета по внешней и оборонной политике
Андрей Кокошин, академик РАН, декан факультета мировой политики МГУ им. М. В. Ломоносова
Николай Михайлов, д. э. н., советник председателя Совета директоров АФК «Система»
Александр Назарчук, д. филос. н., проф. кафедры социальной философии философского факультета МГУ им. М. В. Ломоносова
Алексей Пушкин, к. ист. н., председатель комитета Госдумы РФ по международным делам, автор и ведущий программы «Постскриптум»
Александр Рар, директор программ России и стран СНГ Германского совета по внешней политике (Германия)
Владимир Рыжков, к. ист. н., профессор ГУ ВШЭ, политический обозреватель «Новой газеты», автор и ведущий аналитической программы на радиостанции «Эхо Москвы», колумнист газеты «The Moscow Times», председатель общественного движения «Выбор России»
Леонид Слуцкий, д. э. н., председатель комитета Государственной Думы РФ по делам СНГ и связям с соотечественниками, вице-президент Парламентской ассамблеи Совета Европы
Андрей Фёдоров, директор Фонда «Центр политических исследований и консалтинга»
Александр Ципко, д. филос. н., главный научный сотрудник Института международных экономических и политических исследований РАН

Ответственная
за выпуск:

Мария Кортупова

СОДЕРЖАНИЕ

СТРАНИЧКА РЕДАКТОРА

Вагиф Гусейнов. В поисках выхода из украинского тупика5

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Валерий Буянов. Идеологии возвращаются11

Эльвира Спирина. Символ и политика19

Наталья Бурлинова. Публичная дипломатия России:
практика и проблемы становления28

ТЕМА НОМЕРА: Проект Восточного партнерства «до» и «после» Майдана

Часть I. Концептуальное наполнение проекта36

ГЕОПОЛИТИКА

Владимир Дергачёв (*Украина*). Пиратская геополитическая технология
«управляемого» хаоса46

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Игорь Ильинский. «Евромайдан» — прелюдия атаки США на Россию57

Линтон Ф. Брукс (*США*). Политические и технические вызовы
американо-российским отношениям65

Стивен Пайфер (*США*). Региональная стабильность в Европе70

Сергей Демиденко. Ирак: смена декораций76

ЭКОНОМИКА И ФИНАНСЫ

Василий Колташов. Экономика России в 2014 году:
между нефтью и «вторым» кризисом84

Абрар Ярлыкапов. Аграрный сектор экономики:
пути решения проблем90

ДЕБЮТ

Александр Шипилов. Есть ли признаки американо-иранского потепления? . .101

«КРУГЛЫЙ СТОЛ»

Социальные иллюзии107

ПУБЛИКАЦИИ

Геннадий Бочаров. Из «Тихой тетради»131

Юрий Лапин. Близкое небо Космоса137

Страничка истории

Владимир Гоцуленко. Под псевдонимом «Друг»146

Философский клуб

Владимир Колпаков. Легенда о Фаусте и современность160

Георгий Юдин. Индивидуальное человеческое существование
и его пограничные зоны166

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ КНИГИ

Елена Сальникова. Трансцендентные основы экономики.
О книге Жоржа Батая «Проклятая часть. Сакральная социология»175

Тезисы статей на английском179

Об авторах182

CONTENTS

EDITOR'S PAGE

Vagif Guseynov. Searching a Way out of the Ukrainian Deadlock5

PRESSING TOPICS

Valeriy Buyanov. Ideologies are Coming Back11

Elvira Spirova. The Symbol and Politics19

Natalia Burlinova. Russia's Public Diplomacy:
the Practice and Problems in Making28

THE ISSUE'S MAIN TOPIC: The Eastern Partnership Project «Before» and «After» the Maidan

Part I. The Conceptual Content of the Project36

GEOPOLITICS

Vladimir Dergachev (*Ukrain*). The Pirated Geopolitical Technology
of the 'Controllable' Chaos46

FOREIGN AFFAIRS

Igor Ilyinsky. «Euro-Maidan» as a Prelude to the US Attack Against Russia . . .57

Linton F. Brooks (*USA*). Political and Technological Challenges
for US–Russian Relations65

Steven Pifer (*USA*). Regional Stability in Europe70

Sergey Demidenko. Iraq: What is waiting for Prime Minister Al-Maliki? . . .76

ECONOMICS & FINANCE

Vasily Koltashev. Russia's Economy in 2014:
Between Oil and the «Second» Crisis84

Abrahr Yarlykapov. Agrarian Sector of Economy:
the Ways of Solving the Problems90

DEBUT

Alexander Shipilov. Are there any signs of American-Iranian Improvement? . .101

«ROUND TABLE»

Social Illusions107

PUBLICATIONS

Gennady Bocharov. From the «Quiet Notebook»131

Yury Lapin. The Outerspace's Closer Sky137

The Page of History

Vladimir Gotzulenko. Under the Pseudonym «Friend»146

Philosophical club

Vladimir Kolpakov. The Legend of Faust and the Modern Times160

Georgy Yudin. The Individual Human Existence and its borderline Zones . . .166

NOTES ON A BOOK'S MARGINS

Elena Salnikova. The Transcendental Fundamentals of Economy.
About the book by Bataille Georges «The Accursed Share. The Sacral Sociology» . . .175

Summary179

Our Authors188

СТРАНИЧКА РЕДАКТОРА

В ПОИСКАХ ВЫХОДА ИЗ УКРАИНСКОГО ТУПИКА

В последние месяцы все значимые не только политические, но во многом и экономические события в стране и мире были так или иначе связаны с ситуацией на Украине.

Ситуация в этой стране обострилась до предела, все более становится очевидным, что Киев окончательно сделал ставку на военное решение конфликта. В этом ему на руку сыграло и крушение самолета малайзийской авиакомпании, которое дало повод для очередных обвинений России со стороны Запада и принятия дополнительных санкций по отношению к нашей стране.

Вместе с тем создается впечатление, что ситуация на Юго-Востоке Украины последовательно заходит в тупик в силу ряда причин, прежде всего, бескомпромиссности позиций сторон. При этом киевские власти отнюдь не задумываются над тем, что они будут делать после своей гипотетической военной победы. Вместо военного они в этом случае получают политический тупик, об этом красноречиво свидетельствуют результаты проведенного там референдума, в которые надо еще внести дополнительную поправку после всех разрушений и массовой гибели жителей этих районов.

Непосредственно с украинско-крымским вопросом было связано заседание Совбеза РФ 22 июля, о котором президентская пресс-служба, вопреки обыкновению, сообщила не кратко и постфактум, а за сутки до мероприятия и с объявлением темы: комплекс вопросов, связанных с обеспечением суверенитета и территориальной целостности России.

Несмотря на то что вопрос Крыма не поднимался на заседании в прямой постановке, очевидно, что именно он был его основной подоплекой и что именно он немедленно встанет перед Россией во весь рост в случае победы Киева на Юго-Востоке Украины. При этом способы его решения Киевом, воодушевленным своими военными достижениями, могут быть самыми радикальными, учитывая безоговорочную поддержку всех его действий со стороны Запада. Тем более, что такие заявления уже звучали в Верховной Раде из уст министра обороны.

Несомненно, сбитый самолет еще более осложнил положение нашей страны, которая в этих условиях должна действовать, проявляя максимум гибкости и осторожности и учитывая множество факторов. Очевидно, по замыслу Москвы, весь процесс должен был идти без того, чтобы порвать связи с Европой. Более того, он должен был стать инструментом, который позволил бы нам ослабить привязку ЕС к США, что полностью отвечает нашим национальным интересам. Но после сбитого самолета, в гибели которого Запад априори обвинил российскую сторону, выполнение такой задачи представляется архисложным.

Сегодня на территории Украины между Америкой и Россией разыгрывается серьезная геополитическая партия. И ставки у обеих сторон очень высоки. Для каждой из них выигрыш или проигрыш имеет принципиальное значение. С точки зрения Соединенных Штатов, своими действиями на Украине Россия не просто взломала существующий в Европе порядок вещей, главным гарантом которого являлись США. Россия бросила вызов способности Америки оставаться глобальным лидером, вести за собой другие страны, оказывать действительное влияние на мировые события.

Для США проиграть партию на Украине, особенно в свете того, что сейчас творится в Ираке, означало бы потерять доверие и влияние в мире. Синдром лидерства, выросший на реальных успехах этой страны во многих областях, стал главной чертой национального характера, основой американской идентичности, с потерей этой идентичности самого мощного государства в мире американцам очень трудно расстаться.

Но и для России проиграть Украину никак невозможно. И дело не только в том, что Кремль видит в этом угрозу национальной безопасности (базы НАТО у своей границы, потерю морской базы в Крыму и пр.). С точки зрения России, выиграть эту партию — значит доказать свое право на место в команде мировых игроков. Так что и Кремль никак не может выйти из этой партии проигравшим.

У каждой из сторон есть свои инструменты достижения цели. У США — проамериканское правительство в Киеве и прозападно настроенное ядро активного населения в центре и на Западе Украины. Ну и, конечно, санкции, рычаги давления на Россию, а также возможность мобилизовать союзников для поддержки своих действий, к чему они активно прибегают.

В активе России тоже немало — управляемое руководство самопровозглашенных республик на Востоке Украины с их боевыми, вполне эффективными, как показало последнее время, отрядами, а также в целом пророссийски настроенное местное население. Кроме того, конечно, у России еще есть газ и таможенные барьеры для украинских

товаров, особенно после подписания Украиной соглашения с ЕС об ассоциированном членстве в этой организации.

При этом факты свидетельствуют о решительном настрое Москвы в этом вопросе. Уже принято и выполнено политическое решение — ни при каких обстоятельствах не допускать пересмотра газовых контрактов, подписанных в январе 2009 года, и не соглашаться на снижение задолженности за последние месяцы. Долг Украины должен висеть тяжелым грузом на шее Киева. Теперь Москва пошла по самому радикальному сценарию — отключение газа со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Вместе с тем надо отметить, что Украина давно готовилась к такому развитию событий и сдавать позиции пока не намерена. Киев активизировал переговоры со Словакией и другими странами о реверсных поставках газа, которые, однако, едва ли смогут в полной мере компенсировать дефицит голубого топлива. Теперь вопрос в том, у кого быстрее сдадут нервы, хотя создается впечатление, что украинское руководство, уповая на поддержку США, вообще не задумывается о последствиях своих шагов, причем, как было отмечено выше, не только в области экономики.

Таким образом, Россия и Украина заняли наиболее жесткие позиции. Россия готова взять на себя риски испорченных отношений с европейскими потребителями, а Украина обещает, что продержится до октября. В этих условиях ключевую роль начинает играть Европа, от позиции которой во многом будет зависеть динамика газового конфликта. При этом Россия фактически навязывает Брюсселю политическую функцию в газовом вопросе и втягивает его в российско-украинский конфликт, чего Европа делать совсем не хочет. Однако без вмешательства «третьей стороны» Москва и Киев вряд ли смогут договориться.

Надо сказать, на сегодняшний день удовлетворяющий Запад и Россию выход из этой ситуации не просматривается. Ни одна из сторон сейчас к компромиссу, по-видимому, не готова.

Причина этого — все та же напряженная и конфликтная большая игра вокруг Украины, которая будет продолжаться, как минимум, в среднесрочной перспективе. В этой игре конкретные договоренности по отдельным вопросам вполне возможны, но они воспринимаются сторонами как часть маневров, нацеленных на ослабление оппонента или выигрыш времени, а не как составные элементы глобального компромисса или, что было бы гораздо полезнее, способы решения неотложных двусторонних проблем.

Главная проблема глобальных межгосударственных отношений в связи с Украиной заключается в отсутствии доверия между основными игроками. Россия не доверяет Западу, считая, что тот сознательно

обманул ее в феврале, способствовав свержению В. Януковича в условиях, когда было достигнуто компромиссное соглашение. Кроме того, российская власть полагает, что Запад рассчитывает интегрировать Украину в НАТО, что принципиально неприемлемо для Москвы. Устные обещания не принимать Украину в НАТО в течение обозримого будущего не являются для России достаточным аргументом в силу накопленного за последние двадцать лет отрицательного опыта.

Запад в свою очередь также не доверяет России. Ее действия рассматриваются им как пересмотр правил игры, существующих в мире последнюю четверть века. К тому же в информационном пространстве реанимированы традиционно свойственные западной культуре представления об агрессивном русском «медведе».

Если в 2008 году во время войны на Южном Кавказе этот стереотип был достаточно быстро уравновешен фигурой М. Саакашвили, первым ударившего по российским миротворцам, то в украинском случае такого баланса нет. Украина в западном мейнстриме воспринимается исключительно как жертва, а сбитый «боинг» только подтвердил и упрочил это мнение.

И даже в случае достижения неких компромиссов по ситуации на Юго-Востоке Украины отсутствие взаимного доверия и непризнание Западом и Украиной присоединения Крыма будут способствовать сохранению недружественных российско-западных и, тем более, российско-украинских отношений. Поэтому политика сдерживания России со стороны Запада будет продолжаться и, возможно, даже усиливаться в зависимости от конкретных шагов Кремля.

Об этом свидетельствует тот факт, что ни США, ни Запад по большому счету не обращали внимания на многочисленные жертвы среди мирного населения Украины в отличие от трагического эпизода со сбитым малайзийским авиалайнером. Трагедии в Одессе и Мариуполе и требования об их расследовании — пустой звук для Запада и, особенно, США, которые намерены продолжить курс на эскалацию конфликта, оказывая Киеву разностороннюю, в том числе военную, поддержку. Меры поддержки, по словам заместителя генерального секретаря НАТО А.Вершбоу, предусматривают усиление политического и военного сотрудничества с Украиной, направление на Украину советников по вопросам защиты важнейших объектов инфраструктуры, помощь в реформировании и модернизации вооруженных сил.

Кроме того, по словам представителя Украины при НАТО И. Долгова, страны — члены НАТО на двусторонней основе будут оказывать украинской армии материально-техническую помощь. Альянс планирует привлечение украинских военнослужащих на курсы НАТО на бесплатной основе и активизирует разведывательную деятельность против России. В частности, самолеты дальнего радиолокационного

наблюдения «Авакс» фиксируют передвижение российских войск. Хотя, по утверждению генсека НАТО А.Расмуссена, непосредственное участие НАТО в военных действиях на Украине не планируется, факты говорят об обратном.

Вопрос о будущей войне Запада с Россией на территории Украины уже рассматривался и на 62-м ежегодном заседании Бильдербергского клуба в Копенгагене 29 мая — 1 июня. В этом году речь шла о согласованных действиях США, ЕС и их союзников в случае ввода российских войск на Украину и о готовности Запада к полномасштабной мировой войне. В США все чаще говорят об установлении союзнических отношений между НАТО и Украиной.

Печально ещё и то, что все эти события происходят на фоне далекой от благополучия экономической ситуации в мире, не говоря уже о самой Украине, экономические проблемы которой вообще не учитываются Западом. Так, по информации Нацбанка страны, украинские предприятия в первом квартале 2014 года понесли колоссальные убытки, которые выросли в 5,5 раза. При этом прибыль украинских предприятий выросла лишь в 2,2 раза. В итоге отрицательное сальдо достигло почти 11 млрд долл.

Промышленное производство сокращается уже 20 месяцев подряд. За четыре месяца 2014 года спад ускорился до 5,3%.

Ситуация в двух главных отраслях — металлургии и химической промышленности — быстро осложняется. Начали появляться новости об остановке металлургических, химических заводов и угольных шахт. Объявленное правительством повышение цен на газ приведет к дальнейшему ухудшению ситуации.

Банковская система Украины также рушится на глазах. За пять месяцев с начала года украинские банки понесли слишком большой убыток даже с учетом плачевной ситуации в экономике. Их убытки составили 900 млн долл. (10,4 млрд гривен) против прибыли в 90 млн долл. в прошлом году. Для сравнения: объем активов украинского банковского сектора оценивается всего в 70 млрд долл.

Надо отметить, что проблемы на украинских предприятиях и в банках были и так вполне ожидаемы с учетом ситуации в украинской экономике, которая оказалась на грани выживания с начала года. Но гражданская война еще более ухудшила положение. Причины очевидны — девальвация гривны (более чем на 50% с октября 2013 года), инфляция в годовом выражении с начала 2014 года более 30%, падение уровня жизни населения примерно на 25%, падение реальных доходов почти на 20% — до 250 долл.

И это только начало реальных проблем украинской экономики, так как подписанная «экономическая» часть ассоциации с ЕС будет загонять в кредиты и убытки практически весь украинский бизнес.

Интересно отметить, что даже в этих условиях многие представители киевских властей ратуют за полное свертывание экономических отношений с Россией. Вместе с тем, согласно оценкам, если торгово-экономические отношения Украины с РФ и ТС просто снизятся из-за усиления политической напряженности и подписания экономической части соглашения об ассоциации с ЕС, то Украина будет терять еще как минимум 33 млрд долл. в год, или 19% украинского ВВП.

Похоже, киевские власти надеются, что в обмен на следование в русле политики Запада и, особенно, США последние решат все их проблемы. Но чтобы оставить на плаву одну Украину, Евросоюзу придется потратиться в размере, сопоставимом с расходами на преодоление кризиса суверенных долгов стран еврозоны. Такие расходы и усилия просто неподъемны для ЕС.

Прямое сопоставление с ожидаемой заявленной международной финансовой помощью Украине доказывает тщетность надежд Киева. Так, в 2014 году МВФ, Всемирный банк, Банк международных расчетов, ЕБРР, ЕИБ, Япония и ЕС вместе выделяют только 18,5 млрд долл., в 2015 году — 11,2 млрд, а в 2016 году — 1,7 млрд долл. Это не покрывает даже половины убытков от снижения торговли с Россией.

Подводя итог вышесказанному, хочется отметить, что главной чертой нынешних киевских властей, ослепленных национализмом и взявших на себя роль разменной фигуры в большой геополитической игре, является безответственность перед своей страной и ее народом. К сожалению, расплачиваться за такую политику придется не им, а, как всегда, простым людям, причем, как показал случай с малайзийским авиалайнером, не только украинцам. Мировая история говорит о том, что при желании можно найти выход из любого тупика — политического, экономического или военного. Но в данном случае ситуация сложнее: тупик — в головах нынешних киевских властей.

В. Тусов

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Валерий БУЯНОВ

ИДЕОЛОГИИ ВОЗВРАЩАЮТСЯ

Понятие «идеология» — одно из важнейших в политической науке и одновременно одно из самых критикуемых. Первоначально идеология воспринималась философами в прямом, собственном смысле слова, как наука об идеях. Именно так понимал ее родоначальник термина «идеология» граф Антуан Дестют де Траси — мыслитель и деятель времен Французской революции, консульства и империи. Он впервые употребил этот термин в 1796 году в докладе «Проект идеологии», прочитанном в Национальном институте наук и искусств, а затем разъяснил его в книге «Основы идеологии. Идеология в собственном смысле слова» (1801). В представлении де Траси идеология трактовалась как система идей, призванных восстановить единство наук. Автор считал, что «с давних времен люди мыслят и рассуждают, иногда превосходно, идеология же является наукой новой и даже только еще зарождающейся»¹. Впоследствии идеология стала пониматься не столько в философско-эпистемологическом плане, сколько как социальная теория.

В начале XIX века понятие «идеология» начинает восприниматься негативно. «Заслуга» в этом принадлежит, прежде всего, Наполеону, который резко отрицательно относился к движению «идеологов». Кульминацией стало заявление императора на заседании Государственного совета в декабре 1812 года после его бесславного возвращения из России, что «именно идеологии, этой скрытой под мраком теории... следует приписать все несчастья Франции»². Отрицательные ассоциации, связанные с идеологией, распространяются затем по всей Европе.

Нарицательным сделал слово «идеология» и К. Маркс, саркастически обозначив взгляды своих соотечественников-либералов как

¹ Дестют де Траси А.-Л.-К. Основы идеологии. Идеология в собственном смысле слова. — М., 2013. — С. 308.

² Там же. С. 316.

«немецкую идеологию» в одноименном сочинении. По Марксу, идеология — это ложное, иллюзорное сознание, к тому же определенный («идеологический») метод мышления, при котором абсолютизируется самостоятельность идей и умозначительно конструируется мнимая реальность, выдаваемая за действительность.

В.И. Ленин, заявляя о верности учению Маркса, существенно пересматривает его взгляды на идеологию. Он придавал ей исключительное значение и видел в идеологии активную политическую и мобилизующую силу. Стремясь соединить науку с идеологией и впервые введя в оборот термин «научная идеология», Ленин в то же время считал, что идеология может быть научной только тогда, когда эта идеология пролетарская и никакая другая. Трактовка советской идеологии как «учения научного социализма» господствовала в СССР и других социалистических странах.

Одна из важнейших черт идеологии — ее органическая связь с политикой. Идеология — своего рода инобытие политики. Как отмечал американский политолог К. Фридрих, без идей не бывает никаких политических действий, поэтому политические идеологии он называл «идеями в действии». Объективно идеология имеет «социальный статус особого компонента социальной организации общества» (А. Зиновьев). Из трех его основных сегментов *экономика* объединяет людей материальными и производственными узами, *политика* скрепляет социум посредством власти и управления, *идеология* формирует цели и программы социальной деятельности, определяет направленность общественного сознания.

Можно говорить об иерархии различных идеологий. Есть идеологии политических объединений, к примеру, ни одна серьезная партия не может существовать без своей идеологии. Есть идеологии государственные, такой идеологией в СССР был марксизм-ленинизм. И есть мировые идеологии, претендующие на универсальность и всеохватность. Наиболее значимыми из мировых идеологий были и остаются либерализм, социализм, консерватизм и, с оговорками, национализм. К особым — социально-этическим — видам идеологий относятся мировые религии.

Все светские мировые идеологии имеют свои фундаментальные, неизменные ценности, в то же время их живучесть определяется способностью учитывать влияние времени. В этом смысле либеральная идеология более других оказалась приспособленной к эволюциям. В разное время она могла вобрать в себя воззрения, казалось бы, малосовместимые, допустим, идеи рыночного хозяйства и одновременно идеи государственного регулирования в экономике, что особенно заметно в период финансово-экономических кризисов. После саморазрушения СССР либеральная идеология стала домини-

ровать в мире и ныне решает две основные задачи: во-первых, стремится распространить свое влияние повсеместно, во-вторых, пытается обновить собственный идейный багаж с учетом мировых тенденций, прежде всего глобализации. Наиболее выпукло либеральная идеология проявляется в теории и практике либеральной демократии, которая выступает важнейшим элементом «мягкой силы» коллективного Запада.

Если в либерализме высшей ценностью является свобода, то в социализме — справедливость. Социалистические идеи имеют давние корни, и неудивительно, что некоторые исследователи относят их начало не к Т. Морю, Р. Оуэну или Ш. Фурье, а к социальной части учения Христа. Спектр социалистических течений широк, вбирает в себя идеи и коммунистические, и собственно социалистические, и социал-демократические. Радикальнее всех в социалистической идеологии оказался большевизм, который довел до максимализма учение о классовой борьбе, отдавая безусловное предпочтение революции перед эволюцией. Целевая установка на освобождение трудящихся от гнета капитала, интернационализм, использование понятных массам лозунгов — все это, в сочетании с крупными социальными достижениями в СССР, победой над фашизмом в годы Второй мировой войны, обретением Советским Союзом статуса сверхдержавы, способствовало росту влияния социалистических идей в мире.

Однако в последней трети XX века коммунистическая идеология перестала развиваться и стала носить в СССР охранительный характер. Стремление придать ей новое дыхание посредством отмены некоторых отживших положений, типа «диктатуры пролетариата», равно как усилия по разработке концепции «развитого социализма» успехом не увенчались. С обрушением Советского Союза и стран социалистического Содружества коммунистическая идея оказалась дискредитированной. Используя гегелевское выражение, стали говорить о «конце истории» в том смысле, что борьба двух самых влиятельных идеологий закончилась и в мире восторжествовала система либеральных ценностей. С другой стороны, зазвучали голоса о том, что «колокола истории звонят как по коммунизму, так и по капитализму».

Такие взгляды, однако, упрощают ситуацию. Социалистические идеи никуда не исчезли, в разных вариантах и со своей спецификой они господствуют в Китае, Вьетнаме, на Кубе, в других государствах. Позиции демократического социализма крепки у части стран Европы и особенно Латинской Америки. Здесь, в государствах «Боливарианского альянса», правят социалистические и социал-демократические силы, а в ряде других территорий региона набирает силу такое гибридное явление, как «католический социализм». Прав Г.Х. Шахназаров, который писал: «Беру на себя смелость «успокоить» и коммунистов, и

либералов: их полярные концепции и символы веры сохраняются, пока жив род людской»³.

Если XX век был самым идеологизированным веком в истории, то нынешняя идеологическая картина мира выглядит более пестро и размыто. Для этой картины характерно усиление влияния либеральной идеологии, историческое поражение советского варианта коммунистической идеологии, дрейф социалистической идеологии в сторону социал-демократии, а также появление новых идеологических течений, облакаемых в форму анти(альтер)глобализма, движения «зеленых», «новых левых» и др. Не исчезли, хотя и перешли в разряд маргинальных, идеологии анархизма и неофашизма.

Имеет тенденцию к усилению идеология *национализма*. В отличие от либерализма и социализма, она трактуется неоднозначно. Одни полагают, что национализм есть не столько идеология, сколько главное понятие легитимности государства (государство-нация). Другие, к примеру, известный философ политики Р. Арон, считают национализм давней и полноценной идеологией.

Существует два типа национализма: творческий, созидательный и деструктивный, разрушительный, сопровождающийся неприятием всего чужого. Во втором случае очевидна патологическая природа экстремистского национализма, его стремление разделить человеческие общества на «мы» и «они», «свои» и «чужие». Тем самым национализм может превратиться в одну из самых опасных идеологий, что продемонстрировал итальянский и особенно немецкий фашизм. Национал-радикализм в наши дни отчетливо проявляется на Украине, где в мировосприятии правящих политиков во всех бедах страны исторически виновата Россия и где национальная идентичность строится на противопоставлении всему русскому. Seriously укрепили свои позиции националисты на выборах 2014 года в Европарламент.

Национальные идеологии теснейшим образом сопрягаются с внутренней и внешней политикой государств. Показательны в этом отношении США. По мнению директора Института США и Канады С.М. Рогова, Штаты являют собой пример государства и общества, которые сформировались именно на идеологической основе и являются ныне, пожалуй, самой идеологизированной страной в мире⁴. Протестантские фундаменталисты, приплывшие в Новую Англию, сформулировали тезис о «сияющем граде на холме», и в такой интерпретации Америка представляется местом, где Бог реализует план идеального бытия людей на Земле. Эта идея уже более двухсот лет является основой политики США как внутри, так и за пределами страны. Активно пропагандируются две

³ Шахназаров Г.Х. Современная цивилизация и Россия. — М., 2003. — С. 354.

⁴ Правда о «вашингтонском обкоме» // Независимая газета. 2012. 26 июня.

главные заокеанские идеологемы: первая — знаменитая «американская мечта», позволяющая каждому самореализоваться и достичь успеха; вторая идеологема — «Америка превыше всего», она призвана стать светочем для других. Мессианство — неотъемлемая часть американской культуры, и неудивительно, что тема исключительности американской нации постоянно присутствует в лексиконе ведущих деятелей США, в том числе президента Б. Обамы.

Мессианство было свойственно и для русского самосознания. Рассуждая о русской идее и русском мессианстве, Н.А. Бердяев писал: «Все русские идеологии были всегда тоталитарными, теократическими или социалистическими... Мессианская идея марксизма, связанная с миссией пролетариата, соединялась и отождествлялась с русской мессианской идеей... Коммунистическая революция, которая и была настоящей революцией, была мессианством универсальным, она хотела принести всему миру благо и освобождение от угнетения»⁵. В «холодной войне», по сути, сражались не только две мощные идеологические системы, но и два мессианских учения, каждое из которых по-своему трактует грядущее человечество.

Постсоветская Россия столкнулась с серьезными проблемами в сфере идеологии и ценностей. Социалистическая идеология была «отменена», но на ее место не пришла никакая другая привлекательная система взглядов. Произошла неоправданная деидеологизация общества, значительно ослабла духовно-нравственная составляющая российского социума. Тема идеологии почти исчезла из отечественной научной литературы. Идеология стала чуть ли не бранным словом, обращение к ней трактовалось как «советская зашоренность». В Конституции РФ значится, что «никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной и обязательной».

Но прав профессор А.А. Прохожев, который считает, что «без идеологии в принципе не может существовать никакое государство, поскольку в идеологии концентрируются идеалы, цели и ценности тех или иных социальных групп современного общества... без идеологического обоснования и идеологической поддержки любая политика государства, даже самая разумная, быстро превращается в политиканство, популизм, словоблудие»⁶. К сказанному зададимся вопросами: разве сама Конституция не есть правовое выражение идеологической платформы государства? И не есть ли грубой идеологией само отрицание идеологий? Перечень подобных риторических вопросов можно продолжать, и неудивительно, что все чаще ставится под сомнение целесооб-

⁵ Бердяев Н.А. Самопознание. Русская идея. — М., 2009. — С. 691–692.

⁶ Прохожев А.А. Национальная идеология и национальная безопасность России. — М., 2013. — С. 161.

разность сохранения в Конституции РФ 13-й статьи в ее нынешнем варианте.

Отрицая официальную идеологию, государство тем не менее настойчиво проводит в жизнь свои идейно-политические установки. Люди постоянно находятся под идеологическим воздействием государства через разные сферы и институты — школу, армию, культуру и, конечно же, структуры политической системы.

Русские цари и советские генсеки хорошо понимали, что в условиях огромной страны с ее многонаrodnым, многоязычным и многоконфессиональным сообществом нужны идеи, объединяющие и скрепляющие людей. И такие идеи были и у Русского средневекового государства, и в Российской империи, и у Советского Союза.

Осознав, по-видимому, ущербность деидеологизации и стремясь к объединению расколотого российского общества, руководство страны озадачилось созданием новой национальной идеи. В 1996 году была организована солидная группа ученых и экспертов, которая год «искала» эту идею. Но ничего из этого не вышло. В нулевых годах на высшем политическом уровне саркастически было замечено, что «поиск национальной идеи — старинная русская забава». Однако если это «забава», то она ничуть не хуже многих «новорусских забав», к примеру, концепции «суверенной демократии».

В 1990-е годы правящая элита России надеялась на быстрое внедрение в стране либерально-демократических ценностей. Но эти ценности пропагандировались в условиях резкого падения жизненного уровня населения, хаоса и дезорганизации в стране. В результате оказалось, что идеи либерализма не разделяет большинство российского общества, хотя они стали частью мировоззрения определенного слоя политического класса, прозападно ориентированного бизнеса, а также заметного сегмента т.н. креативного класса в крупных городах.

Антиподом либерализма выступает идеология Коммунистической партии Российской Федерации. КПРФ, которая на выборах набирает устойчивые 20–25% голосов, отказалась от наиболее одиозных формул прошлого и представляет собой сочетание марксизма-ленинизма, социал-демократии и российского патриотизма. В близком сегменте действует партия «Справедливая Россия». Идеология национализма в ее «неотлакированной» форме представлена ЛДПР. В целом наблюдается смещение планки идеологических симпатий общества в левый центр, или влево, что исторически свойственно русскому политическому сознанию.

Стержнем политической системы РФ является партия «Единая Россия». В последние годы ее авторитет упал, но она по-прежнему позиционирует себя как партия власти. Идейной доминантой «Единой России» выступает консерватизм, который был провозглашен идеологией

партии на ее 11-м съезде (2009 год). На 13-м съезде (2012 год) и в последующих выступлениях лидеров партии и руководства государства была подтверждена приверженность консервативным ценностям.

Консерватизм, будучи одной из мировых идеологий, в качестве приоритетов считает поддержку традиционных морально-этических основ общества, сложившихся институтов государства и политических процедур, а также сохранения стабильности и преемственности в развитии. Зародившись в конце XVIII века как реакция на Французскую революцию, консерватизм изначально подразделялся на два течения. Одно из них — континентальное, антибуржуазное, авторитарное; другое — англо-американское, умеренное, выступающее за эволюционный путь развития. Во втором случае консерватизм оказался вполне совместимым с курсом на обновление. Такие политические лидеры второй половины XX века, как Ш. де Голль, Р. Рейган, М. Тэтчер, активно и успешно преобразовывали свои страны, оставаясь при этом приверженцами консервативных воззрений.

Сложнее с российским консерватизмом. Термины «консерватизм», «консерватор» имеют в российском обществе устойчиво негативную окраску. В Толковом словаре В. Даля дается следующее определение данному понятию: консерватор — хранитель, охранитель, охранник; кто блюдет настоящий порядок дел, управления, противник новизны, перемен. Фундаменталистский русский консерватизм XIX века исповедовал такие идеи, как православная духовность, сильное государство, самодержавная форма власти, самобытность России, антизападничество. В более смягченном виде консерватизм был свойственен славянофилам и представителям русской послереволюционной эмиграции. Идеология и политическая практика советских времен отвергала консервативные порядки прошлого, считая их реакционными. Но советский модерн, претендовавший на глобальную альтернативу западному модерну, начал утрачивать свои новаторские качества, когда перестал развиваться и обрел консервативно-охранительный характер.

Современная правящая элита в лице партии «Единая Россия» считает, что развитие общества должно идти без застоев и революций. Выступая перед активом единороссов в 2013 году, премьер-министр и лидер партии Д.А. Медведев отметил: консерватор в качестве своего антипода, противоположности может сопоставляться только с реакционером. Реакционер — тот, кто тянет назад, а консерватор стремится изменить жизнь, но старается делать это без революций.

Применительно к нынешней России следовало бы различать консерватизм в политике, экономике и духовно-нравственной сфере. В двух первых областях консерватизм вряд ли годится, использование термина «консерватизм» в отношении стагнирующей экономики или

несовершенной политической системы неприемлемо. В противном случае создается ощущение того, что в государстве и обществе в принципе все хорошо и стабильно, а главная задача — сохранить это, ну и по возможности что-то прибавить и улучшить. Однако такое понимание не совпадает с настроениями значительной части общества, которая ждет перемен, но не консервации того негативного, что накоплено в постсоветские годы.

Иное дело та часть идеологии консерватизма, которая обращена к сфере духа и морали. В данном случае традиционные ценности — крепкая семья, любовь к родине, здоровый образ жизни, гуманизм в его высоком понимании — все это весьма привлекательно на фоне разрушения данных ценностей в западном мире.

Выступая в 2013 году на пленарном заседании клуба «Валдай», В.В. Путин заявил, что Россия не может двигаться вперед без культурного и духовного самоопределения. При этом не подходят три типа идеологий: первый — идеология советского времени, второй — монархизм и фундаментальный консерватизм дореволюционной России, третий — западный ультралиберализм. И далее очень важные слова президента: нам всем предстоит совместно формировать цели будущего.

Насколько можно понять это обращение, речь идет о необходимости разработки долгосрочной программы. Не многочисленных «стратегий», «доктрин», «концепций» (они тоже нужны), а именно того, что называют историческим проектом, философией общего дела. Удивительно, но РФ вот уже почти четверть века не может выработать полноценную и всеобъемлющую стратегию развития страны. Есть неплохие фрагменты, но нет законченной картины того, куда идем, что строим, какие цели и задачи преследуем. То же самое и с формирующейся национальной идеологией. Ее элементы (патриотизм, «духовные скрепы» в виде традиционных ценностей, российская национальная и цивилизационная идентичность, «русский мир» и др.) просматриваются уже довольно отчетливо, но целостная система с осевым идейным стержнем пока не сложилась. Поиск продолжается, и, возможно, генеральная стратегия развития России (если она будет разработана) позволит оформить и российскую идеологию.

После относительно непродолжительного «упадка» идеологий есть много признаков реидеологизации общественных отношений, в том числе в России. Тезис о том, что время идеологий прошло, не подкрепляется реальной практикой. После «конца» идеологий они возвращаются.

Эльвира СПИРОВА

СИМВОЛ И ПОЛИТИКА

Язык брошей

Последний визит Мадлен Олбрайт на Украину вызвал множество комментариев не только у политиков и аналитиков, но также и у журналистов, у массовой аудитории. Речь, однако, шла не о дипломатических переговорах, не о прямых политических позициях. Толковали в основном о брошке на левом лацкане пиджака. За время своей карьеры Мадлен Олбрайт создала новый дипломатический язык, полный метафор и тайных смыслов. Но неужели обыкновенная брошь может вызвать бурное обсуждение и повлиять на содержание политических встреч?

Брошь, по первому впечатлению, — знак. В нашей повседневной жизни мы окружены вещами. Но каждый предмет в конкретных ситуациях может оказаться и знаковым, несущим некий смысл. Но на самом деле брошь — это вовсе не знак. Давно известно, что знак как вещь указывает на другой предмет. Опущенный шлагбаум извещает о прохождении поезда. «Кирпич» предупреждает о невозможности проезда. Суть символа — иная. Будучи предметом, он, как правило, неконкретен по смыслу. В нем есть скрытое содержание. Иначе говоря, тайный язык символа нужно вычитать, постичь, угадать. Совсем как у Пушкина в «Скупом рыцаре»:

*Я свистну, и ко мне послушно, робко
Вползет окровавленное злодейство,
И руку будет мне лизать, и в очи
Смотреть, в них знак моей читая воли.*

Политика всегда несла на себе отпечаток свободного, независимого смысла. Кроме ясно выраженной доктринальной воли, она опиралась также на некие обобщенные шифры. Государственные гербы, скипетр как символ высшей власти короля или императора включали в себя суть, которая имела большее значение, нежели сам предмет. Поддан-

ные понимали, почему властелин во время церемоний держит скипетр в руках. Державу хранит он, а не посох. И этим вычитанным смыслом дорожат все — от владыки до простонародья.

Символ можно рассматривать как обобщение, идеальную конструкцию вещи, в отличие от абстрактного понятия. Он обладает образной структурой, является не до конца выявленным, прочитанным знаком. Символ создает перспективу для бесконечного развертывания вещи в мысли. Он не может быть полностью разгадан — это всегда бесконечный процесс, который раскрывается обществу в истории и каждому человеку в его жизни. Чем полнее политическая жизнь, тем глубже проникновение в содержание символов.

Сегодня в России много говорят и пишут о значимых, символических событиях нашей истории. Но и другие этносы и нации, культуры и народы актуализируют смысл собственной судьбы. Сооружают пантеоны своих героев.

Если воспользоваться терминологией французского философа Жана Бодрийяра, в наши дни происходит генерализация символического кода. Работа по означиванию, производству ценностей-знаков, т.е. кодифицированной абстракции, составляет активный коллективный процесс производства и воспроизводства условного языка. Символ не является просто «условным знаком». Если бы это было так, они могли бы легко заменять друг друга, без ущерба для смысла. Символ тесно связан с образом. Он имеет глубокое обобщающее содержание.

Американский президент сегодня постоянно использует символику «американской мечты», толкует о мессианской роли США, стремлении помочь любой стране, в которой случается нечто, выходящее за рамки «демократических правил». Недавно Обама сравнил американскую армию с «молотком». Это символ оперативного, сильного удара, приводящего ситуацию в должное состояние. Но Обама заметил, что не каждая международная проблема — это гвоздь. Это намек на сложность болезненных, кризисных тем.

Западные политики, зависимые от Америки, то и дело актуализируют символы европейской культуры в знак протеста против засилья США. В современной России особую популярность приобретают символы веры и патриотизма. Наши государственные лидеры предстают в средствах массовой информации как верующие люди. Агитационные материалы содержат изображения крестов, полумесяцев, церквей, храмов, мечетей. Отечественные политики снимаются на фоне зданий, символизирующих власть (например, Кремля), или в окружении березовых рощ и пшеничных полей.

Мы живем сегодня в пространстве символов. Он всегда многозначен, таинственен. Чтобы раскрыть его содержание, нужны интеллектуальные усилия или душевная настроенность. Это может быть реали-

зовано с помощью истолкования или через вживание, интуитивное прозрение. Символ взывает к соучастию, к пониманию, к совместному поступку. Он не только указывает, но и представляет, выступая заместителем какой-то сущности. Однако это означает осуществлять наличие того, что отсутствует в качестве конкретного предмета. Так, символ указывает, репрезентируя, что он непосредственно позволяет чему-то быть в наличии. Только потому, что символы, таким образом, представляют наличие того, что ими замещается, им самим воздаются почести, подобающие тому, что они символизируют. Такие символы, как христианский крест, государственный герб, знамя, мундир, сохраняют свою мобилизующую роль.

Встречаясь в потоке жизни, знак и символ раскрывают, обозначают друг друга. Символ в опыте бытия обозначает свою знаковую сущность, а знак в своем бытии — присущую ему символическую функцию. Когда говорят о близости, сходстве символа и знака, следует помнить, что они должны различаться, их слияние недопустимо. Но если толкуют о нетождественности знака и символа, то важно избежать их изоляции.

Мы живем в мозаичном мире культуры. В нем нет стройного продвижения от вещи к вещи, мысли к мысли, картины к картине.

Современная культура — грандиозная нарезка сюжетов, видений, образов.

Мы оказались в виртуальном мире, который нередко заслоняет нам мир реальный.

Географические пространства и расстояния, которые еще вчера обуславливали политику отдельных наций, исчезают и обесцениваются в мире ускорения и мгновенных взаимодействий. Континенты утрачивают географические очертания и дают проявиться телеконтиненту всемирной, практически мгновенной коммуникации. Метагеография в трансполитике, представленная информационной интерактивностью, приходит на смену геофизике, имевшей важное значение в политике обществ, разделенных скорее задержками сообщения и расстояниями, чем национальными границами.

Девальвация символа

В наши дни символ активно обслуживает политику. Но разве это новость? Можно ли полагать, что символы лишь теперь стали абсолютным достоянием политики? Конечно, роль символа в современной политике несказанно выросла. Но что изменилось в его судьбе, если учесть современные реалии политики?

Подлинное пространство символа — религия и искусство. Художники эпохи Возрождения разработали богатейший арсенал художественных символов. Но они указывали путь к трансценденции, к миру

высших предзнаменований. Архитектор XVI столетия Андреа Палладио надеялся, что человек, строя здание, целиком перестраивает себя. Это своеобразная вера в могущество символа. История, по его мнению, сольется с будущим, природа — с математическими пропорциями, а душа — с тем, что представляет собой общество. Это и есть попытка разглядеть высшее значение реальности. Художник не обязан следовать за постоянно меняющейся политической конъюнктурой.

Однако в эпоху революционных потрясений искусство оказывается опорой политики. Французский художник Эжен Делакруа написал картину о свободе. Но ведь свобода — отвлеченное понятие. Нет, живописец изобразил ее на баррикаде в виде Героической женщины с флагом в одной руке и винтовкой в другой. В 1836 году на барельефе Ф. Рюда «Марсельеза» на Триумфальной арке точно такой же символ силы человека стал более жестким, чем Бог у Микеланджело. Ее рот, открытый в крике, и напряженные руки, вытянутые одна вперед, а другая вверх, — все это преисполнено насилия.

В последние столетия язык символов осваивали герои, выступавшие против власти. Говоря же о политической власти, можно, пожалуй, еще раз вспомнить Пушкина: «Земных богов я не хвалил». В прошлом столетии на Олимпийских играх 1968 года два чернокожих американца, победители на этих соревнованиях, когда исполнялся гимн США, неожиданно подняли сжатые кулаки в черных перчатках — традиционное приветствие радикального американского движения «Власть черных». Их отстранили от Игр, но с тех пор воинственные политические жесты стали обычным явлением.

Чем же можно объяснить огромный интерес современных политиков к символизации своей деятельности? Прежде всего закатом длительной эры деидеологизации. Властители надеялись, что рост экономического благосостояния населения снизит интерес людей к политике. Растворится мобилизующая сила идей, лозунгов, шифров. Однако этого не случилось. Началась эра интенсивной реидеологизации, обращения к широким массовым аудиториям.

В наши дни пространство политизации расширяет свои пределы. Значительного размаха достигают информационные войны. Это не может не отразиться на политическом языке. Он ищет новые средства общения с широкими массами. А современная коммуникация вообще немислима без символа.

Сегодняшние властители вынуждены приспособливаться к массовым ожиданиям, настроениям и запросам масс. Здесь не годится рассудочная индоктринизация людей. Нужен код, максимально приближенный к жизни, к простым и ясным обозначениям. Политику сегодня приходится угождать разным социальным слоям. С одной стороны, подыгрывать «ястребам», готовым решать все проблемы путем

военного насилия. С другой, нужно закрепить в сознании масс идею миролюбия, демократии, уважения к правам человека. Размытый язык символа здесь как нельзя кстати. Недомолвки, таинственные намеки, шифры позволяют манипулировать сознанием масс, создавая иллюзию единомыслия и солидарности.

Нельзя не учесть также и неизбежное преобразование политических смыслов и концептов. Сегодня в политике и массовой коммуникации часто критикуют либералов. Но все ли люди понимают, что либеральная идеология коренится в трудах Дж. Локка и А. Смита, что она связана с упованиями Французской революции, идеалами свободы? Знают ли участники политического процесса, что, допустим, А. Смит настаивал на жестком государственном контроле над бизнесом? Увлечение нацистской символикой нередко оказывается проявлением моды и никак не увязывается с преступлениями фашистской Германии. Не каждому понятно, кого можно считать националистом, левым или правым политиком. В связи с событиями в Африке и на Украине размытым оказалось и само слово «террорист». Символ оказывается в этой ситуации более убедительным, нежели политический дискурс. В этом контексте он нередко отрывается от реальности и начинает самостоятельное существование.

Однако символ в современной политике во многом утратил прежнее глубинное содержание и все чаще тяготеет к знаку. Эксперты гадают, что может означать несостоявшееся рукопожатие политика, непривычное появление лидеров перед публикой без соблюдения иерархии, уединение властителей для тайных переговоров. Пожалуй, сложилась настоящая индустрия притворных событий, которые претендуют на некий подтекст, но символического значения не имеют. Вспомним военные приветствия президента США Рональда Рейгана. Военнослужащие, проходя мимо главнокомандующего, отдавали ему честь. А сам он, облаченный в гражданский костюм, отвечал им тем же жестом. Однако позже политики откровенно смеялись над этими событиями. Отдание чести — не предмет для актерства. Этот символический жест имеет важный смысл. Он символизирует особые отношения между начальником и теми, кто добровольно готов отдать свои жизни за страну. Какое уж тут притворство!

Броши Олбрайт из той же копилки. Двадцать лет назад журналисты прозвали ее «непревзойденной змеей». После этого на одной из пресс-конференций в ООН, отвечая на вопрос о политике в отношении режима Саддама Хусейна, она произнесла шутку: «Читайте мои броши». «Вскоре после этого случая я обнаружила, что декоративная бижутерия стала частью моего личного дипломатического арсенала», — написала Олбрайт в своей книге под названием «Читайте мои броши: истории из дипломатической шкатулки».

Можно ли считать, что экспансия символа — положительное явление социальной практики? В целом можно, пожалуй, ответить положительно. Нынешняя эпоха находится под сильным влиянием постмодернизма. Это основное направление в современном искусстве, философии и науке. Политика сегодня эксплуатирует умышленное многообразие стилей. Современный город отказывается от ограничений и устремляется навстречу экзотике других культур. Гуманитарное знание парадоксальным образом тяготеет к математическому, прагматическому языку. Рассудочная мысль, напротив, широко использует мистические шифры и знаковые коды.

Постмодернизм взрывает изнутри все традиционные представления о целостности, стройности, законченности эстетических систем. Все, что на протяжении многих столетий шлифовалось, вынашивалось, теперь подвергается критической оценке, критическому пересмотру. Все это сказывается и на языке политики. Она также несет на себе следы «усталой культуры». И здесь тоже господствует смешение стилей и кодов.

За несколько дней до инаугурации президента Джорджа Герберта Уокера Буша (старшего) Белый дом ознакомил население с протокольным описанием церемонии прощания Рональда Рейгана со своим постом и горожанами. Предполагалось, что после инаугурации президент Буш отправится вместе с Рейганом до вертолетной площадки на Капитолийском холме. Когда Рональд Рейган шагнет в вертолет, он, согласно протоколу, повернется и отдаст честь Бушу. Организаторы этой инаугурации изо всех сил старались придать событию символический смысл. Тот момент, когда Рейган отдает честь Бушу, по замыслу, должен был смутно напомнить историческое событие, когда Иоанн Креститель крестил Христа в реке Иордан. Однако Рейган решил отказаться от всякой символики. Он предпочел произнести речь о том, какие победы были одержаны в период его президентства. Бюрократический самоотчет и символический жест не слились в единое значимое событие.

Западные политики наших дней стремятся представить собственные государственные интересы как мессианские, направленные на укрепление демократии во всем мире. Но трудно «подверстать» под эту символику судьбу, скажем, Ливии, которая превратилась в выжженную пустыню. О такой политике Президент России сказал: «Войска Соединенных Штатов вошли в Ирак, повесили Саддама Хусейна, а потом выяснилось, что никаких средств массового уничтожения в Ираке не было и нет».

Изменилось геополитическое пространство, сменились духовные ориентиры, прошлое утратило свою однозначную оценку, поскольку возникли самые разные понимания исторического наследия.

Симулякры политики

Символ живет до тех пор, пока он заключает в своем чреве смысл. Но как только будет найдено выражение, которое формулирует искомый, ожидаемый или даже обожествляемый предмет лучше, чем доселе принятый символ, символ умирает, т.е. он обладает только историческим значением... Выражение, обозначающее известный предмет, остается лишь знаком, но не символом.

Что происходит, если надобность в символе есть, а сам он утрачивает свое значение? Он превращается в симулякр. Это слово означает нечто, в чем нет смысла и содержания. Симулякр — это обманка. Реальность в нем замещается социальными протезами. Мы незаметно привыкли к владычеству контрафакта. Куда ни кинешь взор — кругом одна фальшивка. Водку и минералку разливают на подпольных заводах прямо из-под крана. Одежду от известного западного кутюрье шьют в Китае и Таиланде. Новинки видеорынка появляются на «Горбушке» раньше, чем они поступают в продажу. Разница лишь в том, что от фальшивой минералки никто еще не умер, а от какого-нибудь фальсифицированного алкоголя могут погибнуть десятки людей.

Здесь есть и полная отмена реального развития и реальных событий в «реальном времени» современных систем информации. Этот феномен Бодрийяр отметил еще в 1991 году, когда объявил «несостоявшейся» войну в Персидском заливе, от начала до конца демонстрировавшуюся в режиме виртуальной реальности телекамерами Си-эн-эн. Наш апокалипсис не реальный, а виртуальный. Он не в будущем, а имеет место здесь и теперь.

Обслуживая индустрию символов, политика пытается увлечь массы в мир выдуманный, виртуальный. Множество людей уже вступило в бестелесные воображаемые миры. Теперь мы говорим о «виртуальной реальности». Чтобы участвовать в ней, посетитель облачается в униформу, оборудованную датчиками, чтобы контролировать главные движения тела. Костюм включает маску на лицо, которая может сигнализировать движение головы.

Мы живем в культуре, которая быстро оживляет в моделировании миллион объектов, с изяществом их возбуждая. Телефонный распределительный щит становится моделируемым голосом оператора, автомобиль — тигром среди коммерческих искусственных деревьев, и робототехнические аллигаторы подходят моделируемым джунглям в луна-парке. Мы даже больше не щуримся. Искусственные цветы, которые ярче и красивее естественных, искусственный газон с ровной вечнозеленой травой, бетонная стена «под мрамор», пластмассовый стол «под дерево», соевая колбаса «под мясо», певцы с «фабрики», выражающие не себя, свое состояние и чувства, а замысел и проект

продюсера. Чем меньше в них самостоятельности, личностных особенностей, тем лучше и легче реализовать волю режиссера политики.

Это конструкт, концепт, воплощенный в реальности, но не как новый артефакт, а внедренный в нечто существующее, воспроизводящее функции, но меняющее его субстрат, субстанцию, лишаящее его собственных импульсов существования и развития. Человек без души, без самости, функционер, марионетка, зомби, робот. Разве можно отождествить госпожу Джен Псаки, которая предстает перед многомиллионной аудиторией легкомысленной дурочкой, с ролью государственного деятеля? Песни «под фанеру», речь с чужого текста, порнография вместо секса, ложь как норма поведения и т.д., как в анекдоте, когда на вопрос об образе жизни отвечают: образ есть, а жизни нет.

Не случайно для искусства постмодерна характерно ироническое передергивание, оборотничество. Скажем, в прежние времена петелька на одежде и этикетка пришивались только внутри, а сейчас это предумышленно и демонстративно выставляется наружу. Многое из того, что считалось запретным, сокровенным, тайным, становится публичным, предается огласке. Допустим, прежде политическая жизнь не предавалась огласке. Теперь газеты смакуют каждую деталь жизни политиков. Мы узнаем об их образе жизни, любовницах, страстях.

Вещи становятся более хрупкими. Они превращаются в однодневки. Современные люди, ускорив темпы перемен, навсегда порвали с прошлым. Мы отказались от прежнего образа мыслей, от прежних чувств, от прежних приемов приспособления к изменяющимся условиям жизни. Именно это ставит под сомнение способность человека к адаптации — выживет ли он в новой среде? Сможет ли он приспособиться к новым обстоятельствам жизни, к бытованию среди симулякров?

У каждого человека существует некая модель мира — субъективное представление о внешнем окружении. Эта модель состоит из десятков тысяч образов. Они могут быть простыми, как отражение облаков, плывущих по небу, а могут носить характер сложных умозрительных абстракций. Можно назвать эти мысленные модели внутренним складом, вместилищем образов, в котором хранятся наши мысленные портреты Твигги, генерала де Голля, и в то же время некие заповеди, вроде «человек по природе добр».

Однако для того чтобы человек мог выжить, его модель должна иметь некоторое общее сходство с реальностью. Ни одна мысленная модель мира не является личным произведением. Хотя некоторые из мысленных образов строятся на основе личных наблюдений, все же большая их часть основывается на информации, поставляемой сред-

ствами массовой коммуникации и окружающими людьми. Если бы общество само по себе оставалось неизменным, человек не испытывал бы потребности пересматривать собственную систему представлений и образов, чтобы увязать их с новейшими знаниями, которые есть в обществе. Пока общество стабильно или изменяется медленно, образы, на основе которых человек строит свое поведение, также могут меняться медленно. Но вот общество вошло в сферу, где все происходит быстро, неотвратно. Разумеется, это грозный симптом кризиса, который угрожает человечеству.

Здравый смысл подсказывает: сначала существует территория, потом появляется карта. Но не так в современной политике. Многие страны сегодня располагают картами, которые произвольно отражают границы данной державы. Сама карта предшествует территории. Симулякры порождают территорию.

Политики склонны эксплуатировать многозначность символа, его глубину, его подвижность. Однако символ отнюдь не идентичен двойным политическим стандартам. Политика все основательнее утрачивает свои специфические черты и особенности, сливается с реальностью в ее фантомных проявлениях.

Наталья БУРЛИНОВА

ПУБЛИЧНАЯ ДИПЛОМАТИЯ РОССИИ: ПРАКТИКА И ПРОБЛЕМЫ СТАНОВЛЕНИЯ

В начале июля 2014 года состоялось уже традиционное ежегодное выступление министра иностранных дел России Сергея Лаврова перед руководителями представительств и представителями Россотрудничества за рубежом. Руководящий кадровый состав Россотрудничества собрался в Москве, чтобы послушать министра, сверить часы и получить новые вводные по дальнейшей работе в области гуманитарного сотрудничества за рубежом.

Новые послы и идеи по развитию деятельности Россотрудничества и других гуманитарных структур в области публичной дипломатии, высказанные министром на совещании, можно считать очередным этапом создания структурных элементов публичной дипломатии России, настройка которой идет последние пять лет ускоренными темпами в тренде развития так называемой «мягкой силы» России.

Но несмотря на использование новомодных терминов, увеличение финансирования Россотрудничества, создание ряда крупных фондов с опосредованным государственным участием, на попытки стимулирования российских некоммерческих организаций к общественной работе, большого прогресса в плане публичной дипломатии не наблюдается, в отличие, например, от успехов в рамках информационного вещания России на зарубежную аудиторию.

В чем же ключевая проблема российской публичной дипломатии и почему не получается выстроить эту систему так, как надо, а не так, как всегда?

В меру своего опыта и наблюдений, полученных за последние годы на разных уровнях и с разных ракурсов этой системы, попытаюсь дать свои ответы на поставленные вопросы.

Главная системная проблема — отсутствие системности в работе

Как бы парадоксально это ни звучало, но, действительно, главная проблема российской публичной дипломатии в разрезе «мягкой силы» — это отсутствие системности и координации в той работе, которую ведут разные ведомства, организации или даже отдельные лица на этом направлении.

Почему же нет системности в работе?

Во-первых, по причине отсутствия единого начала в этой системе в силу исторической стихийности развития этого направления. В России область публичной дипломатии развивалась с начала двухтысячных годов абсолютно спонтанно, в отрыве и без поддержки государства, без понимания со стороны последнего всей той важности, которую эта работа несет для геополитической значимости России в мире. Если вспомнить, когда в широком обиходе заговорили про так называемую «мягкую силу», то это будут времена совсем свежие — не более пяти последних лет, да и то в основном в узких кругах экспертов и политологов. Если же говорить о введении этого термина в официальный государственный оборот, то и того меньше — 2012 год, когда впервые Владимир Путин в своей предвыборной статье «Россия и меняющийся мир» использовал это выражение, трактуя его «как комплекс инструментов и методов достижения внешнеполитических целей без применения оружия, а за счет информационных и других рычагов воздействия»¹.

С этого момента словосочетание «мягкая сила» стало новым модным трендом, постепенно замещая собой по популярности уходящее из политического лексикона российской элиты слово «модернизация». Однако реально чиновники в структурах, принимающих ключевые решения по вопросам «мягкой силы», не говоря уже о низших по рангу ведомствах и министерствах, слабо разбирались в том, чем термин «мягкая сила» отличается от «публичной дипломатии» или «публичная дипломатия» от «общественной». И какова в этой всей системе роль некоммерческих организаций. Появилось множество центров, работающих по теме «мягкой силы» в органах власти, разные «башни» стали по-разному трактовать в этом контексте национальные интересы. Что еще хуже — между этими центрами появилась конкуренция за политические очки, что не способствовало достижению максимальных результатов по поставленным задачам.

Конечно, принцип конкуренции хорош, но он хорош в среде бизнеса, а не в системе принятия решений, связанных порой с жизненными интересами страны. И эта конкуренция происходит на уровне людей,

¹ Путин В.В. Россия и меняющийся мир. — URL: <http://www.putin 2012.ru>

принимающих решения или, по крайней мере, формулирующих эти решения.

Таким образом, вторую проблему можно обозначить как отсутствие у чиновничьего аппарата понимания самого предмета работы в области публичной дипломатии.

В-третьих, нет системного видения работы в области «мягкой силы».

Если спросить чиновника или эксперта: «Опишите основные структуры, работающие в системе публичной дипломатии России», не сомневайтесь, что ответят единицы. Эксперт попытается, чиновник — просто не ответит. Да, назовут Россотрудничество, может быть, Фонд поддержки публичной дипломатии имени А.М. Горчакова — вот, пожалуй, и все. Если спрашивать по деталям — того хуже. Например, не все сотрудники МИДа, особенно работающие за границей, в курсе того, что есть вообще Фонд Горчакова, при том, что организация эта была учреждена непосредственно МИДом. И как же будет мидовец продвигать эту самую публичную дипломатию, если даже про такой фонд не слышал?

Существует в целом большая проблема отсутствия комплексной информации о том, кто работает в этой сфере, какие структуры вовлечены в эту работу. Кто за что отвечает, кто с кем, где и в какой области пересекается, почему за деньгами на международное сотрудничество надо идти в Министерство образования, почему три структуры сразу занимаются одним и тем же проектом. Само государство плохо понимает, какие системные (с несистемными ясно) игроки присутствуют в этом поле. Вопросов много. Для исправления этой ситуации необходимо четко выстроенное комплексное видение работы, которое не обязательно должно вылиться в создание отдельного ведомства, хотя эту идею не надо сбрасывать со счетов.

Для начала необходимо разработать вместе со специалистами и экспертами в этой области юридический документ по концепции и системе работы в рамках «мягкой силы» Российской Федерации, который бы определил правила игры, основных игроков в этой области и принципы их взаимодействия. К основным игрокам здесь относятся: государство в лице министерств, агентств, других ведомств, постоянные структуры, созданные с участием государства для финансирования более мелких игроков (крупные российские фонды-грантодатели), структуры, временно приобретающие от государства роль финансирования мелких игроков (грантооператоры), некоммерческий сектор в лице НКО, образовательные учреждения/вузы, СМИ и медиа и т.д. Такой документ нужен для того, чтобы заинтересованные игроки имели четкие правила игры и могли ориентироваться в той многоголовой системе фондов и грантов, которые есть сегодня. Он нужен и само-

му государству, и чиновникам, чтобы не потерять системность работы и контроль за ситуацией.

Четвертый момент — финансирование. Денег всегда мало, но не бывает много денег на работу с окружающим тебя миром, если ты заинтересован обозначить свое присутствие и свои интересы в этом мире. Грустно умолчим здесь о тех бюджетах, которыми распоряжается американский госдеп по направлению Public Diplomacy или Американское Агентство по международному развитию (USAID).

Отрадно, что в последнее время и наше государство стало уделять этому вопросу больше внимания, увеличился бюджет Россотрудничества. Появилось несколько фондов, выделяющих гранты российским НКО на деятельность по направлению публичной дипломатии. Выделяются через систему крупных фондов-распределителей президентские гранты на подобные проекты некоммерческих структур.

Но бюджеты фондов-грантодателей все равно небольшие по сравнению с бюджетами аналогичных структур в США или Европе. Если нет желания у государства давать большие бюджеты крупным фондам для работы в направлении внешней политики, то тогда необходимо хотя бы просто увеличить число таких малобюджетных фондов. Самое печальное, что таких фондов в России раз два и обчелся. Пожалуй, уже упоминавшийся Фонд Горчакова — это раз, «Русский мир» — это два (примем во внимание, что профиль этого фонда все же русский язык, а не классическая публичная дипломатия). А вот на позицию три — ничего не приходит на ум, разве что Фонд «Российско-польский центр диалога и согласия», который работает исключительно на двусторонних проектах. И это катастрофа по сравнению с европейской системой выделения грантов НКО!

Совсем недавно была предпринята попытка работать по публичной дипломатии через систему президентских грантов. Попытка правильная, но качественно оставляющая желать лучшего. И связано это, прежде всего, с характером проектной деятельности и качеством работы подающихся на гранты российских НКО.

Пятый момент — российские НКО как отражение российской действительности.

Российские некоммерческие организации так же, как и российская бюрократия, в массовом порядке оказались идейно не готовы к работе на ниве публичной дипломатии. Некоторым, конечно, представлялось, что они гуру в этом вопросе, но первые же испытания деньгами и проектами в этой области выявляли всю профанацию их деятельности.

Российские НКО, пережившие бум своего роста во второй половине девяностых — первой половине двухтысячных, в массе своей представляют собой очень прикладные секторальные направления (например, благотворительность, помощь больным детям, различные соци-

альные проекты), а те, что так или иначе занимались околополитической деятельностью, в большинстве своем сидели до недавнего времени на западные гранты. Понимание «публичной дипломатии» в классическом варианте в контексте реализации внешнеполитических интересов страны просто отсутствовало в их лексиконе, а многим и не могло прийти в голову, так как не соответствовало их идейным, ориентированным в другую сторону от Кремля взглядам. Их публичная дипломатия заключалась как раз в обратном — в интересах внешнего заказчика публичными методами влиять на ситуацию в России. И здесь можно только приветствовать принятый недавно так называемый закон об иностранных агентах² (а на самом деле всего лишь поправки в действующее законодательство), позволяющий фиксировать рабочее поле и контролировать ситуацию с иностранными финансовыми потоками для российских НКО.

Но когда государство обратило на эту проблему свое внимание и появилась возможность получать финансовую поддержку в виде грантов и от фондов-грантодателей и от фондов-грантооператоров, в доселе незнакомую им область ринулись очень многие, что иногда приводило к смешным казусам. Например, одна региональная организация умудрилась подать в крупный грантодающий фонд заявку на реализацию мюзикла для детей с названием в честь сказочного персонажа Бабы Яги. Какое отношение, спрашивается, имеет Баба Яга к российской публичной дипломатии? По доводам заявителей, имеет самое прямое — донесение российских культурных традиций до зарубежных детей. И это не единичный случай.

К 2010 году, когда государство впервые задумалось о системной финансовой поддержке российских НКО в области публичной дипломатии, в этом российском секторе можно было насчитать профессиональных российских НКО не более, чем пальцев на двух руках. Это — малочисленная группа организаций, которые действительно были в теме специфики российской публичной дипломатии и ее внешнеполитической подноготной. То есть, когда пришло время раздавать гранты на публичную дипломатию по направлению международного сотрудничества — раздавать их оказалось некому. Проблема осложнялась большим количеством «ложных НКО», «НКО-прохвостов», которые были готовы пожить за счет государственных грантов.

Ситуация осложняется тем, что в силу новизны самого вопроса введения в России грантовой системы в публичной дипломатии многие вопросы процедуры и принципов работы решались по ходу. К приме-

² Федеральный закон РФ от 20 июля 2012 года № 121-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования деятельности некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента» // Российская газета (электронный ресурс). 2012. 23 июля.

ру, всех НКО всегда волнует вопрос о зарплатах для сотрудников в рамках реализации проекта. Действительно, это нормальная практика. Проект предполагает выполнение определенной работы исполнителями, которая, справедливо предположить, должна оплачиваться самими НКО, а для этого должна быть предусмотрена возможность использовать разумную часть гранта на зарплаты. Совершенно правильно, что система президентских грантов строится именно по такому принципу. Это во многом выводит в белую зону многие НКО, которые больше не должны изворачиваться и придумывать разные способы ухищрений для того, чтобы сэкономить деньги на зарплаты сотрудникам. Но существует и альтернативный подход — деньги по гранту должны использоваться только на организационные статьи, а работа должна строиться на энтузиазме и осознании выполненного перед государством долга. Представляется, что вторая точка зрения ошибочна, бесплатный сыр бывает всем известно где, а нашей сложной системе нужно поощрять НКО работать вне серых схем, что это возможно только при наличии зарплатных статей, дающих людям уверенность в том, что их работа оплачивается и нужна государству. К тому же это укрепляет финансовую дисциплину и ответственность.

Шестой момент. Колоссальной проблемой в нашей публичной дипломатии является кадровый вопрос, который тесно связан с проблемой образования по направлению публичная дипломатия.

Кадры решают все. От этой истины никуда не уйдешь. Оставим грустную тему оценки российских кадров в целом. Возьмем направление публичной дипломатии. Сегодня констатируем, что здесь у нас — серьезный кадровый провал. Конечно, можно сказать, что вот есть классические дипломаты, они и должны заниматься дипломатией, включая публичную. Да, это правомочно в системе МИДа, хотя и здесь дипломатам полезно знать специфику этой области. А что делать с другими непрофильными (дипломатическими) ведомствами, которые также связаны с публичной дипломатией, с грантодающими фондами, фондами-грантооператорами, да и всеми остальными НКО, претендующими на то, чтобы работать в этой сфере?

Публичная дипломатия — это уже сложившаяся среда, имеющая право на самостоятельное существование и претендующая на специально заточенные для работы с этой средой кадры. Но о чем здесь можно говорить, если даже в ведущем российском вузе, готовящем специалистов для дипломатической службы, нет такого отдельного направления, как публичная дипломатия, нет спецкурсов по «мягкой силе» и прочей специфике этой работы. Итог печальный.

Так, например, пришедшие совсем недавно на практику в один из российских крупных фондов студенты из разных вузов, включая МГИМО, МГУ и другие, проходя вводный тест на их общие знания в

этой области, продемонстрировали, что практически ничего не знают, даже самых элементарных реалий. Многие терялись на, казалось бы, элементарных вопросах, ответы на которые должны знать даже средние выпускники факультетов международных отношений. Да что там, даже термин «мягкая сила» расшифровать большинству не под силу. А ведь эти студенты в будущем претендуют на работу в структурах, которые как раз занимаются этой «мягкой силой». Но здесь вопрос не столько к студентам, сколько к вузам и государству. Если нет образовательных программ, готовящих специалистов в области публичной дипломатии, какого качества «мягкой силы» тогда ожидает государство? Вопрос на данный момент пока риторический.

У нас также не принято готовить общественных дипломатов. Речь уже идет не о профильных студентах, а о представителях тех самых НКО, что хотят работать, так сказать, в поле. Для повышения качества такой работы не мешало бы организовывать специальные курсы общественного дипломата, привлекать к этой образовательной общественной работе экспертов, представителей МИДа. Ведь при реализации проектов международного характера с громкими установочными целями про национальные интересы НКО должна понимать, в чем, собственно, эти интересы заключаются. Пока многие, увы, не понимают.

Еще один срез этой проблемы — кадры представительств публичных и общественных структур за рубежом. К этим кадрам есть очень много вопросов по форме их работы, а порой и просто — по внешнему виду. Часто возникает вопрос лояльности этих кадров к интересами собственной страны. Но опять-таки вопрос этот системный и требует комплексного подхода в рамках реформирования и модернизации кадрового сознания нашей страны.

Седьмое. Еще одной проблемой нашей публичной дипломатии является ее **зацикленность на собственных внутрироссийских механизмах и формах работы.** И здесь главный вопрос — почему российская публичная дипломатия так мало задействует механизмы зарубежных НКО? Почему вся наша грантовая система практически полностью ориентирована на российские НКО? Действует странная логика — научим российские НКО публичной дипломатии, чтобы затем они уже приступили к работе вовне. А почему нельзя развивать эти процессы параллельно? Ведь в соседних странах, и не только, существует большое количество местных НКО, которые и рады были бы получить российское финансирование, да только взять его негде. Поэтому многие, даже и не желая того в душе, идут к европейцам и американцам. Ситуация схожа с тем, как работали еще пять-десять лет назад наши собственные НКО — даже на российском рынке были только иностранные деньги. Но здесь государство сделало выводы и пред-

приняло ряд шагов для исправления ситуации. Думается, уже давно настало время для ведения активной грантовой линии на поддержку зарубежных НКО, причем делать это надо с максимальным облегчением их работы в части оформления документов и отчетов. Ведь даже те единичные НКО, которые все же решаются найти сейчас финансирование в России, после сдачи первой отчетности ставят крест на всей этой работе, памятуя о жгучей российской бюрократии, убивающей всякую инициативу даже у самых верных союзников.

Последний пункт, самый печальный.

В завершение хочется отметить, что все названные выше проблемы могут при доброй воле разных сторон — государства и общества — быть решенными. Но для этого нужна воля: политическая воля, идеологическая воля и модернизация сознания, когда публичная дипломатия не будет восприниматься профильными ведомствами как приложение к чему-то. Сравним лишь статус этой самой публичной дипломатии в российской и американской системе на уровне МИДов. В Госдепе США есть не просто отдельное направление — Public Diplomacy & Public Affairs, но и заместитель Госсекретаря США по этому направлению. Что есть в российском МИДе? Фантомный Департамент с длинным названием, отвечающий много за что, включая НКО. На этом примере чувствуется разница подхода к вопросу о «мягкой силе» двух крупнейших игроков. И абсолютно понятно, почему один из этих игроков повсеместно выигрывает в вопросе публичной дипломатии и взаимодействия с обществом, а мы везде отстаем лет на двадцать.

В итоге, если чиновничье сознание мелких клерков будет по-прежнему исходить из принципа, что публичная дипломатия играет обслуживающую функцию, то «мягкая сила» России будет по-прежнему находиться в обмякшем состоянии. А нам «мягкая сила» нужна твердой. Времена такие.

ТЕМА НОМЕРА: **ПРОЕКТ ВОСТОЧНОГО ПАРТНЕРСТВА** **«ДО» И «ПОСЛЕ» МАЙДАНА**

Статья написана на основе аналитического доклада, подготовленного российскими учеными-политологами Еленой Пономаревой, доктором политических наук, профессором факультета политологии МГИМО (У) МИД РФ Любовью Шишелиной, доктором исторических наук, профессором Института Европы РАН, под руководством доктора политических наук, профессора, заведующей кафедрой сравнительной политологии МГИМО (У) МИД России, президента Российской ассоциации политической науки Оксаны Гаман-Голутвиной.

ЧАСТЬ I. **КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ НАПОЛНЕНИЕ ПРОЕКТА**

Украина как поле крушения «Восточного партнерства»

События на Украине 2013–2014 годов стали крупнейшим на евразийском пространстве геополитическим кризисом с начала нового столетия, который привел к коллапсу украинской государственности, чреватому экономической катастрофой и территориальным распадом. Сегодня не остается сомнений, что одной из значимых причин кризиса стала европейская инициатива соседства «Восточное партнерство», направленная на шесть республик бывшего СССР — Белоруссию, Украину, Молдавию, Грузию, Армению и Азербайджан. Конфликтogenous наполнение, которое получила данная программа (ее венцом стал Вильнюсский саммит в ноябре 2013 года), обострило системные противоречия постсоветского периода развития Украины, в итоге переросшие в масштабное противостояние между Россией, с одной стороны, и ЕС, США — с другой. Будущее Украины перестало быть собственно украинским делом, превратившись, скорее, в повод, контекст для глобального переустройства геополитической системы координат.

Изначально программа была лишь одним из направлений общей Европейской политики соседства (ЕПС). Данная политика после масштабного расширения ЕС в 2004 году предлагала привилегированный

характер отношений Европейского союза с новыми соседями, который, по сути, не имел четких очертаний. Формально этот характер отношений был основан на распространении европейских законодательных нормативов в экономической и политической сфере, но не гарантировал предоставления странам-соседям перспективы присоединения к ЕС на основе полноправного членства. Программа «Восточное партнерство» с момента своего запуска была направлена на наращивание ЕС своего экономического, политического и культурного влияния в странах восточного приграничья.

Одними из основополагающих принципов, на которых базировался этот формат соседства, стали принципы нормативности и кондициональности. Нормативность определялась развитием ЕС как сообщества, сила которого заключается в установлении правовых стандартов, и предполагала высокую степень гармонизации национального законодательства страны-соседа с правом ЕС. Кроме того, получение соседями ЕС выгод от сотрудничества напрямую увязывалось с признанием этими государствами таких европейских ценностей, как эффективное и демократическое управление, верховенство закона, демократия и права человека, принципы рыночной экономики и устойчивое развитие. Эти механизмы должны были стать приводными ремнями в двигателе «Восточного партнерства», с помощью которого шесть постсоветских стран планировалось модернизировать по европейскому образцу и усилить в них влияние ЕС. Однако эти механизмы так и остались на бумаге.

Окончательно скомпрометированы данные принципы были самими европейскими политиками во время продолжительных переговоров об ассоциации Украины с ЕС.

В качестве самого главного, принципиального условия подписания ассоциативного соглашения с Украиной ЕС выдвигал либерализацию правовой системы страны и освобождение Юлии Тимошенко, заключение которой позиционировалось как символ несоответствия украинских правовых практик высоким европейским нормам. Однако когда стало очевидно, что президент Украины Виктор Янукович, от которого напрямую зависело решение по «вопросу Тимошенко», не намерен освобождать оппозиционерку ради ассоциации с ЕС, европейские лидеры отказались от своих принципиальных условий, призвав украинского коллегу на Вильнюсском саммите подписать Соглашение об ассоциации с ЕС вообще без выполненной какой-либо «домашней работы».

Европа, по сути, расписалась в отсутствии в программе «Восточного партнерства» каких-либо недекларативных механизмов модернизации постсоветских республик, собственными же руками продемонстрировав ее содержание и идеологию, неприемлемые с точки зрения значимых интересов Российской Федерации на постсоветском пространстве.

Дальше всего по пути «буферного» государства «Восточного партнерства» продвинулась главная фокусная страна программы — Украина. В итоге украинская государственность, до этого не первый год находившаяся в состоянии турбулентности, оказалась в жесточайшем за все 23 года постсоветского развития кризисе. Европа же накануне выборов в мае 2014 года в Европарламент и последующего формирования нового состава Еврокомиссии из-за украинского вопроса оказалась втянутой в полномасштабное противостояние с Россией.

Украинский кризис, вызванный неудачной реализацией программы «Восточное партнерство», во многом лишает перспектив и саму программу. Постепенное осознание этого Европой продемонстрировал саммит 24–25 апреля в Праге по случаю пятилетия «Восточного партнерства», уничижительно прозванный «саммитом категории Б» из-за невнимания к нему еврограндов. Чехия, как один из лидеров Вишеградской четверки, открыто заговорила о необходимости трансформации «Восточного партнерства», которое в Праге считают де-факто уже «мертвым проектом».

Программа «Восточное партнерство»: глобальный и макрорегиональный контексты

В современных условиях борьба за власть, информацию и ресурсы сопровождается все возрастающей турбулентностью на глобальном и региональном уровнях. США, ЕС, Россия, будучи ключевыми игроками на мировой политической сцене, естественным образом оказываются включенными в это противостояние.

Перед Латвией, которой предстоит в 2015 году председательство в ЕС и проведение саммита «ВП», стоит сложная задача. Во-первых, украинский кризис, в значительной степени порожденный политикой Запада, привел к необратимым геополитическим последствиям. Во-вторых, события на Украине, приведшие к фактическому распаду страны, реактивировали фобии и менталитет «холодной войны», усилили конфронтационность в системе международных отношений. В-третьих, произошла легализация, легитимация и институционализация неонацистских структур, против чего резко выступала и выступает Россия. И, наконец, последнее по перечислению, но не по значению — это бесперспективность проектов, основанных на логике «игры с нулевым результатом», как инструмента противодействия интеграционным процессам с участием России¹. Такого рода проекты, основанные на

¹ Выступление министра иностранных дел С.В. Лаврова на встрече с представителями российских НПО международной специализации 11 апреля 2014 года. — URL: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/newslines/1F9973CA66EF653E44257CB7003BA7A4

концепциях «однополярного мира» и «глобального управления», безвозвратно устарели.

В этой связи «Восточное партнерство» следует рассматривать, с одной стороны, как инициативу «малых наций», стремящихся «включиться в наднациональные структуры имперского размера»². С другой, как попытку реализации конструкта «супранационального»³, зонтичного или сетевого мира, формирующего «союзы по обеспечению обороны и безопасности, торговые и экономические соглашения и зоны языка и общения»⁴.

В современной науке существует несколько подходов к пониманию проблемы управления таким «инфранациональным» (Э. Хобсбаум) сообществом, нивелирующим, «размывающим» (М.В. Ильин) категорию суверенитета национальных государств. Самыми востребованными среди истеблишмента западных стран являются концепции однополярного мира и глобального доминирования.

Основным положением модели *однополярного доминирования* является тезис о полном превосходстве Соединенных Штатов и их союзников над своими потенциальными противниками во всех компонентах силы — экономическом, военном, технологическом, причем как в количественном, так и в качественном отношении⁵. По логике сторонников этой модели, ситуация превосходства Запада способствует поддержанию мира в глобальном масштабе. При этом большинству стран выгодно проводить двойную политику: «тесно сотрудничать с Вашингтоном и в то же самое время разглагольствовать о необходимости создания противовеса»⁶.

Размышляя о месте программы «Восточное партнерство» в глобальной системе координат, следует вспомнить и о том, что в США в Центре стратегических и международных исследований несколько лет назад была создана Комиссия по «умной силе» (УС), которая пришла к выводу, что Штатам следует отойти от экспорта страха к поощрению оптимизма и надежды.

Сложность современного этапа развития мировой политики в том, что в борьбу за влияние, информацию и ресурсы включены не

² Colomer J.M. Great Empires, Small Nations: The Uncertain Future of the Sovereign State. — L., N.Y.: Routledge, 2007. — P. 9, X.

³ Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года. — URL: http://www.aleksandr-kommari.narod.ru/hobsbaum_nacii.html

⁴ Colomer J.M. Great Empires, Small Nations... P. 31.

⁵ Бжезинский Зб. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. — М.: Межд. отн., 1999. — 256 с.; Wohlforth W. The Stability of a Unipolar World // International Security. Summer 1999. — P. 5–41; Bell C. American Ascendancy // The National Interest. 1999. — P. 55–63.

⁶ Wohlforth W. The Stability of a Unipolar World // International Security. Summer 1999. — P. 37.

только (а зачастую даже не столько) государства, сколько наднациональные структуры и ТНК. Сегодня происходит «передача», перераспределение силы с уровня государства на уровень негосударственных, супранациональных игроков⁷. Очень важным фактором является возможность и способность влиять на поведение лиц, принимающих решения (ЛПР). Д. Эйзенхауэр обозначил это как побуждение делать что-то «не только потому, что вы говорите им, что так надо сделать, а потому, что они инстинктивно хотят это сделать для вас»⁸.

Интегральным Западом за основу стратегии управления принимается концепция «правительственности» (*governmentality*), вырастающая из трудов М. Фуко. Одной из составляющих этой концепции признают «тенденцию, силовую линию, которая на всем Западе уже издавна непрестанно вела к преобладанию типа власти, который можно назвать «управлением» всеми остальными: суверенитетом и дисциплиной; а это способствовало, с одной стороны, развитию целого ряда особых правительственных аппаратов, а с другой — развитию целого ряда знаний⁹. Собственно, именно это мы и наблюдаем в деятельности разного рода институтов и программ ЕС.

Фактически однополярный мир оказался обречен действиями своего лидера — США — и его союзников, их стремлением по навязыванию своих ценностей, по бескомпромиссному и жесткому, а порой жестокому (Балканы, Афганистан, Ирак, Ливия, Сирия, а теперь — и Украина, хаос на которой стал «венцом» программы «Восточное партнерство») по продвижению своих интересов, что, в конце концов, приводит к росту напряженности, конфликтности, деструкции, хаосу, причем выходящему из-под контроля его организаторов.

Многополярность же, наоборот, формирует консенсусность мировой политики. Наличие нескольких центров силы, сопоставимых по «интегральной мощи»¹⁰, позволяет совмещать различные модели развития, а не ломать мир исключительно по западной матрице.

⁷ Подробнее об этом см. Негосударственные участники мировой политики / Под ред. М.М. Лебедевой, М.В. Харкевича. — М.: Аспект Пресс, 2013. — 208 с.

⁸ Цит. по *Axelrod A. Eisenhower and Leadership*. — San Francisco: Jossey-Bass, 2006. — Р. 283.

⁹ *Фуко М. Правительственность (идея государственного интереса и его генезис) // Логос. 2003. Т. 39. № 4–5. — С. 20. — URL: <http://www.ruthenia.ru/logos/number/39/01.pdf>*

¹⁰ Глобальный рейтинг интегральной мощи 100 ведущих стран мира / Под ред. А.И. Агеева, Г. Менша, Р. Мэтьюза. — М.: МАИБ, 2008. — 148 с.

Проблемы реализации программы «Восточное партнерство»

Для анализа того, в каком состоянии находится программа «Восточное партнерство» и каковы ее перспективы, целесообразно взглянуть на этот проект через призму процессов, происходящих в Центральной и Восточной Европе.

Напомним, что на момент распада социалистических региональных объединений в центре Европы возрождались идеи не только возвращения к довоенным принципам управления экономикой и политикой, но и пространственным объединениям и союзам. На поверхности оказались вопросы территориального и регионального переустройства. Государства, отказавшиеся от ориентации на Москву, искали новые возможности регионального сотрудничества, постоянно варьирующиеся в членстве и границах (Пентагонале — Гексагонале и т.д.). После 1991 года Украина и Молдавия неоднократно пытались вписаться в схемы Балканского и Вишеградского взаимодействия либо на правах ассоциированного члена, либо участника. Украина смогла существенно сблизиться с Вишеградской группой, однако все попытки Юлии Тимошенко подписать с В-4 соглашение о более тесном взаимодействии не были встречены четверкой с энтузиазмом. Их не вдохновляла перспектива видеть в своих рядах государство, превосходящее их по размерам, но отстающее по экономическому развитию и несущее потенциал конфликта с Россией.

Все пики активности в программе «Восточного партнерства» так или иначе связаны со странами, вступившими в ЕС после 1 мая 2004 года. Оно и понятно: каждая страна, заступающая на пост председателя Совета ЕС, должна предложить Евросоюзу свою программу действий. Как в свое время Финляндия предложила программу «Северное измерение», а датчане и шведы — Балтийскую стратегию, так вполне естественным и для стран Центральной Европы было предложить либо «восточную» стратегию, либо дунайскую, либо черноморско-средиземноморскую. Естественно, что странам Вишеградской Европы ближе именно «восточная» стратегия, распространяющаяся на ее непосредственных соседей.

Изначально, 10 лет назад, за фасадом ЕПС более четко просматривались интересы расширяющегося ЕС, озабоченного проблемами безопасности в новых условиях. На восточном направлении Германия стремилась к симметрии со средиземноморским флангом Франции. Главный акцент политики соседства возлагался на приграничное сотрудничество, на так называемую готовность соседних стран «разделить с вновь принятыми государствами ценности ЕС»: либерализацию торговли, интенсификацию контактов в области науки, культуры, образования, усиление заботы о правах человека, об экологии, реше-

ние проблем энергетики и т.п. Кураторы ЕПС из числа западных стран понимали, что чем дальше на восток, тем сложнее становятся задачи конвергенции, поэтому подходили к вопросу чрезвычайно осторожно.

Предстояло иметь дело не с 1,5-миллионной Эстонией или 3,5-миллионной Литвой (сейчас население этих стран существенно уменьшилось), а с 45-миллионной Украиной, превышавшей по масштабам столь проблемную для ЕС Польшу, а по политической сложности превосходящей ее многократно. На эти цели, названные «формированием дружеского окружения», были брошены ресурсы TACIS, PHARE, ISPA, SAPARD, CARDS и новых программ, созданных под очень конкретные цели. Уже тогда было понятно, что речь шла о намерении ЕС начать работу по асимметричной конвергенции государств — потенциальных членов промосковской интеграции. Это было совершенно ясно прописано в одном из основных документов ЕПС — докладе Комиссии по иностранным делам, правам человека, общей политике безопасности и обороны Европарламента под названием «Расширенная Европа — соседство: новые рамки отношений с нашими восточными и южными соседями» от 5 ноября 2003 года¹¹. Наряду с декларацией важности отношений с Украиной вплоть до поддержки ее стремления к интеграции с ЕС, в нем заявлялось, что «установление Общего экономического пространства России, Украины, Белоруссии и Казахстана может стать торомозом в развитии отношений Украины с Евросоюзом».

Не получив большого результата от Европейской политики соседства на ее первом этапе, который завершался в 2007 году, в 2008 году Польша в партнерстве со Швецией решила, во-первых, напомнить Евросоюзу о программе ЕПС, а во-вторых, предложив вариант «Восточного партнерства», усилить в ней собственное влияние.

Однако озабоченные финансовой стороной вопроса немцы восприняли ряд предложений по интенсификации ЕПС как преждевременные¹², хотя и заслуживающие внимания в перспективе. В результате представители христианско-демократической коалиции в Европарламенте предложили разработать для стран, имевших статус объектов

¹¹ Report on 'Wider Europe — Neighbourhood: A New Framework for Relations with our Eastern and Southern Neighbours'. (COM(2003) 104-2003/2018(INI)) Committee on Foreign Affairs, Human Rights, Common Security and Defence Policy // EUROPEAN PARLIAMENT 1999–2004 Session document. FINAL A5-0378/2003. 5 November 2003.

¹² Так, представитель фракции Народной партии / Христианские демократы от Германии Элмар Брок выступил с предложением об ужесточении критериев способности новых стран к интеграции, т.е. пресловутых четырех «Копенгагенских критериев». Он также призвал к переходу к периоду консолидации в рамках ЕС: «Любое последующее расширение без предшествующей консолидации приведет к многочисленным конфигурациям внутри ЕС». Европа разных скоростей, по его мнению, приведет лишь к неуправляемости внутри ЕС, ослаблению его институтов и международного влияния.

Европейской политики соседства (Украина, Молдавия, Грузия, Армения, Азербайджан и Белоруссия), политику, подобную Средиземноморской программе ЕС.

Европарламент признал также необходимость большей диверсификации взаимоотношений между ЕС и окружающими странами, заполнения законодательных и концептуальных пробелов между политикой расширения и политикой соседства. Было акцентировано стремление ЕС к продвижению в сторону архитектуры концентрических кругов, разработке новых контрактных основ взаимоотношений со странами, остающимися вне процесса расширения.

Часть депутатов Европарламента при обсуждении вопроса видела очертания Восточноевропейского союза с участием Украины, Молдавии, Грузии, Армении и Азербайджана в качестве «третьего пути», среднего между членством и соседством. Некоторые наделяли его свойствами «санитарного кордона», который позволил бы фокусным государствам без особых институциональных усилий продвигаться в течение ближайших 20 лет в направлении большей консолидации с ЕС, не требуя от последнего немедленных заверений в будущем членстве¹³.

Однако в итоге в Европарламенте прошел вариант решения этой проблемы, который предложили 22 мая 2008 года министры иностранных дел Польши и Швеции — Радослав Сикорский и Карл Бильдт. В их интерпретации конфигурация из пяти бывших республик СССР получила название «Восточное партнерство» (отмечалось, что при улучшении политической ситуации к «ВП» могла бы присоединиться шестая страна — Белоруссия). Так предложение Польши и Швеции легло в основу новой восточноевропейской стратегии ЕС, а в дальнейшем особо заинтересованной в ней в силу непосредственного соседства Вишеградской группы.

Однако во время председательства Чехии, в январе 2009 года, представленная на обсуждение в Парламент программа была остро раскритикована евродепутатами. Программа критиковалась как лишенная амбициозности, конкретного содержания¹⁴, не соответствующая реалиям и т.д. Представитель Великобритании Чарльз Таннок, например, увидел в предложении Польши и Швеции несоответствие реалиям в том, что страны, рассматриваемые в рамках этой программы как регион, по его мнению, на самом деле таковыми себя не считают и желают выстраивать с Евросоюзом исключительно двусторонние отношения. В то же время депутат от Литвы Витаутас Ландсбергис отме-

¹³ Bulletin Quotidien Europe. 21.04.2008.

¹⁴ Депутат от Румынии Адриан Северин обвинил разработчиков в стремлении «продать Евросоюзу пустую коробку в красивой упаковке».

тил, что программа не обеспечивает главного: защиты стран — объектов этой политики от «посягательств» со стороны России.

Таким образом, уже на начальных этапах весьма остро заявили о себе противоречия в подходах к программе «старых» и «новых европейцев», а презентацию новой инициативы ЕС на саммите в Праге 7 мая 2009 года проигнорировали не только лидеры десяти ведущих западных государств (среди которых главы Франции, Великобритании, Италии, Испании), но и двух из шести приглашенных государств — Белоруссии и Молдавии.

Еще накануне саммита между членами ЕС вскрылись серьезные разногласия в позициях по поводу стратегии «Восточного партнерства». Так, устами первых лиц Германии, Франции, Великобритании, Италии и стран Бенилюкса было сделано предупреждение, что данная формула сотрудничества ничего не сулит странам — объектам членства в Европейском союзе, а может рассматриваться всего лишь как средство поощрения этих стран к сближению их позиций с ЕС. В то же время Вишеградские страны — Польша, Чехия, Словакия и Венгрия — сочли такую позицию неправильной. Разошлись две группировки и в терминологии. В то время как страны «старой Европы» продолжили называть бывшие советские республики «восточными соседями», страны Вишеградской Европы и Прибалтики предпочитали именовать приглашенных на саммит новичков из числа бывших республик СССР «европейскими странами». В некоторой степени спор был разрешен после компромиссного предложения использовать термин «восточные партнеры».

Значимость анонсированного события во многом свелась к обещаниям постепенного прогресса в либерализации визового режима для «восточных партнеров» и дифференцированного подхода к подписанию соглашений об усиленном партнерстве по типу уже имеющегося соглашения с Украиной.

В ходе последующих попыток реализации этой программы происходила неоднократная замена формулировок, за которой стояла задача, не обещая членства в ЕС, максимально поощрить страны — объекты политики к отдалению от промосковской интеграции. Карл Бильдт высказал мнение, что «ЕС должен рассчитывать, насколько он открывает дверь для каждой страны-претендента, но не закрывать ее вовсе, так как это было бы исторической ошибкой»¹⁵.

На состоявшемся 4 декабря 2009 года в Киеве саммите Украина–ЕС была принята совместная декларация, в которой были закреплены «Европейские устремления Украины» и приветствовался «Европейский выбор». Также было принят план Ассоциации. В первых же строках соглашения об ассоциации было подчеркнута вовлечение Украи-

¹⁵ Bulletin Quotidien Europe, № 10028, 27.11.09.

ны в акции ЕС по линии общей политики безопасности и обороны¹⁶. Далее прописывались мероприятия по модернизации Украины, особенно ее энергетического сектора.

Характерно, что отношения Евросоюза с Украиной изначально строились по принципу «либо мы, либо Россия». Уже на старте проекта «Восточное партнерство» ЕС усомнился в готовности новых властей Украины следовать курсу на сближение с Евросоюзом на фоне улучшающихся отношений с Россией. Это потребовало от президента страны Виктора Януковича дополнительных заверений в том, что стабильные хорошие отношения с Россией действуют только во благо неизменному курсу его страны на перспективное членство в Евросоюзе¹⁷.

Накануне Вильнюсского саммита в В-4, как и в целом в ЕС, не сформировалось единого мнения по вопросу о необходимости подписания ассоциированного соглашения с Украиной. Наиболее решительно намеревались действовать две из четырех Вишеградских стран — Польша и Венгрия, а также бывшие республики СССР — Латвия и Литва. Официальная Прага, понимая болезненность вопроса для России, совершенно не желала осложнять свои продвинутое экономические отношения с нашей страной.

Страны Вишеградской группы оказались на передовой украинского конфликта не только в силу географии. Немаловажную роль в их позиции по украинскому вопросу сыграло и то, что, будучи главными разработчиками и проводниками политики «Восточного партнерства», ставшей одним из главных катализаторов произошедшего, они оказались непосредственно причастными к разгоревшемуся на Украине конфликту и тем самым обрекли себя на активное участие в его разрешении.

Несмотря на то, что в 2013–2014 году председателем Вишеградской четверки официально являлась Венгрия, все инициативы по Украине продолжали исходить от Варшавы. МИД Польши с первых же дней активно поддержало Майдан, а затем проявило высший уровень активности в делах Украины. После срыва подписания Соглашения от 21 февраля польский министр иностранных дел Радослав Сикорский выступил с инициативой созыва чрезвычайных заседаний министров иностранных дел в рамках ЕС и НАТО. А 10 марта на расширенной встрече министров иностранных дел В-4, Латвии, Литвы и Эстонии в Нарве Радослав Сикорский объявил о том, что новой целью станет не просто подписание отвергнутого соглашения, но и еще более высокий уровень интеграции.

Окончание в следующем номере.

¹⁶ Bulletin Quotidien Europe, № 10035, 8.12.09.

¹⁷ Bulletin Quotidien Europe, № 10199, 25.08.10.

Владимир ДЕРГАЧЁВ (Украина)

ПИРАТСКАЯ ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ ТЕХНОЛОГИЯ «УПРАВЛЯЕМОГО» ХАОСА

После самоубийства Советского Союза использовались различные геополитические технологии для контроля над постсоветским пространством¹. Только неоколониальные технологии оффшорной геополитики позволили вывести огромные капиталы из России, Украины и других постсоветских государств. Не прекращается наступление в информационном пространстве, включая социальные сети. Но этого оказалась мало, и Запад перешел «красную черту».

Геополитика «красной черты». Решающая битва за Евразию началась после перехода Западом «красной черты» и вступила в завершающую стадию², когда на пути к окончанию «холодной войны» Советский Союз сделал беспрецедентные односторонние внешнеполитические уступки Западу без юридических гарантий, оформленных международными соглашениями. После того как была прекращена деятельность военной организации Варшавского договора НАТО в 1997 году подписывается Основополагающий акт о взаимных отношениях, сотрудничестве и безопасности между Российской Федерацией и Организацией Североатлантического договора и... начинает продвижение военного блока на Восток. Как пишет испанская Publico.es, «Альянс обманывал русских. Пройдет совсем немного времени, и от этого обещания ничего не останется». Не только большинство стран Центрально-Восточной Европы и бывшие прибалтийские советские республики будут приняты в НАТО, к вступлению в военный блок начнут готовить

¹ Дергачёв В. Трансформация технологий новейшей геополитики // Вестник аналитики, 2007, № 1; Дергачёв В. Демократическая «петля Анаконды»: новые рубежи евразийской геополитики США // Вестник аналитики, 2007, № 3; Дергачёв В. Геополитика мировой кибервойны // Вестник аналитики, 2011, № 1; Дергачёв В. Оффшорная геополитика // Вестник аналитики, 2011, № 4.

² Дергачёв В. Битва за Евразию. Тектоническая геополитическая трансформация // Вестник аналитики, 2014, № 1.

Украину, Грузию и Молдову. Британская The Financial Times отмечает, что США открыто лезут в российскую сферу влияния.

Демократическая петля «управляемого» хаоса³. «Управляемый» хаос — геополитическая технология неокOLONиализма, неконтролируемый вид оружия массового поражения. С помощью этой «мягкой силы» и последующей «гуманитарной интервенции» Запад во главе с США производит переформатирование развивающихся и «недозревших» стран с некомпетентным суверенитетом, превращает их из субъектов в марионеточные объекты мировой политики. Наиболее эффективно «мягкая сила» действует против коррумпированных стран с фальшивой элитой, всегда готовой продать национальные интересы и национальную безопасность государства.

Советская сверхдержава осуществляла жесткое противодействие проведению Западом «банановых революций» в развивающихся странах (Корея, Куба, Вьетнам, Ангола и т.д.). Поэтому Соединенные Штаты сделали упор на «мягкую силу» — создание нового оружия массового поражения. Так как молодое американское государство активно не участвовало в колониальном переделе мира европейцами, оно начало активно использовать в качестве оружия неокOLONиализма «принципы демократии», «права человека» и «права народов на самоопределение». Фактически были разработаны новые геополитические технологии неокOLONиализма, включая «управляемый» хаос — аморальное и преступное «мягкое» оружие массового поражения. Символично, что технология «управляемого» хаоса была создана в американском штате Нью-Мексика в Институте Санта-Фе, расположенном в одноименном городке вблизи ядерного центра США. Институт был основан в 1984 году под эгидой Пентагона и Государственного департамента США и должен был адаптировать теорию «управляемого» хаоса для прикладных геополитических целей. Под патронажем Госдепа США были созданы «группы кризисного мониторинга и управления» политическими процессами, без которых, как считают эксперты, не обошлись военно-политические конфликты в Карабахе, Таджикистане, Боснии и Герцеговине, Косово и других «горячих точках». Этот так называемый мониторинг осуществлялся и осуществляется с опорой на ЦРУ и другие спецслужбы, частные военные компании, кибервойны и американских марионеток на местах. Целью «мониторинга» является переформатирование «неправильных» государств, перестройка массового сознания, снижение граждан к сопротивлению и самоорганиза-

³ Кавычками не случайно выделяется только одно слово, так как на практике американцы блестяще научились с помощью самых справедливых бомб и ракет создавать еще больше хаоса (Ирак, Ливия, Афганистан), но пока не смогли переформатировать по своему образу и подобию не одну из «неправильных» стран мира.

ции, формирование общества со стертой памятью. При этом разрушается национальное государство, которое переходит из субъекта в объект международной политики или транснациональных компаний и не может существовать без внешних заимствований. Для ускорения реформирования государства используются целенаправленные провокации и «гуманитарные интервенции» с помощью самых справедливых бомб и ракет.

Теория «управляемого» хаоса исследует пути перехода относительно устойчивой социально-политической системы в критическое состояние неустойчивости (точку бифуркации)⁴. После этого возможен, но, как оказалось — теоретически, дальнейший переход на новый уровень упорядоченности, когда должны происходить радикальные (революционные) изменения системы в заданном направлении. На глобальном и региональном уровне в качестве важнейших «зон критичности» выступают военная безопасность, политика, финансы, экономика, религия, торговые, энергетические и информационные коммуникации, образование и экология.

В новейшей истории большинство «правильных» революций осуществляется по одному сценарию: начинаются с незначительного повода (события) в относительно благополучных странах со стабильным режимом, получают молниеносную одобрительную реакцию и военную угрозу Запада с требованием прекратить насилие в отношении «демократических» революционных сил.

В организационном отношении необходимо консолидировать разные силы против существующей власти, дестабилизировать обстановку в стране с помощью криминала, радикальных националистов, адептов тоталитарных сект, молодежи из группы социальной беспризорности, общественных (например, студенческих) протестов, дискредитации государственных институтов, включая силовиков. Важно создать во власти или в оппозиции критическую массу проамериканских или прозападных марионеток, как, например, во время «цветных революций» в Грузии и на Украине.

В условиях глобализации сложные социально-экономические системы исключительно открыты к воздействию внешней среды и

⁴ Шарп Д. От диктатуры к демократии. Стратегия и тактика освобождения / Первое издание на английском, 1993; перевод на русский, 2005); Mann S.R. Chaos theory and strategic thought // *Parameters*. Autumn 1992; Mann S.R. The Reaction to Chaos // *Complexity, Global Politics, and National Security*. National Defense University Washington, D.C. 1998; Ленский В. Технологии управляемого хаоса — оружие разрушения субъектности развития // *Информационные войны*, 2010, № 4; Бялый Ю. Управляемый хаос. Концепт Стивена Манна и его проекции на мировую политику // *Суть времени*. № 6 от 28 ноября 2012 года; Он же. Об искусстве интерпретаций // *Суть времени*. № 66 от 26 февраля 2014 года; и др.

находятся преимущественно в состоянии «неравномерного порядка», который легко можно обрушить в «детерминированный хаос», в свою очередь способный при слабых внешних воздействиях самоорганизовываться в относительно устойчивый порядок. Это в теории, а на практике американцы успешно научились создавать хаос с малой вероятностью его трансформации в порядок. На практике не всегда удается эффективно управлять возникшим хаосом, процесс может выйти из-под заданного контроля, и в итоге к власти приходит непредусмотренная третья сила. И тогда надолго в «неправильной» стране воцарятся хаос (Ирак, Афганистан, Ливия, на очереди — Украина).

С позиций геополитической теории больших многомерных пространств технологии «управляемого» хаоса государства реализуются в многомерном коммуникационном пространстве: географическом, информационном, духовном (конфессиональном), социокультурном и экономическом. В качестве «пороха» используется концентрированная и целенаправленная информация. Внешняя сила формирует модель поведения через манипуляцию основными властными и другими социальными группами. Эффективность технологии достигается за счет кумулятивного эффекта целенаправленного «мягкого» удара по конкретной «вражеской» территории, создающего разрушительную энергетику на рубежах многомерного пространства.

Политическое пространство. Превращение национального государства из субъекта в объект международной политики. Использование разными политическими партиями западных манипулятивных политтехнологий и политтехнологов в борьбе за власть. Вытеснение идеологии и национальных социокультурных ценностей. Разрушение доверия к институтам государственной власти за счет распространения неолиберальных мифов и внедрения марионеток и подготовленной «пятой колонны» из фальшивой и продажной «элиты в законе» и радикальных националистов. Поощрение культа денег, коррупции и бюрократизации государственного аппарата. Игнорирование рекомендаций науки и аналитического сообщества.

Социальное пространство. Нарушение социальных связей между поколениями. Поощрение расслоения общества на богатых и бедных. Блокировка стратегического мышления «элиты в законе». Разрушение местной образовательной системы путем внедрения более «прогрессивной» и насаждение примитивной массовой культуры. Когда человек меньше думает, он «правильно» голосует и лучше покупает.

Экономическое пространство. Способствование выводу капиталов и активов в оффшоры, контролируемые США и Великобританией. Увеличение зависимости государства от «иглы» «дешевых» западных кредитов. В результате кредитной зависимости и сокращения расходов на социальные нужды, медицину, образование, науку и культуру образу-

ется дешевая рабочая сила. Например, Европейский союз заинтересован заменить (дополнить) гастарбайтеров-мусульман из арабских стран, плохо интегрирующихся в европейское общество, на белых «рабов» из Восточной Европы.

Конфессиональное пространство. Его реформатирование за счет массового экспорта чуждых местной религиозной среде тоталитарных сект (евангелистских, сайнтологов и др.). Продвижение их адептов на вершину власти, например, в преимущественно православных государствах. Разжигание межконфессиональных и межнациональных конфликтов. Разрушение родственных социальных связей. Несмотря на широкое распространение в России и новых независимых государствах нетрадиционных религий, малоизвестным остается факт их преимущественного экспорта из США (Церковь Христа, Общество Сознания Кришны, Церковь сайнтологов и др.).

Достижение этих задач в многомерном пространстве государства создает рубежную критичность или неустойчивость (точку бифуркации), обеспечивающую условия для внешнего управления созданного хаоса. Технология «оффшорной геополитики» в сочетании с технологией «управляемого» хаоса обеспечивает контроль над властной элитой, в том числе за счет мониторинга и блокирования их зарубежных счетов.

В новейшей истории геополитические технологии «управляемого» хаоса были эффективно использованы для больших, казалось бы, устойчивых социально-политических систем. Например, «бархатные революции» в Центрально-Восточной Европе, распад Советского Союза и Федеративной Республики Югославии.

В Ираке, Афганистане, Югославии, Грузии и других странах была своя специфика применения «управляемого» хаоса для разрушения субъектности развития⁵.

Технологии хаоса были заложены в основу «цветных революций», «арабской весны» и «оглушительной» победы очередного Майдана — националистической «черной революции со смрадом» на Украине.

Если России за последние годы удалось предотвратить (приостановить) сползание страны к точке социальной бифуркации и вырваться из «объятий» технологий «управляемого» хаоса, то Украина в него «успешно» погрузилась.

Американский протекторат «управляемого» хаоса в степях Украины⁶. На Украине реализуется проект американского протектората под

⁵ *Лепский В.* Технологии управляемого хаоса — оружие разрушения субъектности развития // Информационные войны, 2010, №4.

⁶ Подробно: *Дергачёв В.* Битва за Украину. «Управляемый хаос». — URL: http://www.dergachev.ru/geop_events/Ukrainian-controlled-chaos-03.html#.U8jTI0DM8g8

патронажем Госдепа США. По существу Украина стала страной внешнего управления во главе с «гетманом» — помощником госсекретаря США по Европе и Евразии Виктории Нуланд (Нудельман). Еще 1 февраля 2014 года в Мюнхене она представила госсекретарю США будущих руководителей Украины (Порошенко и Яценюка) и посланного на столичный Киев известного боксера. Возвращается зависимая от радикального национализма старая «оранжевая власть», уже показавшая свою недееспособность и неспособная идти на компромисс с собственным народом. Вот как пишет о событиях на Украине авторитетное американское аналитическое издание «The National Interest», подчеркивая, что новая украинская власть при дефиците демократии «состоит из членов той самой коррумпированной элиты, которая главенствует на Украине уже лет десять как минимум и в результате поставила эту страну на грань краха».

Украинская власть пустила американских политтехнологов, спецслужбы ЦРУ и АНБ (электронной разведки) пасть в свой огород с первых лет самостоятельности, и они обеспечивали элите «в законе» возможность одерживать победу над украинским народом во время многочисленных выборов. Де-факто после государственного переворота Украиной управляют спецслужбы США, советники и политтехнологи под патронажем американского посольства. Вашингтон благословил своих украинских марионеток на братоубийственную войну на Востоке страны.

В учебники по геополитике Украина войдет как классический пример «разбазаренной независимости» (по выражению английского аналитика Джейсона Караяна). Благодаря самостоятельным патриотам («истинным украинцам»), ставшим марионетками Запада, Украина из субъекта стала объектом мировой политики⁷. Страна стала житницей не для Европы, а для доморощенных олигархов.

Если присутствие России на протяжении ряда лет (2001–2009) запомнилось анекдотами российского посла, то Соединенные Штаты планомерно вели подготовку к внедрению на Украине технологии «управляемого» хаоса. Впервые крупномасштабное вмешательство Госдепа США в украинскую политику произошло в 2004 году, когда американскими политтехнологами был поставлен великолепный спектакль на Майдане. На возможные последствия вмешательства США в украинскую политику автор обратил внимание в 2007 году в аналитической статье «Демократическая «петля Анаконды», но тогда не хватило фантазии представить, какие будут последствия.

⁷ Советская Украина стала субъектом мировой политики благодаря вождю советского народа Иосифу Сталину. СССР после Великой Отечественной войны добился членства в ООН для Украинской и Белорусской ССР.

Создание антироссийского форпоста. США применили на Украине технологию «управляемого» хаоса для создания плацдарма для крупномасштабного конфликта с Россией. Самым эффективным американским достижением стало использование на Украине евронацизма (гремучей смеси нацизма и еврейства). «Оранжевая» власть с созданием антироссийского форпоста и полной сдачей национальных интересов не справилась. Поэтому США в 2013–2014 годах для реализации «управляемого» хаоса сделали ставку на новый авангард украинской пятой колонны. Впервые в новейшей истории в качестве «свечи зажигания» используется гремучая смесь из украинских радикальных националистов и евреев-олигархов, ставших главными победителями Евромайдана. Самым главным победителем был назначен олигарх Коломойский (гражданин Израиля), получивший в кормление феодальную вотчину — Днепропетровскую область.

Как это ни парадоксально, противоестественный союз объединяется преданностью Америке. Соединенные Штаты всегда были для евреев землей обетованной. А у истоков «холодной войны» самыми надежными союзниками Запада во главе с США стали националисты в Западной Украине и Прибалтике, которые сражались на стороне Третьего рейха. В СМИ и социальных сетях обсуждаются возможные последствия этого брака по расчету для украинских евреев, если результаты «братания» будут плачевными⁸. В Израиле критически оценивают заигрывание украинских евреев-олигархов с радикальными националистами и антисемитами.

Технология «управляемого» хаоса, реализуемая американцами на Украине, ставила следующие цели:

- создание враждебного России государства;
- формирование пятой колонны Запада;
- поощрение низменных чувств обогащения;
- радикализация политического поля;
- приватизация радикальными националистами гуманитарной политики;
- переформатирование конфессионального пространства;
- создание информационного пространства под внешним управлением;
- поощрение фальшивой, продажной и марионеточной элиты в законе;
- поэтапная сдача национальных интересов и национальной безопасности Украины;

⁸ Еврейская община Украины составляет всего лишь 0,2% от численности населения страны. Перед распадом СССР на Украине проживало почти полмиллиона евреев, ныне менее 100 тысяч.

— формирование внешнего управления (американского протектората).

Для реализации технологии «управляемого» хаоса в первую очередь использовался незавершенный процесс формирования украинской нации, которая пока не сложилась с общими героями и врагами. Согласно последней переписи населения 2001 года, украинцы составляли 78% населения, русские — более 17%, остальные не титульные народы — менее одного процента каждый. Украинцы примерно делятся на моноэтнических украинцев (66%) и свыше 21% биэтнических русско-украинцев, 9% моноэтнических русских и около 4% людей других этнических групп.

Социокультурная идентичность большей части украинцев — рубежная русско-украинская культура. Эта культурная традиция, ведущая от Шевченко, Гоголя, гетмана Скоропадского, академика Вернадского, названного человеком века на Украине. Но власть при поддержке США взяла на вооружение галицкий национализм, характеризующийся полной подменой реальной географии мифологической.

Поэтому важной задачей технологии «управляемого» хаоса является создание моноэтнического государства с «зачисткой» в первую очередь не только русских, но и биэтнических украинцев.

Но не только коренные русскоязычные украинцы и русские, но и местные болгары, венгры, молдаване, румыны и русины не хотят и никогда не пойдут на понижение своего социокультурного статуса в бедном коррумпированном националистическом государстве⁹, где провинциальные националисты присвоили себе звание «истинных украинцев (арийцев)». По их убеждению, на Юго-Востоке Украины, включая Новороссию и Крым, живут люди «второго сорта», которых надо поставить на колени, оградить колючей проволокой, «выдавить» в Россию или уничтожить.

Произошло переформатирование конфессионального пространства. Как нужно было постараться США, чтобы после антиконституционного переворота во главе преимущественно православного государства оказался пастор евангелистской секты. К adeptам тоталитарной секты сайентологов относится и назначенный Госдепом США временный премьер-министр пан Арсений Яценюк. В СМИ пишут, что его членство в секте, связанной с ЦРУ, обеспечило продвижение к власти. Технологии евангелистских сект успешно использовала в недавнем прошлом непорочная Мария Магдалина «оранжевой революции» Юлия Тимошенко.

⁹ Латинисты, негры и арабы не захотели стать частью американского народа, не пошли на повышение своего социокультурного статуса.

Информационное пространство оказалось под внешним управлением. Главные политические шоу ведут иностранцы — Савик Шустер, гражданин Канады и Италии, или российский Евгений Киселёв.

За годы независимости на Украине не сложилась государственная элита, думающая о сохранении целостности страны, а не о своих шкурных интересах. Шла последовательная сдача национальных интересов и национальной безопасности. Украина превратилась в несостоявшееся государство фальшивых дипломов, ученых степеней и званий, фальшивых паркетных генералов и адмиралов. Из 435 генералов к армии имеют отношение немногим более ста. Расплодилась армия фальшивых заслуженных юристов, экономистов, деятелей науки и культуры.

Вместо отмены преступного приказа об использовании армии против украинского народа нелегитимная марионеточная власть, как грибы, тиражирует незаконные военизированные формирования. В качестве убойной силы используется армия социальных беспризорных¹⁰, у которых нет будущего в олигархической стране. Не случайно в ответ на националистический Майдан и незаконные формирования появилось народное ополчение в Донбассе, включающее кроме батальонов, воюющих под флагом православия, военнослужащих из спецназа («Альфы» и «Беркута»), подвергнувшегося беспрецедентному шельмованию со стороны незаконной киевской власти.

Результатом применения американской технологии «управляемого» хаоса стали утрата Крыма и гражданская война на Юго-Востоке Украины. Кризис украинской государственности разрешится не скоро. Реализация национальной идеи «под кого залечь» уже неоднократно в прошлом заканчивалась утратой государственности. Американизация украинской политики и гражданская братоубийственная война могут спровоцировать межнациональные проблемы в Закарпатье (русины, венгры) и Украинском Придунавье (румыны, молдаване, болгары и гагаузы).

Украина не выдержит третьей оглушительной победы Майдана. Многовековой опыт свидетельствует, что единство, целостность и устойчивость государства достигается через региональное многообразие культурно-исторических форм, исключая националистические поезда «дружбы» с дубинами, битами и указаниями, какие памятники ставить или кого сжигать.

Геополитическая миссия России. Постсоветская Россия не стала сырьевой подстилкой Запада и оспаривает американскую гегемонию.

¹⁰ Украинская оранжевая власть обещала 5 млн рабочих мест, вместо которых появилось 5 млн социальных беспризорных детей, выросших в неполных семьях или без родителей-заробитчан (гастарбайтеров).

За последние годы удалось предотвратить (приостановить) использование на ее территории технологии «управляемого» хаоса и сползание страны к точке социальной бифуркации. Россия как великая держава не может молча наблюдать за вторжением в зону ее геополитических интересов. Современная Россия существенно отстает от США по обычным видам вооружений, но обе страны обладают возможностями уничтожить друг друга¹¹.

Проект «Евразийского экономического союза» вызывает неприятие в Вашингтоне, обвиняющего Москву в возрождении имперских амбиций. Вместе с тем его создание действительно имеет судьбоносное значение для России и постсоветского пространства, несмотря на критику отдельных положений проекта в российском экспертном сообществе и в публикациях автора.

Наглядно об интеграционной роли России писали не только классики евразийства. Сергей Кортунов в книге «Национальная идентичность» обоснованно сформулировал главную геополитическую миссию России как Евразийского геополитического балансира и стабилизатора, предотвращающего сползание к мировому хаосу: «В очередной раз в мировой истории Россия может стать силовым балансиром и гасителем катаклизмов, если объединит евразийское постсоветское пространство и не позволит внешним силам реализовать технологии «управляемого хаоса». В противном случае волны геополитического дисбаланса начнут распространяться по евразийскому континенту»¹².

Выводы. Главная цель неокOLONиализма — геополитическое реформатирование с помощью технологий «управляемого» хаоса «неправильных» стран в сырьевой придаток Запада.

Мировоззрение американской исключительности и превосходства, сформировавшее пренебрежительное отношение к цивилизационным (социокультурным) особенностям других народов, стало брендом внешней политики США¹³. Все больше аналитиков сходятся во мнении, что Соединенные Штаты переоценили свои возможности и не справились с ролью мирового лидера. Но уход США из ряда стратегических регионов и сокращение военного присутствия не означает отказа от экспансионистской внешней политики, являющейся духом капитализма. После провальных военных операций по насильственному внедрению демократии Вашингтон в обозримом будущем увеличит

¹¹ Держачёв В. Почему воскресла «Мертвая рука»? — URL: http://www.dergachev.ru/geop_events/070414.html#.U6u9sUDM-ls

¹² Кортунов С.В. Национальная идентичность: постижение смысла. — М.: Аспект Пресс, 2009.

¹³ Это блестяще демонстрирует пресс-секретарь Госдепа США Джен Псаки. Как пишут в социальных сетях, «Псаки» — это диагноз и единица измерения компетентности внешней политики США.

масштабы использования «мягкой силы», в основе которой — технология «управляемого» хаоса. Здесь главная задача — экспансия в духовную сферу граждан «неправильной» страны, переформатирование с помощью информационных технологий образа мыслей, создание персонифицированного образа врага. Благодаря «управляемому» хаосу радикальный национализм и религиозный фундаментализм стали мощной глобальной антисистемной силой. За последнее время угрозы в создании «управляемого» хаоса звучали из Вашингтона в отношении Азербайджана и даже Германии.

Казалось бы, наибольших успехов Вашингтон достиг на Украине, создав с помощью целевого масштабного финансирования преимущественно враждебную России страну, но одновременно это спровоцировало «ответ» православного фундаментализма, о чем свидетельствуют события на Юго-Востоке Украины. Примитивизация киевской властью событий в Донбассе и карательная так называемая антитеррористическая операция под патронажем США будут иметь необратимые последствия для украинской государственности.

В заключение следует подчеркнуть, что, как и в отношении ядерного оружия, необходимо принять международные правила о запрете применения нового вида оружия массового поражения — геополитической технологии «управляемого» хаоса. Возможно, в процессе геополитической трансформации к многополярному миру эта аморальная пиратская технология будет признана мировым сообществом преступной.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Игорь ИЛЬИНСКИЙ

«ЕВРОМАЙДАН» — ПРЕЛЮДИЯ АТАКИ США НА РОССИЮ

О том, что Соединенные Штаты Америки никогда не были «партнерами», как это говорил в годы так называемой перестройки М. Горбачёв, и уж тем более — «партнерами стратегическими», как любил говаривать иногда Б. Ельцин в начале своих так называемых реформ, известно всем. Конечно, из дипломатических соображений можно проносить, как это делал иногда и нынешний уважаемый мною президент России В. Путин, даже и такие слова, как «наши американские друзья». Было дело.

Но мы должны помнить, что США были последней страной в мире, которая только 16 ноября 1933 года дипломатически признала СССР, как и то, что США были союзниками в смертельной схватке нашего Отечества с нацистской Германией, помогали СССР, хотя помощь эта, как выясняется сейчас, значительно преувеличена.

Но было бы преступным забыть, что именно финансовые круги США, не без политической поддержки Белого дома, возвращали гитлеровский фашизм. Что еще в марте 1945 года, за два месяца до окончания Второй мировой войны, по указанию Черчилля его военными штабами был разработан план Третьей мировой войны под названием «Немыслимое». Эта война против СССР должна была начаться 1 июля 1945 года, т. е. через 50 дней после капитуляции Германии в союзе Великобритании с Америкой, и не началась только потому, что сами разработчики этого плана предупреждали Черчилля и Трумэна: Советский Союз, несмотря на ужасающие людские потери и невероятные разрушения, в состоянии победить союзные армии США и Великобритании. Не началась эта война еще и потому, что этот план из чисто прагматических целей не поддержал президент США Трумэн: Советский Союз имел обязательства перед США вступить в войну с Японией после победы над Гитлером. Трумэну, ненавидевшему СССР, и здесь хотелось победить прежде всего нашей кровью.

Мы должны знать и помнить, что уже в сентябре-ноябре 1945 года, т. е. через три месяца после окончания Второй мировой войны, США

приняли на вооружение доктрину «первого удара» — внезапной атомной атаки против СССР. Уничтожению подлежали 20 советских городов: Москва, Горький, Куйбышев, Свердловск, Новосибирск, Омск, Саратов, Казань, Ленинград, Баку, Ташкент, Тбилиси, Новокузнецк, Грозный, Иркутск, Ярославль»¹.

Мы должны знать и помнить, что 22 февраля 1946 года поверенный в делах США в СССР Дж. Кеннан отправил в Госдеп США так называемую «длинную телеграмму» № 511 (8 тысяч слов), в которой предложил стратегию неукоснительной вражды Америки к Советскому Союзу².

И что вплоть до конца 50-х годов XX столетия американские политики и военные еще несколько раз разрабатывали планы атомного нападения на СССР (последний раз в 1957 году) под разными названиями. Согласно плану «Дропшот» (1949 год) только в первый период войны на СССР планировалось сбросить свыше 300 атомных и 250 тысяч тонн обычных бомб, уничтожить 85% советской промышленности и 300 городов СССР с населением в 40 млн человек.

Ни один из планов не был реализован только потому, что Советский Союз уже в 1947 году имел атомное, а через несколько лет изобрел и водородное оружие, был в состоянии нанести врагу мощный ответный удар, что, как было доказано американскими и советскими учеными, в конечном счете означало бы гибель всего живого на планете Земля.

Стратегическое мышление правящей элиты США середины прошлого века предполагало две цели относительно СССР: уничтожение его военным путем или его фатальное ослабление через подрывную работу, т. е. под давлением извне, через развернувшуюся «холодную войну», которую руководство США, между тем, в отличие от СССР, рассматривало как самую «настоящую войну»³. Мирное сосуществование, не говоря уже о сотрудничестве капитализма и социализма, категорически отвергалось.

Можно ли полагать, что США изменили свое отношение к России и действительно желают видеть ее своим «партнером» хотя бы в борьбе с ими же порожденным международным терроризмом? Конечно, нет. Только под присмотром и командованием США. По существу же краеугольным камнем целей США в отношении России остается та же стратегия, которая была провозглашена ими в совершенно секретной директиве Совета национальной безопасности (NSC 20/1) от 18 августа 1948 года «Цели США в отношении России», т. е. 64 года назад. Этот

¹ Яковлев А.Н. ЦРУ против СССР. — М.: Изд-во «Правда», 1985. — С. 34.

² Главный противник. Документы американской внешней политики и стратегии 1945–1950 гг. / Пер. с англ. / Сост. и автор вступительной статьи И.М. Ильинский. — М.: Изд-во Московского гуманитарного университета, 2006. — С. 71–89.

³ Там же. Док. NSC68, 14 апреля 1950 года. — С. 451.

документ (объемом в 33 страницы) многоаспектен, но главнейшими в итоге военных действий на все времена, в любых ситуациях были и, я уверен, остаются четыре задачи. Цитирую.

«Вариант № 1. В худшем случае, если Советы смогут удержать все или почти все территории, нам следует потребовать:

(а) Военные условия (сдача оборудования, эвакуация из основных зон и т. п.), направленные на обеспечение военной беспомощности в течение долгого периода времени.

(б) Условия, направленные на возникновение существенной экономической зависимости от внешнего мира.

(в) Условия, направленные на обеспечение свободы или предоставление федерального статуса национальным меньшинствам (как минимум мы должны настаивать на полном освобождении стран Балтии и предоставлении федерального статуса Украине с тем, чтобы украинские власти имели достаточную степень автономии).

(г) Условия, направленные на разрушение железного занавеса и обеспечение проникновения либеральных идей и контакта народов, живущих за железным занавесом и за его пределами.

Это все, что касается наших приоритетов в отношении советской власти. Однако перед нами по-прежнему стоит вопрос, что делать с некоммунистической властью, которая может быть установлена на части или на всей территории России как следствие военных действий.

Прежде всего, стоит отметить, что вне зависимости от идеологической основы любого некоммунистического режима и вне зависимости от того, насколько он будет придерживаться идеалов либерализма и демократии, мы должны будем в той или иной форме обеспечить то, о чем уже говорилось выше. Т. е. даже если установившийся режим будет некоммунистическим и формально дружественным по отношению к нам, мы должны будем обеспечить следующее:

(а) Отсутствие у подобного режима большой военной мощи.

(б) Его сильную экономическую зависимость от внешнего мира.

(в) Соблюдение им прав национальных меньшинств.

(г) Отсутствие попыток установить подобие железного занавеса при контактах с внешним миром.

Если нам придется иметь дело с режимом, борющимся с коммунизмом и дружественным по отношению к нам, то мы, без сомнения, должны будем делать все, чтобы выполнение вышеописанных условий не было для него унизительным. Однако в той или иной форме нам все-таки придется следить за их соблюдением, если мы хотим мира и стабильности во всем мире.

Следовательно, мы можем смело говорить, что наша задача — следить за тем, чтобы в случае войны с Советским Союзом режим, который установится на территории России после войны:

(а) Не обрел военную мощь, достаточную для угрозы соседним государствам.

(б) Не имел той степени экономической свободы, которая позволит обрести подобную военную мощь без помощи западных стран.

(в) Не отрицал автономности и права на самоуправление основных национальных меньшинств.

(г) Не поддерживал что-то, что в какой-то степени напоминает нынешний железный занавес»⁴.

Конец цитаты.

Нет нужды пояснять, что под словом «Россия» долгие годы подразумевался Советский Союз. Так было принято говорить на Западе. Но три последних из четырех названных мною вариантов целей США в отношении к России уже полностью относятся к нынешней России.

Однако, вопреки своим собственным давним соображениям, США разговаривают с Россией сегодня именно в унижительном тоне, вновь пытаются воздействовать на нас извне, снова вырачивают в России и поощряют к активным действиям «пятую колонну», программируют с помощью американизированного за 20 лет образования в сознании молодых поколений американизированное представление о мире и американском образе жизни.

И кое-что нашему главному противнику удастся. Слава Богу, далеко не все, как было в годы так называемой перестройки, а потом — в «лихие 1990-е».

Со времен учебы в Дипломатической академии МИД СССР я интересовался историей США, особенно ее внешней политикой в прошлом и настоящем. Эта политика, на мой взгляд, в большинстве своем завершенно цинична и бессовестно прагматична. И если внешнее, так или иначе, отражает внутреннее, то это значит, что мы еще мало знаем, что это за страна — Соединенные Штаты Америки.

Давайте смотреть на Америку и через призму тех ужасных событий, которые она порождает сегодня в современном мире, — через бомбежки Югославии, войны в Ираке, Ливии, Афганистане, через серию «цветных революций» в Грузии и Киргизии, через оранжевый майдан и «Евромайдан» на Украине. Эта политика унесла миллионы жизней ни в чем не повинных людей, творит в мире хаос и все новые конфликты.

В доктрине «Цели США в отношении к России» (тогда еще СССР) есть глава под названием «Раздробленность или территориальная целостность». Две трети этой главы посвящены Украине.

«Что делать с основными меньшинствами, например, с Украиной?..» — задают вопрос стратеги США. И продолжают: «Украина —

⁴ Главный противник. — С. 202, 203.

это наиболее продвинутая страна, которая находилась под властью России в последнее время»⁵.

Заметим: «последнее время» на момент сотворения данной доктрины — это 294 года. Как известно, в 1654 году Б. Хмельницкий на Переяславской Раде принял подданство Русского царства. В 1764 году Екатерина II упраздняет Гетманщину, а в 1765 году — Запорожскую Сечь и наделяет их землями (Кубань, Ставрополье, Новороссия).

А в какие же времена Украина стала «наиболее продвинутой» страной, из аграрной превратилась в сильную индустриальную часть Советского Союза? Когда стала республикой СССР.

Цитирую далее: «Очевидно, что Украина была недовольна российской властью. Украинские националистические организации вели бурную деятельность за границей. Очевидно, что Украина должна быть освобождена от влияния России, она должна развиваться как самостоятельное независимое государство».

Украина должна быть освобождена от влияния Советского Союза...

Словно испугавшись своих мыслей, авторы Доктрины вдруг заявляют: «Однако нам следует обращаться с подобным утверждением крайне осторожно. Его простота может быть осуждена в рамках реалей Восточной Европы...

Не стоит упускать из виду следующее. До тех пор пока украинцы являлись важной и особой составляющей Российской империи, они не демонстрировали признаков нации, способной взять на себя ответственность независимости перед лицом великорусской оппозиции. У Украины нет четких этнических или географических рамок. Сейчас население Украины, которое в основном складывалось из людей, бежавших от российского или польского деспотизма, незаметно растворяется среди тех же русских и поляков. Какой-либо четкой границы между русскими и украинцами нет, и провести ее не представляется возможным. Города на территории Украины были в основном русскими или еврейскими. Так что основой чувства национальной самобытности является чувство «отличия», основанное на своеобразном крестьянском диалекте и незначительных различиях в традициях и фольклоре». (Обратите внимание: не на языке, а на диалекте! У немцев, например, 30 диалектов, а язык — один, немецкий! — *И. И.*)

Экономика Украины тесно связана с экономикой всей России. Там никогда не было экономической обособленности, и с тех пор, как эти территории были отвоеваны от кочевников-татар, экономика соответствовала оседлому образу жизни населения. Поэтому попытки отделения украинской экономики от экономики России и ее дальнейшего

⁵ Главный противник. — С. 204.

развития как самостоятельной будут столь же неестественными и столь же пагубными...

В конце концов, мы также не можем быть безразличны к чувствам самих великороссов. Они были основной национальной составляющей в Российской империи, они были таковой и в Советском Союзе. Эта нация останется на этих территориях основной вне зависимости от того или иного статуса. Следовательно, любой политический курс США, рассчитанный на долгосрочную перспективу, должен строиться на принципах сотрудничества с ними. Территория Украины является частью их национального наследия, и они прекрасно это осознают. Поэтому решение о полном отделении Украины от остальной России вызовет лишь протесты и негодование, и по этой причине его осуществление возможно только с помощью силы. Украинцы слишком близки к русским, и это не позволяет им позиционировать себя как что-то отличное от русских. И хорошо это или плохо, но судьба вынуждает их иметь соответствующие отношения с Россией.

Вновь замечу: все это сказано 64 года назад. Кажется очевидным, что оптимальным вариантом будут отношения, построенные на принципе федерализма (документ составлен в 1948 году!), при котором Украина будет иметь определенную степень политической и культурной свободы, но будет зависимой в экономическом и военном плане. Подобная модель отношений будет отвечать и интересам русских. Следовательно, скорее всего, цели США в отношении Украины могут осуществляться в указанных рамках».

Теперь я процитирую текст стратегического значения.

«Следует отметить, что данный вопрос имеет гораздо большее значение в долгосрочной перспективе, чем может сейчас показаться. Группы украинских и русских эмигрантов, стоящих в оппозиции к нынешней власти, уже сейчас борются за поддержку США. Манера, в которой они запрашивают у нас помощь, может оказать существенное влияние на развитие движения, борющегося за политическую свободу в России. Поэтому нам важно принять определенное решение и четко следовать выбранной линии... Наша позиция должна признавать исторические, географические и экономические реалии, и, исходя из этого (обратите внимание на амбиции! — *И. И.*), мы должны будем подыскать для украинцев приемлемое и достойное положение среди народов Российской империи, неотъемлемой частью которой они всегда являлись».

Однако следует подчеркнуть, что хотя мы и не должны преднамеренно стремиться к усилению сепаратистских настроений на Украине (о чем говорилось выше), тем не менее, мы также не должны препятствовать какому-либо независимому режиму на Украине, если таковой появится там без нашего вмешательства. Так как если мы будем про-

тивиться этому, то это будет означать для нас нежелательную ответственность (какие элегантные выражения! — *И. И.*) за вмешательство в развитие России. Кроме того, Россия постоянно будет бросать вызов подобному режиму. Если бы Украина смогла успешно обеспечивать себя (вот вопрос вопросов! — *И. И.*), это позволяло бы говорить, что вышеприведенный анализ был неточным и что Украина имеет моральное право на независимый статус. Мы должны занимать нейтральные позиции до тех пор, пока наши военные или экономические интересы не будут как-либо затронуты. Нам следует начинать выступать за федеральное устройство только в том случае, если станет очевидным, что ситуация зашла в тупик»⁶.

В Директиве NSC 20/1 «Цели США в отношении России» говорится, что у США нет никаких временных ограничений для достижения своих целей мирным путем. Нет какой-либо строгой периодичности между войной и миром, которая заставляла бы их пытаться добиться поставленной цели к определенной дате.

23 года назад США начали реализацию одного из крупнейших и важнейших проектов — «Украина». Но если рассматривать этот проект под углом зрения всего только что сказанного мною об Украине (язык или диалект, проблема национальной идентичности, этнические и географические границы, историческая принадлежность многих территорий и городов России, а ныне — украинских; труднонаходимые, а в общем-то, вымышленные и затвердевшие в десятках лет мифические отличия украинцев от русских), то надо признать, что проект «Украина» — это часть проекта «Россия», что все происходящее ныне на Украине суть прелюдия атаки США на Россию.

Думаю, что Россия живет в предвоенном времени и большая война вовсе не исключена. «Честь» ее начала может быть отдана Украине. Не случайно новый президент Украины Порошенко заявляет о претензиях на некоторые российские территории.

Россия втянута в конфликт с Украиной. Америка учит нас — великороссов, малороссов и белорусов, а, в общем-то, сказать одним словом — русских людей, как нам жить. Запад и «украинцы» поносят Россию, восхваляют откровенных вырождаков единой русской нации — украинских националистов и фашистов. И опять врут. Знают, что врут, а все-таки врут.

Ведь США и сегодня думают об Украине и украинцах совсем не то и не так, как говорят сейчас, а как думали и писали в Директиве NSC 20/1 от 18 августа 1948 года; они думали и думают о них, как о туземцах. Как об индейцах, миллионы которых они когда-то (в историческом исчислении — совсем недавно) заморили и физически уничтожили.

⁶ Главный противник. — С. 204–207.

Директива СНБ 20/1 «Цели США в отношении России», которая поначалу легла в основу американской политики в отношении Советского Союза, а теперь, как я считаю, реализуется в отношении России и Украины, во многом, даже в нумерации, сходится с директивой № 21 «Барбаросса», отданной Гитлером примерно за восемь лет до сотворения Директивы NSC 20/1.

Директива СНБ 20/1 полностью соответствовала и соответствует американской традиции ведения войны, которой восхищался все тот же Гитлер. В его новейшей биографии, написанной американским историком Толандом, сказано: «Гитлер утверждал, что свои идеи создания концентрационных лагерей и целесообразности геноцида он почерпнул из изучения истории... США. Он восхищался, что... в свое время на Диком Западе были созданы лагеря для индейцев. Перед своими приближенными он часто восхвалял эффективность американской техники физического истребления — голодом и навязыванием борьбы в условиях неравенства сил». Журнал «Ньюсуик» восхвалил эту книгу как «первую работу, которую должен прочитать каждый, интересующийся Гитлером... В ней сообщается много нового», а автор был удостоен в США премии Пулитцера. Мыслящим себя «украинцами» надо бы это знать...

Всем нам надо понимать и то, что, толкая русских на украинцев и русских, провоцируя на Украине гражданскую войну, США менее всего думают о благе украинского народа. Конечно, привязать Украину к столпу ЕС, прихватить огромный кусок плодородной земли с сорока-миллионным населением «ради американских интересов» — это очень даже неплохо. Но главное — увести Украину из-под влияния России, внести небывалую смуту и рознь в единую русскую нацию, стравить меж собой родных людей — отцов и сыновей, братьев и сестер, матерей и внуков.

Думается мне, ничего из этого злого замысла, в конце концов, не выйдет. Уже сегодня Россия достаточно сильна, чтобы США попытались победить ее военным путем, не получив при этом адекватного ответа. Россия слишком горда и непреклонна, чтобы ее можно было запугать.

Линтон Ф. БРУКС (США)

ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ТЕХНИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ АМЕРИКАНО-РОССИЙСКИМ ОТНОШЕНИЯМ

На интересах национальной безопасности как Соединенных Штатов, так и Российской Федерации благотворно сказываются американо-российские контакты и сотрудничество по вопросам безопасности. Так же, как и на стабильности международного порядка. Для тех в обеих странах, кто верит в эти принципы, развитие событий в наши дни стало обескураживающим. С американской точки зрения, действия России в отношении Украины и аннексия Крыма стали существенным движением вспять от перспектив сотрудничества и обязательств. Россияне и американцы по-разному понимают и то, что происходит на Украине, и причины этого. Данная статья — не место обсуждать (а тем более разрешать) эти противоречивые точки зрения. Однако Украина бросает тень на все наши взаимодействия, и было бы глупо и непродуктивно не обращать внимания на этот факт. Украина, действительно, фундаментально изменила в США взгляд на Россию у всего правительства. Для многих американцев это самое важное событие в российско-американских отношениях со времени окончания «холодной войны» и значительный отход от утвердившегося после Второй мировой войны отказа от изменения государственных границ с помощью силы.

Нынешний кризис делает совместный американо-российский неофициальный диалог еще более насущным. Известно, что порой во времена «холодной войны» единственными каналами серьезных обсуждений множества вопросов могли становиться только неофициальные форумы. Возможно, годы потребуются для того, чтобы Россия и Соединенные Штаты нашли верную модель взаимодействия, которая будет способствовать продвижению вперед двусторонних отношений без предполагаемой легитимации США аннексии Крыма. Неофициальный диалог в эти годы будет иметь решающее значение.

Выбирая форму такого диалога и проводя какую бы то ни было возможную совместную работу, мы должны принимать во внимание четы-

ре геополитические и технические тенденции, не имеющие отношения к событиям на Украине:

— провал так называемой «перезарядки» в американо-российских отношениях;

— размытие образа того, что в свое время виделось президенту Обаме в Праге как «мир и безопасность в мире без ядерных вооружений»;

— всевозрастающее значение Китая как значимого игрока в глобальных делах и осложняющего фактора в отношениях между двумя нашими странами;

— дальнейшая разработка как вводимых в строй вооружений, способных на достижение стратегического эффекта, так и положений военных доктрин в России и Соединенных Штатах.

Прежде всего — перезагрузка. Бывший посол США в Российской Федерации Майкл Макфол, зодчий американского подхода к перезагрузке, публично заявил, что попытка мертва. Возможно, Украина и была последним ударом, вместе с тем давно стало ясно, что перезагрузка не оправдала надежд своих творцов. Было немало полезных инициатив за пределами сферы национальной безопасности, вместе с тем обе стороны так и не нашли способа преодолеть свои весьма различающиеся понимания требований безопасности и свои разные восприятия угроз.

Следствием нашей совместной работы по окончании перезагрузки является то, что мы должны отыскать новую модель наших отношений. Большинство американцев отвергает понятие «новой холодной войны», вместе с тем нам всем необходимо признать наличие значительной враждебной составляющей в этих отношениях. Это прискорбный факт, но это факт. Нам не следует делать вид, будто дело обстоит иначе. Обеим странам нужно найти подходящую модель, которая сохранит важные области ведущегося сотрудничества и вместе с тем укротит нынешнюю враждебную составляющую в наших двусторонних взаимодействиях.

Далее — пражская мечта. Пражская речь президента Обамы 2009 года взбудоражила мир и вызвала оправданные похвалы со стороны ряда государств, не обладающих ядерным оружием. Многие американцы являются настоящими поборниками так называемой «пражской мечты» и немало поработали, добиваясь ее осуществления. Однако, за частичным исключением Соединенного Королевства, ни одно государство, обладающее ядерным оружием, «мечту» эту не приняло. Внутри Соединенных Штатов значительная часть политически значимых элит скептически относится к осуществимости (а некоторые — и желательности) достижения серьезного прогресса в избавлении [от ядерных вооружений] в обозримом будущем. Сам президент Обама, по-

видимому, признает это. В своей берлинской речи 2013 года он был куда более молчалив и осторожен, чем в свое время в Праге, говоря о перспективах продвижения к такому избавлению.

Реализация наших трудов лежит в области контроля за стратегическими вооружениями, и самое тяжкое интеллектуальное бремя лежит на Соединенных Штатах. Если миру предстоит продвигаться к избавлению от ядерных вооружений, то самоочевидно, что первым шагом должны стать значительные дополнительные сокращения российских и американских стратегических ядерных сил. Но какой же логикой следует руководствоваться будущим переговорам, если картина избавления лишь неясно проглядывает в неопределенном будущем? Может показаться странным обсуждать данный предмет, учитывая состояние тупика в контроле над вооружениями, порожденное противоракетной обороной и другими вопросами. Однако ни Соединенные Штаты, ни Россия не хотят, чтобы СНВ-III утратил силу и ничем не был бы заменен. Исторически Россия желала иметь четкое правовое регулирование ядерного баланса с Соединенными Штатами, тогда как Соединенные Штаты возводят в ценность транспарентность, достигаемую формальным контролем над вооружениями, будучи убеждены, что транспарентность ведет к предсказуемости, а предсказуемость увеличивает стабильность. Таким образом, эксперты в обеих странах должны поработать, совместно определяя возможные решения для их использования тогда, когда Россия и Соединенные Штаты снова займутся серьезными переговорами по контролю за вооружениями.

Третье — Китай. В том, что касается американо-российских отношений, Китай является проблемой геополитической, а не военной. Это верно, невзирая на быстрое развитие китайских военных возможностей. Недавний неправительственный доклад утверждает, что Китай — первая страна в мире, располагающая оружием, способным уничтожать спутники на геостационарной орбите. Китай провел испытания сверхзвуковой противоспутниковой разгонной ракеты. Профессиональное развитие и технические возможности Народно-Освободительной армии превзошли ожидания многих специалистов. Все это чревато значительными последствиями для военного планирования каждой из стран. Но Китай не играет подлинной роли в военно-стратегических отношениях между Соединенными Штатами и Российской Федерацией. Зато каждая из сторон обеспокоена, как бы Китай не воспользовался улучшениями в наших стратегических отношениях и сокращениями наших arsenалов для обретения некоего преимущества.

Следствия здесь очевидны. Нам необходим гораздо больший совместный анализ последствий модернизации Китая для каждой из наших стран в отдельности и для стратегической стабильности.

Наконец, военные разработки и военная доктрина. Самая важная военная тенденция — распространение видов оружия, способных наносить стратегические удары. В дополнение к ядерным вооружениям таковые включают в себя, как минимум, космические вооружения (как наступательные, так и оборонительные), кибер-оружие, высокоточные удары большой дальности и системы противоракетной обороны. Взаимодействия между этими вооружениями сложны, а их воздействие на стратегическую стабильность — предмет споров внутри наших стран и между ними.

Достижение договоренности по последствиям данных новых возможностей осложняется двумя факторами. Первый — это российская военная доктрина. Политическое воздействие «Военной доктрины» 2010 года, которую можно было посчитать утверждением, что НАТО и Соединенные Штаты являются главными угрозами для России, достойно сожаления. Однако явные намерения претворить эту доктрину в жизнь (посредством таких понятий, как использование ядерных вооружений для деэскалации, и того, что российские эксперты, вроде Андрея Кокошина, называют «доядерным» сдерживанием) могут представлять собой фундаментальное неверное истолкование Соединенных Штатов и привести скорее к эскалации, нежели деэскалации кризиса.

Вторым осложняющим фактором является все большая опора США на высокоточный удар и противоракетную оборону для достижения военных целей, не имеющих никакого отношения к Российской Федерации. Когда Россия выражает озабоченность тем, что такие средства несут угрозу их стратегическому сдерживанию, Соединенные Штаты разъясняют, почему это не так. Когда Россия демонстрирует продолжающееся беспокойство, американские аналитики разъясняют более подробно. Здесь, возможно, как раз США неверно истолковывают ситуацию. Российская сторона понимает аргументы США, она попросту не принимает их.

Три вывода следуют из данного анализа. Во-первых, американским и российским экспертам необходимо осмыслять и обсуждать, каким образом новые возможности в космических и кибер-средствах ведения войны, высокоточные удары и противоракетная оборона соотносятся с принципами стратегической стабильности, которые основаны только на ядерном мышлении времен «холодной войны». Во-вторых, эксперты должны искать новые способы рассмотрения противоракетной обороны и высокоточных ударов. Наконец, есть настоятельная необходимость в серии мастер-классов, семинаров и макетных учений по тому, каким образом способны проявить себя состязательные российские и американские взгляды на доктрину или возможности в случае конфронтации или кризиса, когда применение силы окажется по-настоя-

щему возможным. Подобная конфронтация маловероятна, но не невозможна. По причинам политическим такие обсуждения не могут проходить на государственном уровне. Не могут они также попросту вестись учеными-специалистами, которые, возможно, не обладают глубоким пониманием военных действий во время кризиса. Таким образом, по-видимому, проводить их следует в формате *Track II*¹ с широким участием отставных военных офицеров высокого ранга с обеих сторон.

Нынешние времена — безрадостные и побуждающие для тех, кто поддерживает сотрудничество между Соединенными Штатами и Российской Федерацией, но важно не предаваться чрезмерному унынию. Начало 1980-х характеризовалось речами об империи зла и советскими страхами неминуемого нападения НАТО. И все же Соединенные Штаты и Советский Союз нашли способы совместно работать ради нашего общего блага. Соединенные Штаты и Россия снова поступят так же. Первым шагом, однако, является осознание вызовов, с которыми мы сталкиваемся. Именно их я и попытался перечислить в этой краткой статье.

¹ Дипломатия *Track II* основана на «неправительственных, неформальных и неофициальных контактах и совместной деятельности частных граждан или групп отдельных лиц». — *Прим. переводчика.*

Стивен ПАЙФЕР (США)

РЕГИОНАЛЬНАЯ СТАБИЛЬНОСТЬ В ЕВРОПЕ

Начиная с 1991 года, Европа по большей части была зоной сравнительной стабильности. Общие благоприятные отношения между Западом и Россией, поддержанные режимом строгого контроля за вооружениями, способствовали этому, пусть даже стороны и не создали фундаментально новую структуру безопасности на период после «холодной войны».

Тенденции последних лет, однако, ослабили эту стабильность, а захват Россией Крыма и давление на Украину поставили под сомнение некоторые ее основные предпосылки. Один возможный результат: НАТО предпримет односторонние шаги для обеспечения безопасности своих восточных членов. Пока не ясно, сколько времени понадобится, чтобы Запад и Россия вновь обрели некую меру доверия и вновь включились в совместные усилия по поддержанию европейской стабильности.

Зона региональной стабильности и безопасности

Конец Варшавского договора и развал Советского Союза открыли новую эру в европейской безопасности. Многие на Западе и в России надеялись, что этот период приведет к появлению структур с большим сотрудничеством.

Государства — бывшие члены Варшавского договора — настаивали на вступлении в Европейский союз и НАТО. В 1995 году НАТО, начав рассмотрение вопроса о расширении рядов, параллельно рассмотрело также и вопрос о вовлечении Москвы в отношения сотрудничества. Идея состояла в том, что достаточно благоприятные отношения между НАТО и Россией умерят российские обеспокоенности в связи с разрастанием Альянса, иными словами, если бы Москва увидела в Североатлантическом союзе партнера по безопасности, ее не беспокоил бы численный рост НАТО.

НАТО и Россия заключили основополагающий акт в 1997 году. Он включил в себя натовские «три нет»: нет намерений, нет планов и нет

оснований размещать ядерное оружие на территории новых государств-членов. В нем отмечалось также, что политика Альянса такова, что «в существующей и обозримой среде безопасности» не будет никакого «постоянного нахождения значительных боевых сил» на территории новых государств-членов.

Кремль, однако, расценил разрастание НАТО и, в меньшей мере, расширение Европейского союза как целиком несовместимые с российскими интересами. Оглядываясь назад, можно сказать, что НАТО недооценило, насколько сомнительным окажется для России его разрастание. Оно к тому же переоценило способность договоренностей НАТО–Россия унять обеспокоенности Москвы, особенно после того, как военные действия НАТО против Сербии прервали диалог между НАТО и Россией.

Начиная с 2008 года европейская стабильность стала испытывать возрастающее напряжение. Москва воспротивилась решению Соединенных Штатов и большинства европейских государств о признании объявленной в одностороннем порядке независимости Косово и отвергла идею программ действий по привлечению к НАТО Украины и Грузии. Краткое грузино-российское столкновение августа 2008 года показало неспособность существующих структур европейской безопасности предотвратить горячий конфликт.

Противоракетная оборона также стала одним из наиболее трудных вопросов в повестке дня. Несмотря на короткий период (2010–2011 годы), когда НАТО и Россия рассматривали возможность совместной системы противоракетной обороны, вопрос остается трудноразрешимым.

Воздействие Крыма и Украины

Захват Москвой Крыма и ее последующие усилия по дестабилизации Украины, в том числе и посредством поддержки вооруженных сепаратистов на Восточной Украине, были широко расценены как нарушение основополагающего правила с окончания «холодной войны»: государства не прибегают к военной силе для отторжения территории от других государств. Это также нарушило обязательства России, налагаемые на нее Хартией ООН и хельсинкским Заключительным актом.

Все более частые ссылки президента Путина на право вмешательства с целью защиты этнических русских и русскоговорящих вызвали еще большую озабоченность. Не сможет ли г-н Путин воспользоваться тем же где-то еще? Вопрос этот, по-видимому, особенно важен для государств — членов НАТО и Европейского союза — Эстонии и Латвии, где этнические русские составляют около четверти населения.

Соединенные Штаты и Европейский союз ответили на российские действия политической и экономической поддержкой Украине. Они приняли политику непризнания оккупации Крыма Россией и ввели визовые и экономические санкции против отдельных россиян и российских юридических лиц. Относительно мягкие по природе своей (во всяком случае, по состоянию на середину июля), эти санкции тем не менее, по-видимому, оказывают воздействие на российскую экономику.

Члены НАТО ответили отправкой авиационных и наземных войск в Центральную Европу, а также боевых кораблей в Черное и Балтийское моря с целью подстраховать союзников в данных районах. В частности, роты десантников США расположились в каждом из балтийских государств и в Польше на условиях того, что Пентагон назвал «продолжительным» размещением, которое продлится, возможно, до года.

Возврат к жесткой власти?

Обеспокоенность на Западе по поводу деятельности г-на Путина и российской политики усиливается вложениями, которые делает Россия в совершенствование своих обычных и ядерных сил. Это происходит тогда, когда большинство военных учреждений НАТО уменьшили свою бюджеты и штатно сократились.

Действия России вынуждают НАТО переоценить свою оборонительную позицию. Саммит Альянса в сентябре сосредоточится на коллективной обороне и необходимости для государств-членов наращивать расходы на оборону. Размещение вооруженных сил в балтийских государствах и в Центральной Европе скорее всего станет более регулярным и, вероятно, постоянным.

НАТО следует быть благоразумным и избегать излишне провокационных действий. Нет необходимости наделять обычные силы НАТО на территории восточных союзников значительными наступательными возможностями. Численность наземных сил (по большей части, легкой пехоты) вовсе не обязательно должна быть чрезмерно велика для исполнения своей двуединой задачи: подстраховывать принимающее государство и служить западной-растяжкой в случае нападения извне. (Берлинская бригада США совместно со своими британскими и французскими коллегами обладали ограниченными наступательными возможностями и значительно уступали в численности окружавшим их советским и восточногерманским дивизиям во время «холодной войны». Тем не менее они удерживали Западный Берлин свободным.)

Что касается данного в 1997 году обязательства НАТО не размещать на постоянной основе значительных боевых сил на территории новых государств-членов, то среда безопасности изменилась. Во всяком слу-

чае размещение четырех рот десантников США, даже если их усилят наземными войсками европейских союзников НАТО, все равно лежит намного ниже порога «значительности».

НАТО нет необходимости менять свою позицию по «трем нет» в отношении ядерного оружия. Переброска американских ядерных бомб на территорию новых государств-членов не вызывается военной необходимостью: это оружие служит своим политическим целям и с мест их нынешней дислокации. Более того, такое перемещение вооружений оказалось бы провокационным и дорогостоящим с точки зрения связанной с ним безопасности и инфраструктуры.

Что украинский кризис совершил, однако, — он уничтожил какую бы то ни было перспективу любого изменения ядерной позиции, вытекающего из «Обзора сдерживания и обороны» НАТО 2012 года, без существенного взаимно обязывающего жеста со стороны России. Действия России против Украины поразительно усилили аргументы тех союзников, которые уверены, что ядерные вооружения США в Европе являются необходимым символом американской приверженности обороне Европы.

Возвращение к взаимной безопасности?

Когда украинский кризис будет разрешен (пока не ясно, как много времени это займет), Запад и Россия, возможно, попробуют выяснить, смогут ли они вернуться к взаимному подходу к стабильности и безопасности в Европе. Для этого могут понадобиться поиски по нескольким направлениям.

Во-первых, было бы полезно восстановить контроль за обычными вооружениями в Европе. Поскольку в настоящее время обычные вооруженные силы стран НАТО и России значительно ниже пределов, установленных Договором об обычных вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ) и Адаптированным ДОВСЕ, количественные ограничения менее злободневны. Сосредоточиться следует на мерах по укреплению доверия и безопасности, тех, что значатся в Венском документе. Дополнительные уведомления (при более низком пороге) и большее число инспекций и наблюдений стали бы хорошими отправными пунктами.

Одним из ключевых вопросов стало бы, как рассматривать (или обойти стороной) спорные территории, такие, как Южная Осетия, Абхазия, Приднестровье и Крым.

При прогрессе в укреплении мер доверия и безопасности стороны могли бы вернуться к вопросу о пределах обычных вооруженных сил. Можно было бы рассмотреть, относятся ли танки, бронетранспортеры, артиллерия, вертолеты и самолеты-штурмовики к верной категории

оснащения, подлежащего ограничению, или есть ли возможность ограничить другие типы оружия. Не появится ли возможность разработать новые исходные параметры, возможно, скорее качественные, нежели количественные, которыми будет измеряться и ограничиваться способность начать и вести наступательные операции?

Во-вторых, Соединенные Штаты, НАТО и Россия могли бы вернуться к вопросу, возможна ли совместная европейская противоракетная оборона. Это потребовало бы, чтобы Вашингтон и Москва достигли понимания по противоракетной обороне США в Европе. Российская настойчивость в заключении договора с юридически обязывающими ограничениями по противоракетной обороне могла бы оказаться подходящей в каком-то будущем, если бы имелась большая равноценность между оборонительными противоракетами и наступательными баллистическими ракетами. Однако ныне и в обозримом будущем разрыв в пользу наступательного оружия громаден. Договоренности о транспарентности могли бы занять свое место, что убедило бы каждую из сторон, что у нее имелось бы вполне достаточно времени на упреждение, вздумай другая сторона встать на путь развития систем противоракетной обороны, способных подорвать стратегические наступательные силы оппонента.

Третьим вопросом стало бы ядерное оружие. Шансы основательного продвижения вперед в этом вопросе представляются ограниченными, но, возможно, Соединенные Штаты и Россия могли бы начать с какой-нибудь базовой транспарентности и мер по укреплению доверия в отношении своих нестратегических ядерных арсеналов. Что касается британских и французских ядерных сил, одной возможностью для рассмотрения была бы их готовность обеспечить транспарентность в отношении количества их зарядов и, возможно, гарантировать (посредством политически обязывающих односторонних обязательств), что эти страны не пойдут на увеличение своих ядерных арсеналов, наряду с тем, что Соединенные Штаты и Россия продолжают сокращать свои.

В-четвертых, существующие в Европе структуры безопасности потерпели явную неудачу в предотвращении конфликта. Возможна ли в будущем новая структура, которая могла бы предотвратить или получше контролировать подобные кризисы?

Многие на Западе убеждены, что Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) могла бы и должна сыграть эту роль, однако за последние 15 лет этот институт ослабел, в частности, и из-за отношения к нему России. ОБСЕ потребовалось бы новое вливание сил, если бы ей предстояло взять на себя более значимую роль в укреплении европейской стабильности и безопасности.

В 2008 году тогдашний президент Медведев предложил новый договор о европейской безопасности. Однако российский проект договора

вызвал незначительную заинтересованность на Западе. Среди прочего он наделял бы Москву (или любое другое стороннее государство) правом вето по решениям, принятым НАТО или Европейским союзом. Способность иных договоренностей привлечь большее внимание и внести вклад зависела бы от их содержания.

России потребуется найти способ восстановить доверие Запада. Она нарушила свои обязательства по Хартии ООН и хельсинкскому Заключительному акту, кто-то может поставить под сомнение ценность переговоров с Россией по новым соглашениям при отсутствии значимых доказательств, что Москва готова следовать уже взятым и новым обязательствам.

Частный вопрос — о будущем НАТО и его отношениях с такими странами, как Украина и Грузия. Возможно, этот вопрос можно и обойти, во всяком случае в обозримом будущем. Члены НАТО не отрекутся от расширения рядов, вместе с тем сейчас у Альянса невелик аппетит к разрастанию. Тем более, что украинские правящие круги дали ясно понять, что НАТО не стоит у них в повестке дня: этот вопрос посеял бы сильные распри внутри Украины.

Таким образом, проглядывают разрозненные кусочки, которые можно было бы свести вместе, чтобы подвинуть Запад и Россию вернуться к взаимным усилиям, основанным на большем сотрудничестве по укреплению стабильности и безопасности в Европе. Но достижение рубежа, на котором стороны окажутся готовы действовать конструктивно, потребует времени и будет зависеть, в первом приближении, от того, насколько быстро и на каких условиях разрешится украинско-российский кризис.

Сергей ДЕМИДЕНКО

ИРАК: СМЕНА ДЕКОРАЦИЙ

Итак, в Ираке произошла смена власти. 11 августа 2014 года президент страны Фуад Масум поручил сформировать новый кабинет Хайдера Аль-Абади. Так закончилось многолетнее правление премьер-министра Нури Аль-Малики, прошедшего удивительный политический путь от непримечательного функционера партии «Ад-Даава», заместителя ее главы Ибрагима аль-Джаафари, до фактически авторитарного правителя Ирака — правителя, которого многие считали новым изданием Саддама Хусейна.

Где-то на рубеже 2006 и 2007 годов мне, тогда еще начинающему исследователю, довелось беседовать с опытным американским экспертом-востоковедом Теодором Карасиком (ныне — ведущий эксперт центра военного и политического анализа iNEGMA в Дубае¹). На тот момент ситуация для американских войск в Ираке была критической — росли потери в живой силе, война поглощала все больше бюджетных средств, пацифистические настроения набирали силу, а сам Ирак с февраля 2006 года (после подрыва суннитскими экстремистами Золотой мечети в городе Самарра) начал погружаться в пучину полномасштабной гражданской войны. Мы с г-ном Карасиком обсудили текущую ситуацию, и на мой вопрос, какой же наиболее приемлемый выход из нее он видит, г-н Карасик ответил: «Ираку нужен новый Саддам Хусейн!»

В каком-то смысле тогдашнюю позицию г-на Карасика разделяли и в американской администрации. Самым лучшим подтверждением данного тезиса стало то, что возвышение Аль-Малики, его превращение в авторитарного правителя, началось именно в тот период, когда все государственные структуры обновленного Ирака достаточно плотно контролировались из Вашингтона.

¹ URL: http://www.gazeta.ru/politics/2014/07/21_a_6127437.shtml

Так, еще в 2007 году Аль-Малики начал формировать, в обход министерства обороны, подчиняющуюся только ему антитеррористическую структуру — Ставку верховного командования, которая была укомплектована лояльными премьеру офицерами². Американцы закрыли глаза на такое, казалось бы, вопиющее нарушение демократических процедур. В апреле того же 2007 года США передали командование войсками специального назначения иракскому правительству (читай — Аль-Малики), что еще больше укрепило позиции недавно еще полностью зависимого от шиитских радикалов главы кабинета министров (прошло не так уж много времени, и американские эксперты стали называть иракских командос «преторианцами» и «Федаинами Аль-Малики», по аналогии с широко известными «Федаинами Саддама»)³. И на этот раз американцы смолчали. И, наконец, в 2009 году Аль-Малики отправил в отставку стопроцентно проамериканского главу иракской разведки Мохаммеда Аль-Сахвани, который был заменен на очередного «человека Аль-Малики» Шервана Аль-Ваели⁴. Со стороны Вашингтона — снова тишина.

Набор приведенных выше фактов как нельзя лучше свидетельствует в пользу того, что если не при прямой поддержке США, то уж, во всяком случае, при их молчаливом попустительстве Аль-Малики начал превращаться в авторитарного правителя, контролирующего основные силовые ведомства страны. По всей видимости, Иран также оказывал поддержку Аль-Малики, как политику более или менее знакомому, выходящему из созданной при его непосредственном участии партии «Ад-Даава».

Вообще на первых порах кандидатура Аль-Малики, предложенная на высший государственный пост его на тот момент патроном и временным главой Ирака И. Аль-Джаафари, выглядела как паллиативная. В начале 2006 года в иракском парламенте боролись несколько крупных фракций — шиитские радикалы-сторонники Муктады Садра (в высший законодательный орган прошли по спискам Объединенного иракского альянса), с одной стороны, и сунниты, которых поддерживали относительно умеренные шиитские фракции (в первую очередь представители Высшего исламского совета Ирака, на тот момент носил название Высший совет исламской революции в Ираке, во главе организации стоит род Аль-Хакимов) — с другой⁵. Радикалы продвигали Джаафари, который и был избран с перевесом в один голос, а их оппо-

² URL: <http://www.opendemocracy.net/tooby-dodge/resistible-rise-of-nuri-al-maliki>

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Большой Ближний Восток. Стимулы и предварительные итоги демократизации. — М., 2007. — С. 494.

ненты высказывались в пользу Адила Абд Аль-Махди. Несмотря на формальную победу Джаафари, оппозиция не признала его премьером. В этой связи был достигнут компромисс — противоборствующие стороны отозвали своих кандидатов. И на их месте появилась слабая и зависимая на тот момент фигура нового премьера⁶.

Однако возвышение Аль-Малики началось достаточно быстро. Весьма неприятный момент он пережил в 2008 году, когда началось восстановление шиитских радикалов во главе с Муктадой Садром. Видимо, радикальный лидер понял, что контроль над правительством и парламентом, который, казалось, был у него в руках, ускользает, а тот, кого он считал марионеткой, начинает самостоятельную политическую игру. Восставшие захватили несколько городов и уже угрожали расправой самому Аль-Малики, но в дело, как обычно, вмешались американцы (и, по всей видимости, иранцы), и Ас-Садр вынужден был отступить.

Помимо, безусловно, выдающихся личных качеств, возвышению своему нынешний иракский премьер обязан в значительной степени стечению исторических обстоятельств. В качестве сильного лидера он был востребован и американцами, и иранцами, которым Аль-Малики был приятен в том числе в силу своей конфессиональной принадлежности.

Иракский премьер всегда подчеркивал, что главной его целью является борьба с сепаратизмом. Однако жесткость его усилий на данном поприще изливалась в первую очередь на суннитов, которые рассматривали проблему нарушения спецслужбами и полицией прав человека через призму захвата шиитами ключевых постов в государстве. пытки, смертные казни, незаконные задержания, преследования по политическим мотивам, убийства демонстрантов стали обыденностью для Ирака периода правления нового премьера⁷. Несмотря на это американцы продолжали верить в то, что «железная рука» приведет страну к спокойствию. Они даже после вывода своих войск в 2011 году снабжали иракские силы специального назначения и армию вооружениями и обучали их⁸.

Параллельно активнейшим нападкам со стороны Аль-Малики подвергались суннитские политические деятели. Так, всем специалистам

⁶ Там же.

⁷ См., например: URL: <http://www.opendemocracy.net/toby-dodge/resistible-rise-of-nuri-al-maliki>

ИНТЕРФАКС. «Международные новости». 6 февраля 2014 года. 13:22.

ИНТЕРФАКС. «Международные новости». 23 апреля 2014 года. 14:17.

ИНТЕРФАКС. «Международные новости». 25 апреля 2014 года. 19:12.

⁸ ИНТЕРФАКС. «Международные новости». 30 октября 2013 года. 20:38.

ИНТЕРФАКС. «Международные новости». 26 декабря 2013 года. 19:18.

памятна история вице-президента Ирака Тарика Аль-Хашими, суннита по вероисповеданию, который вынужден был бежать из страны, поскольку являлся оппонентом действующего премьера-шиита. Главной претензией официального Багдада к Аль-Хашими была якобы поддержка вице-президентом терроризма. Сам же Аль-Хашими говорил, что только лишь защищал своих единоверцев от нападков Ирана и проиранских сил в Ираке⁹. Не так давно в отставку подал еще один видный суннит — министр финансов Рафия аль-Исави. При этом вынудили его пойти на этот шаг после того, как несколькими членами его окружения также были предъявлены обвинения в пособничестве террористам¹⁰. А незадолго до этого под домашний арест угодил помощник главы правительства Салех Аль-Мутлаг¹¹.

Межконфессиональная рознь в Ираке тесно переплетена с политической борьбой. Оппозиционеры-сунниты блокируются вокруг крупного парламентского объединения «Аль-Иракия», возглавляемого шиитом по вероисповеданию, но при этом проводником прозападного курса в Ираке — Айядом Алауи. Блок «Аль-Иракия» является главным оппонентом созданной Аль-Малики партии «Государство закона». Таким образом, вытесняя с политического поля суннитских политиков, премьер не только боролся с сепаратизмом центральных областей, но и ослаблял главного своего оппонента. Про Айяда Алауи надо сказать особо. Он, также как и Аль-Малики, был выходцем из рядов антисаддамовских сил, но в отличие от премьера, который с самого начала своей карьеры оппозиционера был ориентирован на Иран, выражал интересы западных стран¹². Алауи в 2004 году был временным премьер-министром, однако потом был заменен на проиранского Джаафари. Есть мнение, что именно Алауи планировался американцами на должность «нового Саддама», однако из-за необходимости в тот момент плотно работать по иракской проблематике с Тегераном в Вашингтоне согласились на «паллиативного» Аль-Малики¹³. С тех самых пор Алауи — главный противник действующего премьера.

Контроль над спецслужбами и войсками специального назначения, жесткие репрессии в отношении суннитов, которых Аль-Малики считал главной угрозой территориальной целостности Ирака, а также поддержка (тайная и явная), оказываемая премьеру со стороны США и Ирана, привели к росту влияния в центральных областях Ирака ради-

⁹ URL: <http://www.ru.euronews.com/2012/04/25/tariq-al-hashimi-iraqi-vice-president-iran-is-behind-sectarian-strife/>

¹⁰ ИНТЕРФАКС. «Международные новости». 1 марта 2013 года. 17:49.

¹¹ URL: <http://www.opendemocracy.net/toby-dodge/resistible-rise-of-nuri-al-maliki>

¹² URL: <http://www.newyorker.com/magazine/2005/01/24/a-man-of-the-shadows>

¹³ URL: <http://english.alarabiya.net/en/views/news/middle-east/2014/06/22/Moscow-seeks-to-play-negotiator-Riyadh-holds-the-keys.html>

кальных исламистов. Тенденция, которая, казалось бы, была побеждена еще в конце первой декады 2000-х годов, начала возрождаться. Центральные районы вновь стали пристанищем для большого количества различного рода экстремистских группировок, которые позиционировали себя как защитники суннитского населения от произвола «безбожных» шиитов.

Нельзя не сказать, что повышение популярности суннитских экстремистов напрямую связано с событиями, происходящими в Сирии. Именно там родились и возмужали те организации, которые ныне потрясают хрупкие устои иракской государственности, — «Джабхат Ан-Нусра» и «Исламское государство Ирака и Леванта».

Заявляя о себе как о политике всеиракского масштаба, как о лидере, готовом подавлять сепаратизм самым жестким образом, Аль-Малики перегнул палку, забыв, видимо, что Ирак 1960–1970-х годов и Ирак нынешний — две, как говорят в Одессе, большие разницы. Сегодняшний Ирак, это страна, где серьезным образом подточены устои национальной государственности, где каждая крупная политическая группа имеет свои вооруженные формирования, где фактически нет национальной армии (а именно такое впечатление складывается после победного шествия на Тикрит и Мосул отрядов исламистов) и где основные этнорелигиозные общины настроены на «нецивилизованный развод». В этих условиях чрезмерная жесткость Аль-Малики натолкнулась на противодействие со стороны суннитов, которые к этому моменту уже имели недюжинный военный опыт и политическую поддержку со стороны Саудовской Аравии и Катара (в 2013 году иракское правительство запретило вещание на территории страны «Аль-Джазиры»¹⁴, а также пыталось закрыть посольство Катара, вследствие поддержки, которую эмират оказывает суннитским боевикам¹⁵).

Иракский премьер попросту переоценил свои силы. Борьба с сепаратизмом в Ираке носила весьма однобокий характер, поскольку подавлять сепаратизм курдов, создавших фактически к настоящему моменту свое самостоятельное государство, было весьма сложно, бороться с шиитскими радикалами, имеющими поддержку Ирана и местных религиозных лидеров, — и того сложнее (здесь Аль-Малики мог натолкнуться не только на противодействие мощных вооруженных группировок, но и на фронду виднейших аятолл). Арабы же сунниты (подавляющее большинство иракских курдов также являются, пусть и формально, но суннитами), с их раздробленностью по племенному и политическому признакам и патологическим неприятием шиитов, как нельзя лучше подходили на роль главных иракских сепарати-

¹⁴ ИНТЕРФАКС. «Международные новости». 29 апреля 2013 года. 14:55.

¹⁵ ИНТЕРФАКС. «Международные новости». 12 марта 2013 года. 13:06.

стов. Фактически Аль-Малики стал заложником политических обстоятельств, когда с одной стороны должность от него требовала активных усилий по сохранению территориальной целостности страны (этого же ждали и поддерживающие его американцы), а с другой — особенного простора для маневра в этом вопросе у Аль-Малики не было. И именно это стало главной ошибкой «нового Саддама». Своими крайне недальновидными действиями в отношении суннитов и их политических лидеров Аль-Малики добился того, что фактически уже побежденные в Центральном Ираке исламисты вновь подняли голову. Мало того, к ним стали присоединяться бывшие баасисты, которые на протяжении долгого времени были одними из главных врагов религиозных радикалов (в начале июля 2014 года поступило сообщение о гибели в боях за Тикрит с иракскими командос сына бывшего ближайшего помощника Саддама Хусейна Иззата Ибрагима Аль-Дури¹⁶.)

Получив поддержку значительной части населения, исламисты, теснимые в Сирии войсками Башара Асада, перешли границу и вступили в бой с иракской армией. Армией, которая оказалась во много раз более слабой и дезорганизованной, нежели военные части САР. В общем-то парадокс политической активности исламистов заключается в том, что исповедуемая ими идеология является идеологией перманентной борьбы. Поэтому для них не имеет значения, где строить халифат. Не получается в Сирии — нет проблем! Начнем строить его в Ираке. Не выйдет там, пойдём ещё куда-нибудь. Для исламистов важен сам процесс — бороться во имя божье с бидами (нововведениями), ересями, очищать ислам от скверны. Ежедневно и ежеминутно доказывать свою верность высшим заветам и исполнять возложенную свыше миссию. В этих условиях радикалы всегда становились властителями дум притесняемых иноверцами или «отступниками» мусульман. В случае с Ираком, где сунниты уже не один год подвергались репрессиям со стороны премьера-шиита, исламистский ренессанс не кажется таким уж удивительным.

Сегодня почти треть Ирака находится под контролем суннитских боевиков. В их власти Тикрит, Рамади, печально известная Эль-Фаллуджа, Мосул, Кербела. Эти территории составляют так называемое Исламское государство Ирак (так теперь величает свою организацию глава «Исламского государства Ирака и Леванта» Абу Бакр Аль-Багдади, в миру — Ибрагим Аль-Бадри¹⁷). Армия и спецслужбы пасуют перед активностью радикалов, парализована работа парламента (сессия, в ходе которой должны были состояться выборы спикера, перенесена на август¹⁸). Эффективное сопротивление исламистам оказывают

¹⁶ URL: <http://www.iraqinews.com/iraq-war/dori-s-son-killed-in-tikrit/>

¹⁷ URL: <http://www.bbc.com/news/world-middle-east-27801676>

¹⁸ URL: <http://www.english.alarabiya.net/en/News/middle-east/2014/07/07/Iraqi-parliament-postpones-key-session-to-Aug-12.html>

лишь курды, которые под шумок прибрали к рукам желанный Киркук, и тут же заговорили о возможном отделении от Ирака¹⁹ (против этого выступают Турция и Египет, новый президент АРЕ Ас-Сиси даже назвал перспективу появления на карте региона курдского государства «катастрофической»²⁰).

Итог правления Аль-Малики таков: Ирак разваливается, и без того нестабильный регион еще больше лихорадит.

Так кем же он был, премьер-министр Аль-Малики? Новым изощренным диктатором-интриганом, тонко чувствующим этноконфессиональную конъюнктуру, или же неплохим, но все-таки заурядным политиком, ставшим заложником изменившихся политических обстоятельств? Думается, что именно второе. Аль-Малики при поддержке американцев и с молчаливого согласия Ирана сосредоточил в своих руках огромную власть, однако распорядиться ею грамотно и правильно так и не сумел. Все усилия премьера по «собираанию» Ирака и созданию эффективных национальных армии и полиции рассыпались в прах при первой же серьезной опасности. В этой связи и американцы, и иранцы без сожаления расстались с Аль-Малики.

Иранцы, которые крайне опасаются разрастания влияния суннитских радикалов около своих границ, уже давно давали на официальном уровне понять, что готовы работать не только с Аль-Малики, но и с любым другим политиком, которого выберет иракский парламент²¹. Со стороны США обида двойная — Аль-Малики не только не стал для Белого дома «своим человеком», постоянно заигрывая с Ираном и не препятствуя тому, что иракские шииты воевали на стороне Башара Асада в Сирии²², но и провалил все усилия по стабилизации ситуации в стране и созданию эффективных национальных сил безопасности.

И вновь перед Ираком встает вопрос — так кто же выведет его из кровавого тупика? Будет ли это новый премьер-министр Аль-Абади или же на политическом небосклоне страны взойдет новая звезда? Думается, что Аль-Абади фигура временная. Сейчас и для США, и для Ирана очень важно, чтобы перед лицом разрастающейся опасности суннитского радикализма в стране поддерживался бы нынешний этноконфессиональный статус-кво, основанный на союзе курдов и шиитов (Аль-Абади — представитель партии «Ад-Дава», Масум — Патриоти-

¹⁹ URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2506256>

²⁰ URL: <http://www.english.alarabiya.net/en/News/middle-east/2014/07/06/Egypt-s-Sisi-says-independence-for-Iraq-s-Kurds-would-be-catastrophic.html>

²¹ URL: <http://www.english.alarabiya.net/en/News/middle-east/2014/07/06/Iran-backs-Maliki-as-Iraq-PM-but-prepared-for-change.html>

²² См., например, официальное заявление главы МИД Ирака по этому поводу: ИНТЕРФАКС. «Международные новости». 28 июня 2013 года. 16:06.

ческого союза Курдистана, как и прежний глава страны Д.Талабани). Однако вряд ли этот союз будет иметь долгосрочный характер. Как только ситуация более или менее стабилизируется, американцы, пользуясь всемерным ослаблением региональных позиций Ирана, наверняка попытаются поставить у руля в Ираке «своего» политика. Этим «своим» с большой долей вероятности может оказаться Айяд Алауи. Он, как оппозиционер, представитель этнического большинства, а также абсолютно лояльный Западу политик (имеющий, как говорят, и связи в Эр-Рияде²³), вполне подходит для этой роли. Однако Ирак страна непредсказуемая (в силу очень высокой зависимости от внешнего влияния). Изменение направления политических ветров может привести к власти в Багдаде совершенно новую политическую фигуру, на которую вдруг сделают ставку в Тегеране и Вашингтоне.

Не будет забывать, что и Нури Аль-Малики в 2006 году никто не воспринимал всерьез.

²³ URL: <http://www.english.alarabiya.net/en/views/news/middle-east/2014/06/22/Moscow-seeks-to-play-negotiator-Riyadh-holds-the-keys.html>

Василий КОЛТАШОВ

ЭКОНОМИКА РОССИИ В 2014 ГОДУ: МЕЖДУ НЕФТЬЮ И «ВТОРЫМ» КРИЗИСОМ

Страна вошла в эпоху проблем, где определяющими будут три фактора: колебания мирового рынка, процессы в экономике России и решения властей. Последнее уже работает за счет фритредерского курса.

Россия оставила позади период экономического оживления. С 2012 года в стране идет волнообразное развитие кризиса, его «второй волны», и меры правительства не останавливают процесс. Более того: отечественная экономика повторяет во многом стадии развития кризиса на Украине в 2011–2013 годах. И хотя относительно высокие мировые цены на сырье помогают российской экономике, не приходится ожидать разворота к устойчивому росту. Показатели ухудшаются с 2011 года, и Министерству экономического развития едва удастся «добиваться» положительного ВВП. Он по итогам года окажется ниже 1%, что едва прикроет реальный спад.

Надежды министров экономического блока правительства, как и ранее, возложены на внешний рынок. И главными друзьями сырьевой экономики России остаются США и КНР. Первые оказывают отечественному бизнесу помощь вопреки антироссийской политике своего правительства. Однако это настолько же опасная для российской экономики «дружба», как для ЕС гражданская война на Украине (в сущности, направленная против него и американской гегемонии), особенно после подписания Киевом соглашения об экономической ассоциации с Евросоюзом.

Несмотря на обострение отношений с Западом, отечественные монополии все более зависят от экономической политики Вашингтона и Пекина. Первый обеспечивает уже не столько финансовую подпитку банковских групп, как это было в 2009–2011 годах, сколько сохранение мировых цен на нефть на высоком уровне. Вместе с «черным золотом» на относительно хороших позициях остаются и металлы, хотя

рентабельность бизнеса в отрасли невелика. Китай же продолжает обеспечивать высокий спрос на сырье, хотя его экономика и производит «мягкую посадку» до 6–7% роста ВВП, как с наигранным хладнокровием отмечают китайские экономисты.

Экономическая блокада Ирана со стороны США и ЕС подтолкнула КНР к более тесному сотрудничеству с Россией. В мае министр экономического развития Алексей Улюкаев заявил, что сделка России с КНР по газу и строительствопровода «Сила Сибири» помогут экономике справиться с проблемами. Прогноз слишком обнадеживающий, чтобы хоть отчасти быть правдивым. Однако эта сделка, наряду с устойчивыми мировыми ценами на сырье, работает как внешний стабилизатор для экономики. Даже укрепление рубля весной-летом 2014 года после зимнего обвала — это результат внешних условий, а не внутреннего оздоровления.

События на Украине еще не повлияли на российскую экономику заметно (скорее, предупредили о том, куда может довести свободное развитие кризиса в ходе двух-трех лет). А вот события в Ираке оказывают на отечественную экономику большое влияние. Победы повстанцев-суннитов в Ираке сработали в июне-июле на сохранение высоких мировых цен на нефть, которые даже немного подросли в разгар наступления исламистов на Багдад. Политологи принялись толковать эти события как «крах американской политики на Ближнем Востоке». Но это неверно. США рассчитывают тактически — за счет ситуации на сырьевых рынках — выиграть от событий в Ираке.

Вашингтон никогда не был заинтересован в победе на Ближнем Востоке светских сил, способных обеспечить развитие экономики. И радикальная группировка «Исламское государство Ирака и Леванта» (ИГИЛ) никак не может быть названа силой модернизации Ирака. Реакционный характер этой силы дает Вашингтону основание надеяться, что Ирак (даже немного расширенный как исламское государство) останется страной периферийного типа — средневековым явлением, чьи лидеры не будут способны даже мечтать об индустриальном, культурном, научном и технологическом развитии. Они будут его давить, а значит, окажутся полезны делу реиндустриализации США. Но это стратегические плюсы.

В тактическом (чисто рыночном) плане США выигрывают от успехов ИГИЛ благодаря сохранению высоких мировых цен на энергоносители. Дорогая нефть на мировом рынке выгодна США потому, что сами они предлагают энергию на своем рынке по низким ценам. Это справедливо считается выгодным условием для привлечения инвесторов, многие из которых уже оценили преимущества американского рынка, где ко всему дешевле еще и кредит. Но нужно признать в случае Ирака также то, что Вашингтон не может остановить деструктивных

процессов в подконтрольных регионах, как он не может уже остановить их на Украине.

Успехи ИГИЛ привели в июне к повышению мировых цен на нефть, вошедших в рискованную зону выше 110 долл. за баррель. По мнению ряда аналитиков, дальнейший рост цены «черного золота» может привести к ее новому ощутимому падению. Мировые цены на нефть в последний раз резко падали в 2012 году. Со 124,5 долл. в мае 2012 года баррель нефти марки Brent опустился в июне до 96 долл. За лето цены частично восстановились, после чего колебания стали менее резкими.

В 2013 году цены на нефть сохранялись в границах 100–110 долл. за баррель. Этому способствовала торговая блокада Ирана со стороны США и ЕС, а также политическая нестабильность в ряде государств «третьего мира». Проблемы в крупнейших экономиках (включая страны БРИКС) в 2012–2013 годах уравнивались усилиями американского государства по сохранению стабильно высоких мировых цен на нефть, которые оставались на 25 долл. выше, чем в 2010 году — в самый динамичный «посткризисный» год. Сохранение относительно высоких мировых цен на сырье сглаживало внутренние проблемы в российской экономике в 2012–2014 годах, но не останавливало вялого наступления «второй волны».

Фактором сдерживания кризиса может считаться также евразийская интеграция, инициированная Москвой. Но проект ТС и ЕАЭС имеет «второе дно». В 2009–2012 годах связанные с сырьевыми монополиями российские элиты не увидели и не поняли, что даже самая узкая региональная торговая интеграция на постсоветском пространстве неприемлема для США и ЕС. И причина этого — в экономических проблемах Запада.

Кризис Евросоюза (сначала экономический, а потом — политический) толкал его на конфликт с Россией по множеству вопросов, а стремление США создать Трансатлантическое соглашение свободной торговли в составе всей Северной Америки и всей, за исключением России, Европы гарантирует дальнейшее обострение в Евразии. Никакие уступки со стороны отечественного руководства не остановят давления Запада. И борьба против России ведется как против страны, способной резко порвать с периферийным типом экономики в ответ на кризис.

США стараются за счет запугивания российской угрозой удержать свое господство в Европе. Она нужна им как рынок, без которого на основе неолиберальной политики не обеспечить рост американской экономики. Для европейских государств (включая входящие в еврозону) это вовсе не обещает хозяйственного развития и даже роста, а значит и преодоления затяжного европейского кризиса. Причем США не слишком заинтересованы в том, чтобы Европа продолжала стабильно

получать газ из России. Есть проект разработки сланцевого газа на Украине.

Угрозу для российской экономики, таким образом, несут процессы как в ЕС, так и в Поднебесной. Причем рынок Китая не может компенсировать России потерь на европейском рынке. Стабильность мировых цен на нефть не может рассматриваться как залог хорошего будущего отечественной экономики. Она все более нуждается в перемене хозяйственной политики.

В этих условиях отечественные власти лишь усиливают либеральный курс в экономике. Создание Евразийского экономического союза (ЕАЭС) ничего здесь не меняет, поскольку он является лишь наслоением на старый блок — Таможенный союз. Сохраняется ориентация страны на правила ВТО и отказ от политики индустриального возрождения, которая может быть связана лишь с отвоеванием внутреннего рынка у конкурентов. В ответ на возрождение кризиса в российской экономике принимаются большей частью монетарные меры, которые не в силах даже снять угрозу нового падения курса рубля. Дорожает кредит. По итогам 2014 года страну могут покинуть капиталы в 100 млрд долл., и это расчет Минэкономразвития. Рост ВВП составит менее 1%, что равнозначно спаду в реальной экономике.

В результате пессимистический сценарий для российской экономики — это мировое биржевое падение с последующим обвалом отечественного рынка. Остальное можно считать «оптимизмом», правда, более реалистичным. Совершенный оптимизм — это ожидание смены экономической политики: реализации курса на развитие внутреннего спроса и производства, что должно быть связано с удешевлением кредита и протекционизмом. Наиболее вероятный же сценарий состоит в сохранении неолиберального экономического курса, а значит, каналы развития кризиса останутся открытыми. Просрочка по банковским кредитам будет увеличиваться, напряжение в банковской сфере возрастать. А о снижении прибыли уже заявили оба ведущих банка страны — Сбербанк и ВТБ.

За 2013 год в России были построены рекордные 70 млн кв. м жилья. И хотя на строительный бизнес приходится лишь 50% (остальное построили сами граждане), продать сданное в полном объеме не удалось. Особенно заметен кризис продаж на рынке жилья в Москве, где цены на квартиры достигли астрономических величин. Стала понятна бессмысленность даже спекулятивных покупок самого дорогого и самого дешевого (удаленного от столицы) жилья. 2014 год также перенял от прошлого года негативные тенденции на рынке автомобилей. Таким образом, два главных товара отечественного производства, создающие длинные технологические цепи, остаются под ударом кризиса. Растет его давление на сферу услуг.

Министерство экономического развития ожидает по итогам второго квартала рост ВВП в 0,9%. Вторую половину года чиновники-экономисты, еще недавно один за другим выдававшие оптимистические прогнозы, видят в мрачных тонах. Они, возможно, еще смогут выдать данные по ВВП со знаком «плюс», государство имеет золотовалютные резервы и может пустить их на поддержку ведущих корпораций, но россияне уже могут ощутить возвращение кризиса. Пока с ним познакомились большей частью сотрудники сокращаемых банковских офисов, а также 33 500 уволенных за 2013 год рабочих металлургии и тех, кто попал в сходное положение. Но многие трудящиеся все еще подозревают, что «второй волны» кризиса нет.

Российские власти в плане экономических решений находятся в состоянии анабиоза. Сохранена прежняя стратегия, которую они отказались даже частично скорректировать под давлением возрастающих экономических проблем. При этом чиновники пытаются уверить всех в замедлении роста и «инвестиционной паузе», хотя очевиден реальный спад и перспектива его углубления. Процесс замедлится, если КНР удержится на нынешнем уровне роста ВВП и мировые цены на сырье не снизятся. Бюджет не будет иметь дефицита, а резервы казны сохранятся. Однако во второй половине 2014 года можно ожидать повторный переход кризиса в фазу ускоренного развития, как это имело место в начале года.

Спад в российской экономике продолжит в 2014 году медленное развитие, перейдя в 2015 год. Единственной помехой ему могло бы стать удаление либералов из управления государством (прежде всего, в экономическом блоке). И хотя майский Петербургский международный экономический форум продемонстрировал, что они имеют прочные позиции во власти, созданные новороссийским восстанием условия подталкивают к отказу от неолиберализма, что может иметь последствием и усиление либеральной партии Кремля. В этом случае власть должна будет идти на уступки прозападным силам, в конечном итоге сдавая позиции ТНК внутри страны и за ее пределами.

Медленное развитие «второй волны» кризиса в России соединилось в 2014 году с политическими сложностями, выходящими за пределы неспешно наступающего социального кризиса. Проект постсоветской интеграции оказался в кризисе благодаря непоследовательности его инициаторов. В мировой экономике все меньше при этом остается признаков, которые отечественные рыночные консерваторы могли бы трактовать в пользу своей политики «свободной торговли». Страна медленно продвигается к пределу возможного существования узкоотраслевой модели экономики, завязанной на внешние рынки. Зреет также новая оппозиция.

К середине июля нефть марки Brent опустилась в цене до 106 долл. за баррель, вернувшись к показателям начала года. При этом про-

мышленное производство в России за первое полугодие выросло, как сообщил Росстат, на 1,5%, и это сравнительно неплохой показатель, если только доверять ему на 100%. Сохранил в середине лета свои позиции и рубль. Однако все это никак нельзя рассматривать в качестве обнадеживающих данных. После зимнего падения российской валюты должна была наступить стабилизация. Более того, рубль вернул почти все, что потерял. Но ни это, ни официальный рост в индустрии не должны обманывать.

«Вторая волна» наступает на отечественную экономику накатами: периоды осложнений сменяются успокоением и выравниванием показателей. Это нестандартная логика кризиса. В банковской сфере и на фондовом рынке наблюдается внешний порядок, но в реальной экономике — затруднения. Но не внешние факторы, скорее всего, а внутренние основы кризиса будут во второй половине 2014 года работать на спад в отечественной экономике. Мировые цены на сырьевые товары не рухнут в ближайшее время, хотя металлургические компании признают их низкими, но ослабевать будет внутренний спрос в России. Власти же имеют ресурсы, но предпочитают действовать по лекалам европейской «жесткой экономии», повышая косвенные налоги и сокращая социальные траты, пусть и ради армии.

В 2008–2009 годах выявились противоречия в экономике, а глобальная стабилизация кризиса 2010–2011 годов (продолжавшаяся в БРИКС и позднее) утопила надежды на модернизацию в рассуждениях о ней высших чиновников. Но «вторая волна» кризиса вскоре показала, что Россия стала рассматриваться США и ЕС как опасный соперник. И оттого, сыграет ли этот соперник в поддавки или в серьезную партию, и зависит то, как наша экономика встретит 2015 год.

Чиновники экономического блока уклоняются от признания факта нового появления кризисных признаков в экономике. Если бы такой шаг был сделан, он стал бы первым на пути реформирования экономической политики. А именно это требуется сейчас и еще более будет нужно в 2015 году, когда экономика еще ближе подойдет к границе возможностей либерального курса.

Абрам ЯРЛЫКАПОВ

АГРАРНЫЙ СЕКТОР ЭКОНОМИКИ: ПУТИ РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМ

В одной из последних статей, опубликованных в журнале, нами были показаны беды сельского мира России. Каковы причины их возникновения и пути их преодоления? Что делать, какие меры еще предпринять? Ведь прошло уже четверть века с начала уже седьмой по счету реформы крестьянского уклада страны, однако положение дел в деревне и сегодня остается весьма острым. Попробуем еще раз взглянуть на накопившиеся проблемы с аналитического наблюдательного пункта эволюционной теории. Только с этих позиций, на наш взгляд, вещи и явления открываются в другой плоскости и по-новому.

Ретроспективный анализ развития аграрного сектора России

К началу XXI века в современной российской экономике накопился ряд весьма серьезных проблем, которые не совсем связаны с нынешним кризисом, а имеют давнюю историю. Однако очевиден и тот факт, что к аграрным реформам постсоветской России начала 1990-х годов был применен в обход эволюционному революционный подход, который, как известно, привел экономику страны и ее АПК к катастрофическому результату. Это обстоятельство еще раз показало заметное отставание экономической теории от естественных наук, в частности, от биологии. А ведь в свое время Чарльз Дарвин, по существу, сформулировал свои ключевые понятия эволюционных процессов органического мира путем переосмысления и трансформации ряда положений, содержащихся в трудах классиков именно экономической теории. Межвидовая и внутривидовая конкуренция побуждает живые системы к постоянно-му самосовершенствованию с целью выживания, а это является движущей силой и катализатором эволюции в живой природе.

К. Маркс теорией общественно-экономических формаций сделал колоссальный шаг в изучении эволюции экономических систем.

Последовательная и закономерная смена формаций, обусловленная развитием производительных сил общества и их противоречивым единством с производственными отношениями, внесла решающий вклад в понимание истории как эволюции, предложила простую и содержательную модель для толкования фактов экономической и социальной эволюции, постижения источников социального и экономического прогресса.

В настоящее время отчетливо проявилась потребность в возвращении к основам эволюционной экономики, ее осмыслении. Это выразилось в обращении к трудам Йозефа Шумпетера, который впервые предложил термин «творческое» или «созидательное разрушение» для выражения самой сущности капитализма. По его мнению, предприниматели-новаторы, внедряющие новые продукты, технологии, производственные методы, конкурируют за ресурсы с традиционными отраслями, тем самым разрушают старую структуру и создают новую.

Таким образом, при экономической трансформации целесообразно применять именно эволюционный подход. При этом следует помнить, что предпочтение только эволюционного варианта развития неизбежно связано с риском упустить оптимальный вариант развития институтов. В работе «Институциональные ловушки: есть ли выход?» академик В. Полтерович обосновал использование институционально-эволюционной методологии, что позволяет точнее диагностировать проблемы российской экономики. В свою очередь, спонтанное формирование рыночных институтов, гипертрофия макроэкономической политики в ущерб институциональной, легкомысленное заимствование эффективных институтов из чужой культуры послужили источником ошибок при реформировании административно-централизованных экономик.

Показательный пример — институциональные преобразования аграрной экономики постсоветской России.

Очевидно, что эволюционный подход для совершенствования имеет конкретное направление изменений и представляется возможной альтернативой или, по крайней мере, целесообразным дополнением к арсеналу экономических идей по сравнению с революционным подходом, подразумевающим радикальный вариант решительного разрушения прежней системы институтов и пренебрежения текущими потерями ради будущих выгод.

Эволюционный подход, по мнению Д. Эпштейна, отвергает «творческое разрушение» в значимых масштабах. Экономика стран Восточной Европы и бывшего Советского Союза испытывают в настоящее время серьезные трудности. Большинство проблем заведомо вызвано правительствами, затеявшими реформы. Сторонники проводимой политики верят, что долгосрочный экономический прогресс не может происходить без предварительного процесса творческого разрушения.

Защитники реформ предпочитают крутые перемены ради розового будущего.

С точки зрения адекватности российской модели управления сельским миром проведем некоторую локализацию наиболее значимых исторических периодов.

Судьба деревенского мира в России всегда была связана с борьбой за ресурсы земли, а также за власть. На Руси с древних времен близость к земле оборачивалась не волей, а закрепощением. Извлекая доход при помощи крестьянского труда, Российское государство не только расширяло свои границы и увеличивало население, но и ощущало всегда преимущества административного устройства и управления. Модификацией такого управления в России через 500 лет стали колхозы и «палочки» — трудодни колхозников.

В период правления Ивана Грозного управление землями стало носить, к примеру, строго централизованный характер. Так, с 1551 года была запрещена покупка земельных участков монастырями и другими представителями церковного землевладения «без доклада царю». Это был полный правительственный контроль.

Эпоха Ивана IV (Грозного) сменилась периодом политической стабилизации во времена правления Фёдора Иоанновича и Бориса Годунова в конце XVI века. Но крестьянин все более попадал в крепостную зависимость от хозяина земли. Административному оформлению нового порядка во многом способствовала масштабная перепись земель, проведенная в 1581–1592 годах, в результате которой впервые было выявлено состояние земельного фонда и в писцовые книги были внесены имена крестьян, проживавших на учитываемых землях. В дальнейшем такие записи служили доказательством «старожильства» крестьянина, вследствие чего он терял право перехода к другому землевладельцу.

Уложение 1649 года явилось законодательным актом окончательного закрепощения крестьянства, оно выполнило свою задачу — юридически прикрепило крестьян к земле, создав государственную систему крепостного права, и в целом упорядочило земельные отношения в Русском государстве. Сформировались три крупных земельных собственника: государство, помещики и монастыри.

Если выйти за рамки событий Смутного времени XVI–XVII веков, то можно найти много похожего с драмой, которая разыгралась в России спустя почти четыре столетия. В том и другом случае национальным катастрофам в стране предшествовали массовые репрессии и унижение человеческого достоинства, повсеместное противозаконное лишение собственности, в том числе и земли, низведение крестьян до уровня бесправных рабов.

Однако на протяжении более трех веков правители не решались на реформирование крепостнических отношений. Намерения Алек-

сандра I материализовались в целом ряде указов, которые в итоге оказались лишь полумерами. В 1803 году вышел Указ о вольных хлебопашцах, позволявший помещикам освобождать крепостных за выкуп по собственной воле. В 1808 году последовал запрет на открытую торговлю крестьянами на рынках, а в 1809 году помещики лишились права самовольно ссылать их на каторгу.

Тщательная подготовка *первой* в России *реформы* началась с подготовительного этапа, который занял около четырех лет при правлении Александра II. На пятый год царствования, 19 февраля 1861 года он подписал Манифест «О всемилостивейшем даровании крепостным людям прав состояния свободных сельских обывателей» и законодательным актом «Положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости» объявил о ликвидации крепостного права. Отмена крепостного права дала сильный импульс развитию производительных сил России. Самая многочисленная, кормящая и обороняющая часть общества стала свободной по праву. Таким образом, правительство перешло от традиции охраны общины к ее разрушению путем насаждения индивидуальной собственности на наделных земельных участках, ликвидации практически всех ограничений размеров крестьянских землевладений, закрепления крупных хозяйств зажиточных крестьян в единоличном владении.

В.И. Ленин в своей работе «Развитие капитализма в России» писал, что в течение 40 лет после отмены крепостного права население страны увеличилось более чем на две трети; валовой сбор продукции растениеводства (зерна и картофеля) — более чем в 1,5 раза. Россия по экономическому развитию занимала третье место в Европе после таких стран, как Дания и Швеция, обогнав при этом Францию, Германию, Италию, Бельгию и Голландию. Производство зерна составляло 22,3% мирового объема. В начале XX века Россия стала крупным экспортером зерна на мировом рынке. За 50 лет после отмены крепостного права объем экспорта вырос в 7 раз.

Широкое развитие получили аренда и покупка земли, залог и другие операции с недвижимостью. Реформа ускорила переход к капиталистическим методам хозяйствования. Общим итогом реформы 1861 года можно считать ликвидацию рабства, правовое уравнивание всех сословий общества, ускоренное развитие рыночно-капиталистических отношений, выход России на мировой аграрный рынок, стимулирование развития промышленности и транспорта, расширение внутри российского рынка¹. Однако крестьянский вопрос до конца не был решен, так как основная масса крестьянства вела еще натуральное хозяйство.

¹ Никонов А.А. Спираль многовековой драмы: аграрная наука и политика России (XVIII–XX вв.). — М.: Энциклопедия российских деревень, 1995. — 574 с.

В январе 1902 года Николай II утвердил Положение «Об особом совещании о нуждах сельскохозяйственной промышленности», задачей которого была подготовка предложений по аграрной реформе, *второй* после отмены крепостного права. Для решения поставленной задачи был избран цивилизованный путь. Правительство отрицательно относилось к прямому участию государства в вопросах кредитования и поддерживало частную инициативу по созданию акционерных земельных банков, впоследствии поставив их под свой контроль.

По мнению П.А. Столыпина, укрепление экономики страны можно провести только через модернизацию и подъем российской деревни. Он был сторонником новаторско-аналитической формы управления. Содержание ее составляют такие особенности, как преданность государству и организации; энергичность и новаторство; чуткость к новой информации и новым идеям; выверенность формулировок целей и установок. Он писал: «...государство у нас хворает. Самой больной, самой слабой частью... является крестьянство... все государство, все части государства должны прийти на помощь той его части, которая в настоящее время является слабейшей»².

Известно, что результаты аграрных мероприятий правительства Столыпина оказали благотворное влияние на сельское хозяйство России. Производство зерна в 1907–1913 годах увеличилось по сравнению с 1900–1906 годами с 26,7 до 30,5 млн пудов, или на 14,2%. Рост урожайности зерновых составил 107% для ржи, 111,7% — для пшеницы, 106,6% — для овса и 133,7% — для ячменя. Экспорт хлеба за период с 1900 по 1913 год почти удвоился.

На протяжении всего советского периода показательными для статистики были темпы роста развития аграрного сектора времен столыпинской реформы. Никогда отечественное сельское хозяйство не имело столь благоприятных условий для своего развития. Небывальными темпами в этот период развивалась *сельскохозяйственная кооперация*, как прообраз восстановления в исторической памяти крестьян прогрессивной формы организации производства — *общинного земледелия*. Если до 1906 года по кооперативному движению Россия отставала от таких европейских стран, как Германия, Англия, Голландия, Дания, Швеция, Франция, Италия, то к 1915 году по числу кооперативов вышла на *второе место* в мире после Германии.

Благодаря реформе произошло развитие российского рынка и трансформация его в мировое пространство. Несмотря на то, что Россия позднее, чем Западная Европа, включилась в кооперативное движение, она дала миру таких теоретиков и практиков кооперации, как

² Столыпин П.А. Полное собрание речей в Государственной думе и Государственном совете. — М.: Молодая гвардия, 1991.

М.И. Туган-Барановский, А.В. Чайнов, Н.А. Добролюбов, А.И. Чупров и др.

Основная идея столыпинской реформы в сельском мире, так и не понятая многими исследователями, была не в разрушении общины, а в постепенном создании из крестьян-собственников крепкой консервативной опоры власти. Положительный опыт столыпинских преобразований будет востребован позднее, в 1922 году, когда Земельный кодекс РСФСР провозгласит государственную собственность на землю и различные формы землепользования: общинную, участковую (в виде отрубных и хуторских участков) и товарищества по совместной обработке земли.

Декрет о земле 1918 года (*3-я реформа*) фактически национализировал землю. Советское государство стало единственным собственником всей земли. Продразверстка, введенная в 1919 году, подорвала материальную заинтересованность крестьян в увеличении производства³. К тому же мировая война серьезно ослабила сельскохозяйственное производство. Вожди и правительство стали понимать объективную необходимость перехода к таким методам хозяйствования, которые использовали бы товарно-денежные отношения, хозрасчет, экономическую мотивацию. Это и должно было составить суть новой экономической политики (нэп), активизировав сельское хозяйство и мелкую промышленность.

В.И. Ленин в своих трудах («О продовольственном налоге», «О значении золота теперь и после полной победы социализма» и др.) развил учение о закономерностях развития экономики переходного периода, путях и методах преодоления ее многоукладности. Он доказал, что торговля — единственно возможная форма связи социалистической промышленности с мелкобуржуазным крестьянским хозяйством. «Новая экономическая политика не меняет единого государственного хозяйственного плана и не выходит из его рамок, а меняет подход к его осуществлению»⁴. При этом оказала благотворное влияние на развитие сельхозпроизводства. Так, среднегодовые темпы роста производства сельхозпродукции превышали 10%.

В годы нэпа произошло укрепление позиций крестьянской общины, но руководство страны не устраивало существующее положение. Оно неоднократно предпринимало меры для разрушения общинного самоуправления, повышения авторитета сельских советов и партийных организаций, что должно было помочь в ходе уничтожения традицион-

³ Никонов А.А. Спираль многовековой драмы: аграрная наука и политика России (XVIII–XX вв.). — М.: Энциклопедия российских деревень. 1995. — 574с.

⁴ Ленин В.И. Развитие капитализма в России. Полн. собр. соч., Т. 3. — С. 5–603; Он же. Аграрный вопрос в России к концу XIX века. Полн. собр. соч., Т. 37. — С. 57–137; Т. 42. — С. 148–150.

ных отношений в деревне. В результате этого в последние годы нэпа замедлился рост сельхозпроизводства, но при этом деревня становится донором сверхвысоких темпов индустриализации страны. С крестьян, по выражению И. Сталина, следовало брать высокую «дань»⁵.

Таким образом, опять лишенная всех прав, инициативы и самостоятельности колхозная деревня в течение многих лет была обречена на застой и упадок. Общинное самоуправление являлось исходной формой развития поспешной коллективизации (*4-я реформа*). Сельский мир лишился зажиточной части деревни, крепких середняков крестьянских хозяйств. С помощью тоталитарных управленческих методов принуждения и насилия, с применением инструментов мобилизационного режима крестьянство России перестало существовать. Оно вынуждено было менять свой уклад жизни, не инициировать свою индивидуальность и ожидать наступления лучших времен.

Законы объединяли две управленческие утопии: бедняцко-средняцкую с ее стремлением к уравнительному землепользованию (общинная традиционность, патриархальность, натуральное хозяйство) и коммунистическую (лишение крестьян собственности на землю, создание крупного, управляемого государством сельскохозяйственного производства). С началом Великой Отечественной войны положение сельского хозяйства резко ухудшилось. На третий год войны с одного гектара не собирали даже 400 кг зерна, тогда как половину полагалось оставить на семена. Доля изъятия зерна в колхозах в 1943 году составила 46,2% против 43,5% в 1940 году, такое изъятие при низком сборе обрекало колхозников на голод⁶.

За время войны страна со своим сельским хозяйством была отброшена на *35 лет назад*. Однако за *пять* послевоенных лет его удалось восстановить. Достигнуто это было путем административного нажима, налогового бремени и плана обязательных заготовок.

Во времена «оттепели» (начиная с 1953 года) впервые были названы истинные причины отставания сельского хозяйства: сосредоточение сил и средств на создание тяжелой индустрии в ущерб сельскому хозяйству и легкой промышленности; нарушение принципа материальной заинтересованности крестьян; ущемление личного подсобного хозяйства при полном подчинении его общественному, от которого крестьянину мало чего доставалось; массовый уход крестьян в города; слабое использование техники; низкая трудовая дисциплина в самих

⁵ Милосердов В.В. Аграрная политика России — XX век. — М.: ФГОУ ВПО Минсельхоза России, 2002. — 553 с.; Надькин Т.Д. Аграрная политика Советского государства и крестьянство в конце 1920-х — начале 1950-х годов. Автореф. дис. д.и.н. — Саранск. 2007. — 47 с.

⁶ Арутюнян Ю.В. Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. — М.: Наука. 1970. — С. 75.

колхозах⁷. В период с 1954 по 1958 год были приняты серьезные меры по развитию сельского хозяйства (*5-я реформа*). Совершен переход на твердые дифференцированные по зонам ставки натуральной оплаты за работу МТС, началось освоение целинных и залежных земель, почти на 90% увеличились заготовки зерна, сахарной свеклы — в 2,2 раза, овощей — в 1,8 раза, мяса — в 1,6 раза, молока — в 2,1 раза. Это положительно отразилось на развитии сельскохозяйственного производства. В частности, эффективную роль сыграл принятый в 1955 году новый порядок планирования сельского хозяйства. Хозяйствам доводились только размеры закупок продуктов растениеводства и животноводства. Втрое были увеличены закупочные цены и установлен новый порядок оплаты труда.

Новый подход предусматривался в развитии инициативы и предприимчивости колхозников, но только в рамках ведения коллективного хозяйства. Количество колхозов сокращалось как на основе их укрупнения, особенно в 1950-е годы, так и за счет передачи их земель вновь организуемым совхозам. Создавались государственные хозяйства при согласии колхозов. Начало 1960-х годов, в особенности 1961 год, было весьма бурным — внедрялись всевозможные инновации.

Однако все нововведения, постановления, задачи, поставленные перед сельским хозяйством, не приносили желаемых результатов. Модель управления так и оставалась административной с командно-мобилизационным режимом организации. Поэтому в целом программа серьезных преобразований в сельском хозяйстве, давшая на первых порах положительные результаты, не решила главную проблему — раскрепощения крестьянина.

Период с 1965 по 1985 год и до начала перестройки в нашей стране принято называть «застойным», или периодом «развитого социализма». В стране усилилось огосударствление. При этом магазины пустели, объемы импорта продовольствия возрастали, экономика впала в процесс стагнации. Импорт зерна в СССР уже в 1960-х годах превысил экспорт.

Сравнительные показатели развития сельского хозяйства (по данным ЦСУ СССР) свидетельствуют о том, что в течение 15 лет страна фактически остановилась на одном уровне по урожайности зерновых, хотя вложения за эти годы были довольно существенными. Например, урожайность в 1970 и 1985 годах уступала в СССР показателям Франции, Великобритании, ФРГ, Венгрии, США, Китая, Финляндии, Аргентины и даже Бразилии. Надои молока на одну фуражную корову, несмотря на тенденцию роста, в 1985 году (2330 л) значительно

⁷ Никонов А.А. Спираль многовековой драмы: аграрная наука и политика России (XVIII–XX вв.). — М.: Энциклопедия российских деревень. 1995. — С. 299.

уступали таким странам, как Израиль (9400), США (5800), Швеция (5691), Дания (5622), Финляндия (4966), Великобритания (4844), Венгрия (4531), Чехословакия (3756).

Однако ни быстрый рост производительных сил, ни наращивание производственных фондов и постоянное увеличение квалифицированных кадров на селе не смогли нивелировать недостатки взаимоотношений между государством и предприятиями АПК. На низком уровне была техническая оснащенность селян. Государственные розничные цены на основные продукты питания оставались практически неизменными более четверти века. При этом нарастал диспаритет цен на промышленные средства труда и услуги, оказываемые селу. Капитальные вложения и материально-технические средства регионы получали по множеству обособленных каналов, без учета.

Заинтересованность в росте производства и повышение его эффективности не стимулировали экономические отношения между хозяйствующими субъектами и государством. Все меры государства, принимавшиеся по решению этих назревших проблем в рамках старой системы хозяйствования, не приносили успеха. Основной причиной сложившегося положения являлось отчуждение непосредственного производителя — крестьянина от главного средства производства — земли и огосударствление аграрных отношений. Становилось все более очевидным, что советская модель аграрных отношений требует кардинального реформирования (*6-я реформа*).

Историческая тенденция с навязыванием государством форм и способов хозяйствования оказалась весьма живучей и постоянно оказывала влияние на развитие российской аграрной сферы. Следует согласиться с профессором В.А. Пешехоновым⁸, который отмечал, что в России государство не столько помогало сельскому хозяйству, сколько пыталось насаждать полюбившиеся ему формы хозяйствования. Так, и в последние 1990-е годы была предпринята попытка «сплошной фермеризации» сельскохозяйственного производства (*7-я реформа*). Итоги такой деятельности известны всем: треть посевных площадей страны выведены из производственного оборота, в результате — небывалый спад производства основных видов сельскохозяйственной продукции (зерна, мяса, молока), потеря продовольственной независимости (ежегодно завозится продукции на сумму 45 млрд долл., или более 1,5 трлн руб.). Самое главное — разрушены основы крупного сельскохозяйственного производства.

Никто уже не возражает против рыночной экономики, предпринимательства и агробизнеса. Однако возврат к натуральному хозяйству с использованием сохи и лопаты — нонсенс для XXI века. Вместо мало-

⁸ Пешехонов В.А. Государство и экономика. — СПб: Изд-во СПбГУ. 1998.

мощного фермера и частника должны прийти крупные высокомеханизированные хозяйства с кадрами, «заточенными» на реализацию своих экономических интересов. Нужна научно обоснованная парадигма подъема и развития сельского хозяйства, с широким использованием преимуществ государственного регулирования, межхозяйственной кооперации, специализации и концентрации производства, форм государственно-частного партнерства.

В России на каждом этапе развития модели управления формировались в зависимости от личности, приходящей к власти. Однако аграрный вопрос и устроенность крестьянской жизни никогда не были доведены до исполнения замысла. Тому есть множество субъективных и объективных причин, что является предметом отдельного исследования. Как отмечал Л. Абалкин, «к сожалению, в политических и общественных дискуссиях, в научном сообществе и в средствах массовой информации упор делается на решение текущих вопросов»⁹. Несомненно, такой подход лишает исторической памяти и, соответственно, не позволяет выйти из тупиков, в которые заводят многие политические и хозяйственные решения.

Завершая изложение поставленной темы, необходимо сделать следующие выводы.

1. Эволюционный подход в исследовании формирования модели управления сельским миром показал, что в современном российском аграрном секторе накопился ряд весьма существенных проблем, которые имеют давнюю историю по своей глубине и сложности, чтобы их решить, нужна продуманная долгосрочная стратегия. Вряд ли можно предложить новую теоретическую концепцию управления без научно-практического исследования всей истории российского крестьянства, его ценностей, без комплексного анализа экономических, управленческих, социальных, культурных, политических источников его развития.

2. Революционный переход к более прогрессивным рыночным отношениям с несоизмеримой свободой экономических субъектов привел не к быстрому подъему экономики, как предполагалось ее реформаторами в начале реформ, а к крупномасштабному спаду, переходящему в системный кризис.

3. В связи с этим анализ эволюционных причин трансформационного кризиса представляется чрезвычайно перспективным, поскольку предполагает более глубокое постижение механизмов экономической эволюции вообще и поиска методологических предпосылок преодоления этого кризиса в практическом реформировании. Поэтому эволюционно-институциональный подход, по нашему убеждению, является

⁹ Абалкин Л. Аграрная трагедия России // Вопросы экономики, № 9, 2009.

одним из наиболее действенных способов научного исследования как с точки зрения объяснения явлений трансформационного кризиса, так и в плане методологии поиска путей его преодоления и формирования эффективной рыночной аграрной экономики.

Список использованной литературы:

1. *Абалкин Л.* Аграрная трагедия России // Вопросы экономики. 2009. №9.
2. *Зоидов К.Х.* Экономическая эволюция и эволюционная экономика. — М., 2003.
3. *Ключевский В.В.* Сочинения: в 9 т. — М., 1989. Т. 4. — С. 287.
4. *Ленин В.И.* Развитие капитализма в России // Полн. собр. соч. — М., 1979. Т. 3. С. 5.
5. *Никонов А.А.* Спираль многовековой драмы: аграрная наука и политика России (XVIII–XX вв.). — М., 1995.
6. *Столыпин П.А.* Полное собрание речей в Государственной думе и Государственном совете. — М., 1991.
7. *Шумпетер Й.* Теория экономического развития. — М., 1982; Эволюционная экономика и «мэйнстрим». — М., 2000.

Александр ШИПИЛОВ

ЕСТЬ ЛИ ПРИЗНАКИ АМЕРИКАНО-ИРАНСКОГО ПОТЕПЛЕНИЯ?

Официальная интерпретация истории Персии 1883–1925 годов
в контексте современного ирано-американского сближения

Отношения Ирана с Западным миром во все времена складывались непросто. В конце 1980-х годов, в условиях необходимости восстановления страны после войны с Ираком и ухода из жизни имама Хомейни, однозначно антизападная позиция руководства страны, сформировавшаяся после революции, уступила место более прагматичному подходу, выражавшемуся в политике президентов Рафсанджани и Хатами. Поскольку стране было необходимо выйти из международной изоляции для нормального экономического развития, президенты, правившие в период с 1989 по 2005 год, продемонстрировали готовность реформировать иранское государство и экономическую систему¹. Тем не менее дружественные шаги, предпринятые иранским правительством, остались без ответа. В середине 2000-х годов во внешней политике США возобладал курс на активное и одностороннее вмешательство в дела ближневосточных государств с целью «экспорта демократии». В данной ситуации Иран воспринимался неоконсервативным американским руководством как часть «оси зла», недемократическое государство-спонсор терроризма, режим которого необходимо свергнуть. Поэтому возврат к прежней, жестко антиамериканской и антиизраильской риторике и политике, произошедший с приходом к власти президента Ахмадинежада, был обусловлен внешней конъюнктурой и поддерживался духовным лидером Ирана аятоллой Хаменеи.

С приходом к власти Роухани ситуация изменилась, и международное экспертное сообщество заговорило о возможном потеплении. Первым признаком такового, по мнению ряда исследователей, мог бы стать пересмотр официальной иранской наукой некоторых подходов к национальной исто-

¹ *Karber Ph. Fear and Faith in Paradise: Exploring Conflict and Religion in the Middle East.* — P. 248.

рии. А именно к той ее части, которая касается взаимоотношений Ирана с западными странами, и в первую очередь с Соединенными Штатами.

Начать здесь следует с того, что разные группы иранской политической элиты по-разному трактуют некоторые исторические эпизоды. Сторонники «консервативного блока», отстаивающего последовательное применение учения имама Хомейни в политике, с одной стороны, и более прагматично ориентированные члены «реформистской» группировки, которые занимают отличающиеся позиции по данному вопросу², — с другой. Однако ключевую роль в определении политического курса страны и отношений с США играет рахбар (верховный лидер) аятолла Хаменеи, и, учитывая специфику государственного устройства Исламской Республики, существенные перемены в государственной идеологии не могут иметь места без его одобрения. Поэтому позиция, выражаемая им, в частности, по вопросам истории страны, в значительной степени является доминирующей в рамках общеиранского дискурса. Так что при анализе официальной трактовки истории Ирана XX века следует ориентироваться не только на официальные документы и позицию представителей «консерваторов» и «реформистов», но и заявления рахбара.

В отношении персидской истории конца XIX — начала XX века, относящейся к периоду позднего правления династии Каджаров, официальная позиция Исламской Республики остается двойственной. С одной стороны, в официальных документах республики, в частности, в Конституции ИРИ, а также в выступлениях аятоллы Хаменеи дается крайне негативная оценка иностранному вмешательству в персидскую экономическую и политическую жизнь^{3,4}. Вооруженная экспансия Османской, Российской и Британской империй в XIX в., приведшая к утрате Персией значительной части территорий на Кавказе, в Средней Азии, Афганистане, Персидском заливе и Ираке, расценивается последователями Хомейни так же негативно, как и сторонниками либеральных, националистических и левых иранских движений, игравших заметную роль в политической жизни страны в XX веке^{5,6,7}. Критике

² *Rakel E.P. Power, Islam, and Political Elite in Iran: A Study on the Iranian Political Elite from Khomeini to Ahmadinejad. International Comparative Social Studies, Volume 18; Leiden, NLD: Brill, 2009. — PP. 40–43. — URL: <http://www.site.ebrary.com/lib/hseLibrary/Doc?id=10461356&ppg=3>*

³ *Iran Chamber Society: The Constitution of Islamic Republic of Iran. — URL: <http://www.iranchamber.com/government/constitutions/constitution.php>*

⁴ *The Office of the Supreme Leader, Sayyid Ali Khamenei. — URL: <http://www.leader.ir/langs/en/index.php?p=contentShow&id=10574>*

⁵ *Institute for Iranian Contemporary Historical Studies. — URL: <http://www.iichs.org/>*

⁶ *Iran Chamber Society: The Constitution of Islamic Republic of Iran. — URL: <http://www.iranchamber.com/government/constitutions/constitution.php>*

⁷ *The Office of the Supreme Leader, Sayyid Ali Khamenei. — URL: <http://www.leader.ir/langs/en/index.php?p=contentShow&id=10574>*

подвергается присутствие в стране вооруженных формирований, лояльных и подконтрольных иностранным державам (Персидская казачья бригада, South Persia rifles), а также раздел ее на сферы влияния по русско-британскому соглашению 1907 года. Такая же позиция относится и к экономическому присутствию российского и британского капитала в Персии в конце XIX — начале XX века, получившего, в частности, концессии на строительство железных дорог, торговлю табаком и добычу нефти. Современная официальная иранская идеология также крайне негативно оценивает находящуюся в этот период у власти династию Каджаров, допустившую полукOLONиальную зависимость Персии от внешних сил и своим образом жизни способствовавшую попаданию страны в долговую зависимость от иностранцев. При этом, в отличие от других антиколониалистских движений, сторонники Хомейни считают одной из причин слабости Персии в этот период отход от традиционных исламских ценностей.

Современная иранская официальная историография дает положительную характеристику массовому протесту 1892 года, связанному с вступлением в силу табачной концессии и возглавленному шиитским духовенством. Наибольшая роль в успехе протеста, объединившего торговцев и духовенство, приписывается Мирзе Мохаммаду Хасану Хусейни Ширази, издавшему в 1891 году фетву, запрещающую использование табака (что, в конечном счете, привело к отмене концессии)⁸. Так, аятолла Хаменеи в своей речи на открытии конференции «Исламское пробуждение и духовенство» 24 апреля 2013 года так охарактеризовал роль исламских религиозных деятелей в борьбе с колониализмом: «Наиболее ранние волны движения сопротивления в странах этого региона, начавшиеся сразу же после появления здесь агентов колониализма, в основном были религиозными и возглавлялись духовенством. Имена таких выдающихся лидеров и личностей, как Саид Джамаль ад-Дин, Мохаммад Абду, Мирза-э-Ширази, Ахунд-э Хорасани, Махмуд аль-Хасан, Мохаммад Али, Шейх Фазолла Хадж Ага Нурулла, Абул аль-Маудуди и десятки известных, великих борцов и влиятельных представителей духовенства из Ирана, Египта, Индии и Ирака — навсегда останутся в исторической памяти»⁹. Таким образом, современная официальная иранская трактовка истории делает акцент на ведущей роли мусульманских деятелей в противостоянии внешнему вмешательству и шахскому режиму.

Поэтому хомейнистская идеология крайне скептически оценивает конституционалистское движение, начавшееся с восстания в Гиляне и

⁸ Institute for Iranian Contemporary Historical Studies. — URL: <http://www.iichs.org>

⁹ The Office of the Supreme Leader, Sayyid Ali Khamenei. — URL: <http://www.leader.ir/langs/en/index.php?p=contentShow&id=10574>

вылившееся в революцию 1906 года. Причиной провала этого движения официальная иранская идеология, нашедшая отражение в преамбуле к конституции, также называет отход от исламских ценностей и опору на светские западные модели политической организации. Поэтому, в отличие от сторонников светского развития страны, нынешнее руководство республики не воспринимает революционные процессы начала XX века в качестве положительного явления истории Ирана. Более того, в современном Иране имеет место героизация Шейха Фазол-лы Нури, одного из духовных лидеров революции 1906 года, разорвавшего связи со своими соратниками-конституционалистами и казненного ими в 1909 году^{10,11,12}. Согласно иранской государственной идеологии Нури, ученик Ширази, пошел на разрыв с соратниками по борьбе с деспотизмом из-за отклонения конституционного движения от исламских принципов и продвижения западной модели общественно-политического устройства, чуждого иранскому народу. Поэтому он считается мучеником и особенно почитается в наиболее консервативной части иранского общества и руководства. Нури и его сторонники противопоставляются светским конституционалистам, отдалившимся от ислама и обреченным на поражение.

«Прогрессивная» же часть руководства ИРИ, представленная президентами Рафсанджани и Хатами, в целом разделяя основные положения официальной иранской трактовки, демонстрирует готовность трансформировать ее в более приемлемую для Соединенных Штатов сторону. В частности, представители этой группы упоминают о положительной динамике ирано-американских отношений до Второй мировой войны. Так, указывается на неучастие США в экономической эксплуатации Персии в 1870–1920-е годы (в отличие от Великобритании и России) и невмешательство во внутренние дела этого средневосточного государства. Кроме того, «прагматиками» в целом положительно оценивается американская поддержка конституционалистов (после русско-британского договора, прекращения английской помощи сторонникам ограничения власти шахов и последовавшего в 1908 году разгона парламента)¹³. Помимо прочего, упоминается миссия американского адвоката Моргана Шустера, нанятого персидским конституционалистским правительством для упорядочения финансовой системы страны и снижения долговой нагрузки и изгнанного из страны по российской инициативе. Однако наиболее яркий пример готов-

¹⁰ Institute for Iranian Contemporary Historical Studies. — URL: <http://www.iichs.org>

¹¹ Islamic Revolution Document Center. — URL: <http://www.irdc.ir/en/>

¹² The Office of the Supreme Leader, Sayyid Ali Khamenei. — URL: <http://www.leader.ir/langs/en/index.php?p=contentShow&id=10574>

¹³ Institute for Iranian Contemporary Historical Studies. — URL: <http://www.iichs.org>

ности иранских «реформаторов» пойти навстречу Соединенным Штатам — героизация Говарда Баскервилля. Этот американский преподаватель в пресвитерианской миссии в Тебризе организовал ополчение в поддержку конституционалистов и погиб в 1909 году. Консервативно настроенные члены иранского руководства, равно как и рахбар, не придают этому эпизоду вооруженной борьбы между монархистами и конституционалистами существенного значения, способного положительно повлиять на современные ирано-американские связи¹⁴. Тем более что отношение нынешнего руководства страны к конституционалистскому движению начала XX века крайне неоднозначное, а за дальнейшую историю у США и ИРИ накопилось достаточно поводов для взаимного недоверия. Однако это не помешало тогдашнему президенту Мохаммаду Хатами открыть в 2005 году бюст Говарду Баскервиллю в Доме Конституции в Тебризе¹⁵. Это может свидетельствовать о готовности части иранского руководства изменить акценты в интерпретации истории страны таким образом, чтобы это способствовало наметившемуся сближению с США.

Однако в целом подобная позиция не подразумевает коренного пересмотра официальной трактовки исторических событий прошлого века, сформировавшейся после революции 1979 года. Кроме того, ортодоксальные сторонники Хомейни по-прежнему сохраняют большое влияние на политическую жизнь Исламской Республики, что мешает радикально изменить всю парадигму государственной идеологии. Традиционный взгляд на США и Запад как на источник внешней угрозы закреплён в основополагающих государственных документах. Аятолла Хаменеи в своих, в том числе недавних, выступлениях также демонстрирует приверженность той трактовке иранской истории, которая возникла и укрепилась на официальном уровне после победы Исламской революции. Поэтому возможности и желание руководства ИРИ пересмотреть собственную интерпретацию истории ради дальнейшего сближения с Соединенными Штатами представляются крайне ограниченными. Так что новое политическое руководство страны, возглавленное президентом Роухани, вряд ли сможет создать прочную идеологическую базу для более тесного сотрудничества с государством, ранее представлявшим наибольшую угрозу существованию республики. Это, помимо прочих экономических и политических трудностей в отношениях между странами, может стать еще одним тормозящим фактором начавшегося диалога, что, однако, не означает его полной бесперспективности.

¹⁴ The Office of the Supreme Leader, Sayyid Ali Khamenei. — URL: <http://www.leader.ir/langs/en/index.php?p=contentShow&id=10574>

¹⁵ Karber Ph. Fear and Faith in Paradise: Exploring Conflict and Religion in the Middle East. — P. 248.

Итак, начальный период персидско-американских отношений — конец XIX — начало XX века, несет в себе больше возможностей для историко-идеологического обоснования современного американо-иранского сближения. В этот период Соединенные Штаты отказывались от собственного вмешательства во внутренние дела Персии, а также препятствовали вмешательству прочих великих держав. Этот позитивный опыт связей используется прагматиками и реформистами внутри иранского руководства для обоснования более лояльной в отношении Запада внешней политики. С приходом к власти в стране Хасана Роухани, представителя блока прагматиков, этот вектор в официальной интерпретации истории государства, скорее всего, усилится. Однако традиционная оценка со стороны консервативного исламского духовенства даже этого опыта взаимодействия с США остается негативной, поскольку поддерживаемое ими конституционалистское и реформистское движение считается противоречащим нормам ислама. Эта концепция сегодня доминирует в консервативных кругах, временно утративших часть влияния. Однако трактовка персидской истории данного периода в значительно большей степени соответствует идеологическим основам ИРИ, чем вариант реформаторов. Поэтому она ближе высшему духовенству, возглавляющему страну, прежде всего, рахбару Али Хаменеи. Так что даже к период президентства Роухани историко-идеологическое обоснование иранской политики, очевидно, останется прежним. То есть, другими словами, о серьезном сближении Ирана с Соединенными Штатами, которого так боятся многие отечественные эксперты, речи пока не идет.

СОЦИАЛЬНЫЕ ИЛЛЮЗИИ

В обсуждении принимают участие доктор философских наук, профессор, академик РАО Л.П. Буева, доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии РАН И.В. Егорова.

Ведет «круглый стол» доктор философских наук, профессор П.С. Гуревич.

Гуревич П. В разгар Французской революции Пьер Робеспьер произнес речь, обращенную к тем, кто будет жить в совершенном, идеальном обществе: «О, потомки, сладкая и нежная надежда человечества, вы не посторонние для нас, это для вас мы храбро сокрушили тиранию; ваша надежда — вот цена нашей мучительной борьбы: будучи совершенно обескураженными окружающими нас обстоятельствами, мы чувствовали необходимость в вашем утешении; это вам мы вверили задачу завершения наших трудов и судьбу всех нерожденных поколений человечества!.. Поторопитесь же, о, потомки, приблизить наступление часа равенства, справедливости, счастья!»

Нам уже известно, чем обернулось это обращение к потомкам. Равенство, справедливость и счастье людей все еще остаются недостижимым идеалом. Борьба с деспотизмом привела к новым формам тирании. Мечта о равенстве утонула в гигантском социальном расслоении. Новая сословность стала общественной реальностью. Мыслители минувшего столетия стали думать о бесплодности загубленных жертв. Иные из них уверовали в то, что не человек делает историю, а история творит человека. Не человек надеется и верит в будущее, но будущее судит и решает, насколько состоятельна его вера.

Философия истории стремится дать развернутую картину мира, раскрыть закономерности исторического процесса, поставить социальную философию на научную почву. Однако на проверку оказывается, что в истории господствуют общественные иллюзии. Они все дальше уводят нерожденные поколения от часа равенства, справедливости и счастья.

Вот вопросы, которые хотелось бы обсудить:

1. Какова роль социальных иллюзий в истории?
2. Возможно ли овладение тайнами общественной динамики, которые избавят людей от бесплодных усилий?
3. Каковы социальные иллюзии наших дней?

Какова роль социальных иллюзий в истории?

Буева Л. Прежде всего, мне кажется важным не просто инвентаризировать социальные иллюзии, а по крайней мере попытаться каким-то образом классифицировать их. При первом приближении мне представляется возможным провести различие между иллюзиями авторитарного и свободного мира. Социальные мифы нередко рисуют картины счастливого будущего, в котором все трудности и противоречия общественной истории получают разрешение. Другие мифы, напротив, одушевлены идеей слаженного, несвободного общества, внутри которого своеволие и счастье человека не имеют никакой значимой ценности. Предполагается такой идеал социума, в котором царит порядок и даже единомыслие.

Егорова И. Давно известно, что каждая новая общественная доктрина, претендующая на успешную реализацию своих установлений, объявляет иллюзией все предшествующие модели социального переустройства. Однако проходит время и оказывается, что люди опять поверили в очередную химеру. Возьмем близкие нам примеры. Работа Эриха Фромма называлась «Избавление от иллюзий». Он критически анализировал слова Маркса о том, что отказ от иллюзий о своем положении есть требование отказа от такого положения, которое нуждается в иллюзиях. Речь, стало быть, шла о таком общественно-экономическом укладе, который настолько отлажен и прозрачен, что потребности в социальных грезах отсутствуют. И Маркс, и Фрейд, как считал Фромм, хотели освободить индивида от оков иллюзий, чтобы он мог действовать как свободный человек. Маркс представлял себе общество как сложную структуру с разнонаправленными, но все же доступными анализу силами. Он рассчитывал на то, что знание этих сил позволит понять прошлое и предвидеть (по крайней мере, в некоторой степени) будущее. Речь, разумеется, шла не о предвосхищении конкретных событий, которые обязательно произойдут. Скорее предполагался набор ограниченных альтернатив, между которыми человеку придется выбирать. Маркс был радикальным сторонником революционной теории. Он свято верил в то, что человек может таким путем прорвать оковы иллюзии.

Гуревич П. Сам Фромм старался уйти от репутации утописта. Он писал о том, что ни жизнь, ни история не имеют окончательного смысла, который придает смысл жизни индивида или оправдывает его страдание. Однако людям свойственно искать «абсолют», который дает ему иллюзию определенности и освобождает от конфликтов, сомнений и ответственности. Но никто не спасет человека и не вынесет ему приговор. Только сам человек, размышляя Фромм, способен найти цель в жизни и средства для реализации этой цели. Он не может обрести окончательное спасение, но может стремиться к такой степени интенсивности, глубины и ясности опыта, который даст ему силу, чтобы обрести силу жить без иллюзий и быть свободным. Через несколько десятилетий после смерти Фромма эта гуманистическая перспектива, несмотря на всю ее пленительность, тоже оказалась иллюзией.

Буева Л. Бесспорно, колоссальный размах дегуманизации мира, разочарование в самом человеке как носителе разумности и морали свидетельствуют о том, что утопия Фромма нереализуема. Люди не добиваются глубины и ясно-

сти собственного социального опыта. Напротив, в условиях потребительского общества широкие массы отказываются от ответственных и самостоятельных решений. Мир подвис на волоске. Политики и исследователи отказываются от уроков истории, усиленно манипулируют массами, побуждая их к верноподданничеству, к послушанию, к преданности власти. В нашу эпоху массового порядка, техники, экономики духу вместе с человеческим бытием грозит разрушение в своей основе. Подобно тому, как государство в качестве союзника человека может быть парализовано, так может быть парализован и дух, если он живет уже не истинной жизнью из собственных истоков, в конечной целесообразности, а жизнью в конечной целесообразности, фальсифицированной для службы мысли.

Егорова И. И все-таки, я полагаю, Фромм прав. Попробуем представить, что человечество у самых своих истоков избавилось бы от социальных иллюзий и проложило бы верную магистраль для истории. Кто же мог бы гарантировать ход истории? Предположим, люди приняли наличное социальное устройство как окончательное, Богом данное, и полагали бы, что такое умонастроение освобождает их от иллюзий. История непременно бы оказалась в тупике, а человечество под угрозой гибели. Думаю, что говорить только о вреде иллюзий непродуктивно. Не исключено, что человечество страдает не от социальных иллюзий, а от их малочисленности. В социальной философии исчезло понятие «социологическое воображение», о котором в свое время писал американский социолог Райт Миллс. Беда в том, что тема утопизма за последние десятилетия вообще исчезла из философского обихода. Зачем вообще заниматься утопиями в эпоху информационного диктата, новейших технологий и господства рациональности? Современный мир успешно вытеснил утопию со всеми ее атрибутами на периферию. И это можно считать, судя по всему, опасной социальной иллюзией, в основе которой неоправданная вера в безоговорочную репутацию наличной социальной теории.

Гуревич П. Разумеется, никто не обладает окончательной социальной теорией. Упоение технократизмом завершилось. Мало кто верит сегодня в возможность идеального отлаживания общественных процессов на основе технической экспертизы. Однако эта экспертиза полностью вытеснила всякое разумное прожекторство. Разумеется, критические расчеты с разными социальными иллюзиями — есть, судя по всему, процесс зрелости общественной мысли. Хорошо бы так. Но им вредят новые грезы, представленные в качестве эталона лишь потому, что они расправились с прежними иллюзиями. Отвергая утопии, социальные мыслители зачастую не успевают вылущить из них рациональное зерно. Поэтому один и тот же миф «идеального государства» снова и снова маячит на горизонте. Но где сегодня искать источник социальных конструкций? Предлагаю обратить внимание на своеобразную тенденцию социальной философии, которая советует для этой цели обратиться в поисках модели социального устройства к природному царству. Так, энтомологи с огромным энтузиазмом пишут о цивилизации термитов. Уклад белых муравьев сложился за сто миллионов лет до появления человека на нашей планете. Эта древнейшая из известных цивилизация, полагают некоторые социальные мыслители, самая интересная, самая сложная, самая разумная и, в определенном смысле, самая логичная и лучше всего приспособленная к

трудностям коллективного существования. Она появилась задолго до человеческой цивилизации. Исследователи пишут, что, несмотря на жестокость, мрачность и даже омерзительность, такой жизненный уклад стоит выше цивилизации пчел, муравьев и самого человека.

Буева Л. Я знакома с некоторыми работами на эту тему. Авторы бросают колкие реплики прежним утопистам, которые ищут социальный идеал на границах, где угасает воображение. А в это время, мол, у нас под носом существуют цивилизации, хотя и фантастические, но весьма, по их мнению, продуктивные. Они даже заявляют, что люди могут столкнуться с таким социальным укладом где-нибудь на Марсе, Венере или Юпитере. Мысль исследователей сводится примерно к такому суждению: если природа не дала живому существу особых преимуществ в процессе выживания, то есть шанс восполнить свою незащищенность удачной формой социальной организации. У термитов, к примеру, нет жала, как у пчелы, нет отличной хитиновой брони муравья. Между прочим, он самый безжалостный враг термитов. У него нет крыльев, а если есть у некоторых особей, то очень слабые, позволяющие «долететь» лишь до гекатомбы. Термит неповоротлив, не может спастись бегством. Все жаждут его сочной плоти — птицы, рептилии, насекомые. В чем-то его ситуация сходна с человеческой. Ведь природа по отношению к человеку тоже проявила несправедливость, многим обделила его. Термиты, как и люди, обладают лишь одним преимуществом они имеют разум.

Егорова И. Надо полагать, это новость. До сих пор разум считался достоянием только человека. Но за последние годы все чаще стали говорить о многообразии самой разумности. В частности, историки, изучая конкретные эпохи и культуры, пришли сначала к выводу о разных ментальных навыках, присущих народам. Однако при этом никто не оспаривал непреложность и единство разума как уникального достояния людей. Теперь же толкуют о том, что европейцу вообще трудно понять разумность, скажем, японцев. Это не просто другой менталитет, но даже источник умственных операций иной, не тот, что вызвал к жизни европейскую цивилизацию. Карл Юнг в свое время отмечал, что туземцы считают американцев глупыми, поскольку те говорят, будто мыслят головой. На самом деле аборигены утверждали, что мысль рождается в сердце. В те годы это считалось этнографической подробностью, не более. Но, может быть, действительно пора вникнуть в суть этой проблемы.

Гуревич П. Исследователи подчеркивают, что нет ничего более поразительного и фантастического, чем архитектура жилищ, которые строят термиты. Причем она меняется в зависимости от территории, местных условий и даже имеющихся материалов. Маркс считал, что любое животное может реализовать только ту программу, которая записана в инстинкте. Но гений термитов способен творить при любых обстоятельствах. Если сравнить сооружения этих особей с человеческим масштабом, то окажется, что таких гигантских зданий люди никогда не строили. Их агломерации издалека кажутся огромным городом. Но вот что поразительно. Морис Метерлинк в свое время описал улей как пример идеальной социальной организации. В улье есть рабочие пчелы, расплод, трутни и матка. В термитнике же царит удивительный полиморфизм. В улье правит бал полный матриархат. В термитнике же «придуманно» добровольное оскопление. Там есть две касты рабочих, солдаты.

Можно условно назвать такое общежитие коммунистическим, экологически чистым — как угодно.

Буева Л. Не знаю, правомерно ли это называть разумом. Можно, очевидно, подобрать другие слова — созидательная сила, гений вида или природы. Но я читала, будто эти термиты изобрели оружие, непобедимое для своих врагов. Мне в этих исследованиях интересна одна подробность. Человек сумел обрести силу с помощью внешних орудий. Термиты же выковали оружие в собственном теле, извлекли его из самих себя. С этой точки зрения вспоминаю концепцию американского социолога Льюиса Мамфорда, который считал, что люди упустили реальную возможность создать биологическую цивилизацию. Они предпочли камень, порох, пилу. На это у людей ушли долгие тысячелетия страха и горя.

Егорова И. Хорошо, термитники представляют собой сложную социальную организацию. Но в нашей теме нам интересно, кто же правит в термитнике. На самом деле, кто отдает приказы, предвидит грядущее, строит далекодействующие планы, восстанавливает утраченное равновесие, ведет разнохарактерную управленческую деятельность? Наконец, кому принадлежит право осудить на смерть других особей? Такие общественные функции вряд ли коренятся в инстинкте. Может быть, здесь можно фиксировать своеобразное преодоление инстинкта, простейшие формы разумности.

Гуревич П. Парадокс в том, что в термитнике власть принадлежит не царям и не воинам. Подлинными хозяевами этой формы социальной жизни оказывается «толпа». Мудрые особи и воины отстранены от управления. Для сравнения — в человеческой истории не было такой демократической республики. Термитник при такой организации может простоять целые столетия. В истории человечества демократия постоянно «перерождается» либо в тиранию, либо во власть хаоса. Об этом писали уже античные философы. Но Платон, как известно, полагал, что власть должна принадлежать мыслителям, а воины должны лишь охранять власть. Мы начали наше обсуждение с неожиданного ракурса — обратились к природному царству. Пожалуй, просто для «раскачки мысли». Социальные философы убеждены в том, что самые идеальные формы общественной организации созданы людьми, обладающими разумом. Но природа раскрывает перед нами самые невероятные способы социальной жизнедеятельности. Лишь за последние десятилетия исследователи обратились к этому невероятному арсеналу возможного коллективного бытия.

Буева Л. Об утопиях и антиутопиях написано много. В самом начале мы говорили о двух вариантах социального мифа. В одном случае на память приходит множество социальных проектов, направленных, как и у термитов, на сохранение социальной организации порой в ущерб интересам и страстям самих живых существ. Иные из них согласны даже на добровольное скопчество. Но можем ли мы назвать социальные иллюзии, которые предоставляют преимущественное право не социуму, а людям, индивидам, которые хотят свободы и собственного счастья? Иначе говоря, есть ли утопии, в которых царствует благополучие людей, а не социальных институтов?

Егорова И. Пожалуй, придется еще раз назвать имя Эриха Фромма. Именно ему принадлежит утопический манифест «радикального гуманизма».

Исходный пункт рассуждений Фромма: социально-экономическая реальность позднего капитализма в основе своей патогенна. Она постоянно порождает большое общество и большую личность. Чтобы исцелиться, нужно избавиться от утешительных иллюзий, завещанных современному западному человеку предшествующими поколениями. Если на заре индустриализма «земной град Прогресса», который покоился на трех китах: материальном изобилии, абсолютной свободе и ненормированном счастье, стал новой надеждой человечества, заменившей средневековый идеал «Града Божьего», то ныне всем очевидно, что индустриальная эра, как и постиндустриальная, не выполнила своего великого обетования.

Гуревич П. Эти идеалы реализовались, но в крайне урезанном и искаженном варианте. Экономическое процветание укоренилось только в богатых странах. Сложился мучительный контраст между благосостоянием разных народов. Люди Запада стали жить в условиях демократии, но она не обеспечивает им личной независимости. Народовластие реализуется сегодня в крайне причудливых, зачастую призрачных формах. Индивиды в наши дни оказались винтиками бюрократической машины. Масштабы манипулирования выявились как непредвиденные. Власть, бизнес, массовая коммуникация стали определять мысли и вкусы людей. Но даже в тех странах, которые добились изобилия, особую остроту обрел вопрос: почему неограниченное удовлетворение желаний не ведет ни к благополучию, ни к счастью, ни даже к максимальному удовлетворению. Подверглось неслыханной опасности психологическое здоровье так называемых благополучных стран. Рост шизофренизации населения, психотизация людей обнаружили изнанку общественно-го изобилия. Не стала благом и избыточность во всем — в производстве и потреблении товаров, в рекламе, человеческих затратах, политических играх. Прогресс информационных технологий обострил множество экзистенциальных проблем — одиночества, тоски, смерти, смысла жизни.

Буева Л. Полагаю, что мысли Фромма сохраняют свою злободневность, но в то же время идея построения «здорового общества, создаваемого по меркам человека, обнаружила в социальной практике множество глубоких противоречий. Идея неотъемлемых прав человека во многом спровоцировала массовое противостояние реальным общественным потребностям. Право стало во многом прислужницей власти. Подверглась деструкции этика труда. В связи с недавним пушкинским юбилеем исследователи комментировали строчку поэта: «не пропадет ваш скорбный труд». Они отмечали святость всякого труда, личного и общественного, подчеркивали значимость аксессуаров вольных каменщиков — молотка, лопаточки, чертежной доски. В минувшем столетии Карл Ясперс обратил внимание на всеобщую девальвацию труда. Эта деградация, показывал он, равнозначна утрате воли к деятельности. Но самобытие человека возможно лишь в напряжении труда. Однако современный человек мечтает о благосостоянии, которое дается не раскрытием самобытия, а случайной удачей, лотерейным шансом. Массы отстаивают свое право на изобилие, но не задумываются над тем, что дорога к манне небесной требует напряжения.

Егорова И. Проповедь аскетизма в потребительском обществе не находит приверженцев. Между тем Фромм опирается на библейские тексты, чтобы

освободить людей от пут собственности и обладания. В его толковании пустыня, странствия по ней — один из ключевых библейских символов отказа от нефункциональной собственности, от недвижимого имущества. Он создает образ раскованной неприобретательской жизни. Опресноки, хлеб, замешанный на скорую руку, — знак опрощенного кочевого существования. Библейская скиния — своего рода походная палатка Бога. Фромм творит прообраз «мессианской эры», когда стяжание потеряет смысл и целью жизни становится развертывание сущностных сил человека. В Новом Завете, размышляет Фромм, ссылаясь на искушение Христа в пустыне, Нагорную проповедь и другие евангельские эпизоды, звучит еще более радикальный призыв к нестяжанию, к отказу от соблазна власти, направленному к предпосылкам подлинного бытия.

Гуревич П. В том же духе Фромм толкует идеи немецкого мистика Мейстера Экхарта о духовной нищете и отрешенности, отказе от желаний и «самоопустошения», вплоть до отказа от субъективно-страстной любви к Богу. В интерпретации Фромма Мейстер Экхарт учит свободе не от тех или иных предметов вожделения, а от самой установки на обладание. Вожделенным и, следовательно, сковывающим человека может стать все, что угодно, — от утвари до веры и добрых дел. Реально только бытие, дух, обитающий в нас и движущий нами. Дела же и помыслы, отделенные от нашей динамической сердцевины, лишены реальности. Так выглядит миф о возможном счастливом социуме.

Буева Л. Западный мир славит правовое общество. Но в юридической практике все еще царит бесправие. Абсолютизация права, несовместимого зачастую с ценностными ориентациями людей, сама по себе деструктивна. Она противоречит, как правило, обыденному житейскому сознанию. Легко повторять «вор должен сидеть в тюрьме», но на практике ворюга находит признание и почет. Право, которое не имеет опоры в нравственном сознании, не позволяет потеснить коррупцию. Настаивая на собственном праве, многие граждане отказываются защищать собственную страну, совершать подвиги во славу отчизны, увильнуть от ответственности за свои деяния.

Егорова И. Фромм выступал в качестве глашатая свободы. Но он знал, что многие люди бегут от свободы, от которой они устали. Свобода вовсе не является вожделенной. Стало очевидным, что авторитарный диктат, тоталитаристские тенденции неожиданным образом проступают именно внутри демократии, которая на протяжении многих столетий рассматривалась как надежный оплот человеческой независимости и автономности. Сверхдержавы, пользуясь демократической риторикой, стали усиленно навязывать свою волю другим народам, устанавливать порядки, чуждые не только культурным традициям, но даже и интересам отдельных регионов. Повсеместно проявил себя феномен управляемой демократии, создавший иллюзии народного волеизъявления. Оправдались давние предостережения пронциательных европейских мыслителей о тирании большинства, охлократической опасности, исторической ограниченности демократии как политического режима.

Гуревич П. Крайне любопытно, что и благонамеренные философы, и социальные критики, создавая проект «идеального государства», все равно приближаются к идеалу «Левиафана» Томаса Гоббса. Этот мыслитель считал, что

мир представляет собой совокупность тел, которые подчинены законам механического движения. Почему и животные, и люди не живут поодиночке? Как известно, ему пришла в голову идея общественного договора. Сначала люди объединялись по крови, по условиям труда. Но в жизни обнаружилось множество мучительных препятствий для сохранения таких объединений, что их защитные возможности истощились. Гоббс считал, что монархический принцип построения государства самый наилучший. Однако в конце своей философской деятельности он пытался обосновать и оправдать и революционные действия как вполне законные.

Буева Л. Но со времен Гоббса образ Левиафана постоянно фигурирует на аукционе человеческой судьбы. Едва ли не каждый век предлагает своих Левиафанов. Арсенал реализации этой иллюзии избыточен: контроль над рождаемостью, социальная инженерия, психоаналитические процедуры, избирательная селекция, ядерное господство, диктат могущественной державы. Запуганные различными утопистами, рисующими картины неслыханного рабства, некоторые социальные философы предлагают ввести в социальный обиход игру как средство, позволяющее снять принудительность социальных правил. Играть в одиночку неинтересно и невыгодно. А вот для коллективного труда этот принцип идеален. Автору известного труда о «человеке играющем» Йохансу Хейзинге мнится, что именно средневековье было «золотым временем» игры. Люди играли во все: в шарлатанство и рыцарство, набожность и ученость, в разумность и глупость, в деловитость и карнавальность. В наши дни, мол, игру загнали в подполье, которое извергает именно по этой причине мятежи и бунты.

Гуревич П. Итак, мы видим, что социальная иллюзия сопровождает всю историю человеческого общества. Это не удивительно, поскольку общественная практика людей направляется не инстинктом, закрепленной биологической программой. Человечество осваивает разные формы социальности методом проб и ошибок. При этом в размышлениях о счастье людей постоянно увязает в грозных утопиях и насильственных режимах. Не зря английский философ Карл Поппер отметил, что путь к идеалу лежит через колючую проволоку. Между тем мы видим, что одна социальная иллюзия другой социальной иллюзии рознь. Есть грезы, которые вызывают общественное воодушевление, духовные порывы, гуманистические надежды. Но есть и такие социальные помышления, которые обладают огромной деструктивной силой, сулят рабство и гибель. Вероятно, позитивная функция социальных иллюзий в том и состоит, чтобы предостеречь людей от повторных исторических кошмаров и ошибок.

Возможно ли овладение тайнами общественной динамики?

Буева Л. Полагаю, что полностью овладеть тайнами общественной динамики невозможно. Формы социальной жизни людей постоянно преобразуются. Познание открывает новые горизонты существования человека. На предыдущем «круглом столе», посвященном урокам истории, мы говорили об историцизме. Попытка подчинить историю универсальным законам, будто бы открытым учеными, получила в социальной философии резкую критику.

Во многом спонтанная жизнь людей не улавливается жесткими законами мышления. Любопытно, что немецкий социолог Карл Манхейм в своем капитальном исследовании «Идеология и утопия» ставит вопрос лишь об обогащении социологии познания, о более адекватном процессе самого размышления об общественной динамике. О том, чтобы преодолеть утопизм, найти более эффективные источники обновленного историцизма, нет и речи в этом труде.

Егорова И. Все же, Людмила Пантелеевна, в этой работе Манхейм пытается показать, как изменились формы утопического сознания в нашу эпоху. Он, в частности, указывает, что угнетенные слои населения начинают играть значительную роль в динамическом становлении всего исторического процесса. Не идеи, считал Манхейм, заставляют людей совершать революционные действия. Он обратил внимание на феномен экстатически-оргастической энергии, которая приводит к социальным взрывам. Хилязм, то есть мечта о счастливом будущем, в современную эпоху, как это ни парадоксально, вообще не сливается с какой-либо конкретной идеологией. Она лишена статуса строгой социальной теории. Для абсолютного переживания хилиаста настоящее, та жизнь, в которую он погружен, оказывается брешью, через которую внутреннее чувство, присущее массам, прорывается во внешний мир и внезапно одним ударом преобразует наличную реальность.

Гуревич П. Эта экспертиза Манхейма весьма поучительна. По первому впечатлению, все современные взрывы вызваны осознанием непреложности интересов того или иного народа. Люди хотят более комфортной, потребительски обеспеченной жизни. Но они склонны не учитывать реального положения вещей, иллюзорности, необеспеченности своих притязаний. В этом случае народы начинают испытывать особый экстаз, некую взвинченность душевных состояний. Хилясту нужна некая точка, откуда он готов в любую минуту совершить прыжок. Так рождается неприкрытая ярость масс и их неодолимое буйство. Бунт, революция, танцы на майдане оказываются не столько средством для достижения поставленной цели, например, добиться мечты властей Украины о включении этой страны в европейский мир. Всякое буйство оценивается как давно грезившийся прорыв в мир. Оно сознательно отрывается от пространства и времени, от реальных, оправданных ориентиров. Так Манхейм оценивает хилиастический вариант социальных иллюзий.

Буева Л. Однако есть еще и либерально-гуманистический вариант социальных иллюзий. «Дурной» реальности она противопоставляет «правильный» рациональный образ. Хиляст разрывает связи с повседневным и историческим бытием. Стихия либерала — не деструкция, а критика. Он не склонен сжигать за собою мосты. Он хочет улучшить мир. Возьмем в качестве примера «Город Солнца» Кампанеллы. О чем это произведение? О том, как гармонизировать частные и общественные интересы в обществе. Главная проблема, которая интересует Кампанеллу, — это соотношение частных и общих интересов в обществе. Другими словами, что важнее — благополучие и спокойствие каждого члена общества в отдельности или все-таки приоритетным оказывается благоденствие всего общества в целом? Государство известного утописта Томаса Кампанеллы образовано не по принципу правления одних над другими, а согласно человеческому разуму, который исключает принуж-

дение и насилие, поэтому в нем не бывает внутренних смут и раздоров. Самое главное то, что в этом государстве его жителям нечего делить между собой, потому что в нем отсутствует частная собственность. Как считал Кампанелла, себялюбие — есть корень всех главных человеческих зол, а этот порок чаще всего проявляется в накоплении собственности. Исключив частную собственность, мы победим эгоизм, утверждал итальянский мечтатель.

Егорова И. О том, какими неожиданными гримасами оборачивается «правильный» рациональный образ мысли, свидетельствует роман Оруэлла «1984». Писатель считал фундаментом нашей эпохи два открытия: производство оружия массового уничтожения и создание науки об управлении сознанием. Феномен «сверхтоталитаризма», явленный в этом романе, страшен и одновременно обладает поразительной притягательностью. Жизнь в этом обществе не сводится к техническим характеристикам. Она имеет претензию на особую духовность. В основе этой идеологии лежит убеждение в неискоренимой порочности человеческой природы. Человек жесток по определению, его одолевают пароксизмы гнева, злобы, зависти. И эти страсти представляют реальную угрозу для общества. Поэтому нужна властная рука, неиссякаемая мощь диктата и насилия. Смысл иллюзии — абсолютный отказ от идеологии братства, равенства и свободы. Ангсоц, описанный в романе, не имеет прецедента. Его нельзя отождествить ни с автократиями древности, ни с тираниями средневековья, ни с тоталитарными режимами минувшего века. Это сверхтоталитарная система. Она не только не прикрывает деспотизм идеологией братства, равенства и свободы, но и утверждает этот деспотизм в открытом и откровенном терроре. В то же время она отменяет самые утопические принципы. Смысл данной утопии в ликвидации всякой утопии.

Гуревич П. Добавлю, что в этом романе раскрыт обманчивый принцип всякой деидеологизации. До того, как эта концепция была сформулирована видными западными социологами, Оруэлл показал, что всякое свободное движение к мысли есть преступление. Вместо идеологии в романе фигурирует инстинктология. От члена партии требуется немного — правильные инстинкты. Действия, наказуемые пытками и смертью, не запрещены законами — в Океании нет законов. Есть лишь физиологические запреты. Такими действиями могут быть взгляд, улыбка, вдох, вскрик или шепот во сне. Увиденные через телескрин или с гелиокоптера, они фиксируются Полицией мысли. «Правомыслящий» автоматически в любой ситуации делает правильное движение. Оно подсказывается ему с детства воспитанными инстинктами. Инстинктология — это финал идеологии, торжество деидеологизации.

Буева Л. Едва ли не вся современная политическая практика основана на двойных стандартах. Эту механику хорошо вскрывает новояз Океании. В Министерстве Истины по мере конъюнктурных изменений в реальности вчерашний день полностью подгоняется под злобу сегодняшнего: цифры, факты, имена, лозунги, события — все. Переписываются газеты, журналы, книги. Это важнейшее условие выживания сверхтоталитаризма. Оно, во-первых, обеспечивает «единство» и, следовательно, непогрешимость вождей, во-вторых, лишает возможности сравнивать настоящее с прошлым тех, кто на первой стадии не отучился от логических операций аналогии и сравнения,

тех, чей «автостоп» дает сбой. Благодаря переписыванию наличная действительность всегда воспринимается как правильная и лучшая.

Егорова И. «Двоемыслие» — это и есть политика двойных стандартов. Сегодня не составит труда объявить бандита патриотом, а патриота — террористом. Цель двоемыслия — перепутать все разумные критерии и полностью подчинить ситуацию своекорыстным интересам. Двоемыслие лежит в самом сердце Англо-американского союза, поскольку главная задача партии — использовать уловку сознания, в то же время сохраняя твердость цели и полную честность. Двоемыслие позволяет остановить ход истории. Ведь прошлые олигархии пали — либо потому, что они были слишком тупы и невежественны, чтобы увидеть свои ошибки и приспособиться к изменениям, либо потому, что были слишком либеральны и терпимы и признавали открыто свои ошибки. Иначе говоря, они пали равно как от своей сознательности, так и от своей несознательности. Политики знают, что война ведется условно и победа в ней невозможна, сильнее всего жаждут военных побед. Это сочетание цинизма и фанатизма создает привычку к лицемерию и там, где в двоемыслии нет никакой необходимости. Иррациональное бесстыдство перевертыша запечатлено в названиях исполнительных органов власти в Океании: Министерство Мира, организующее войну; Министерство Истины, фальсифицирующее информацию; Министерство Любви, ведающее репрессиями, пытками и казнями, и Министерство Изобилия, производящее искусственный голод.

Гуревич П. Одно из неоспоримых свойств социальной иллюзии — способность замещать реальность. Общественная греза прежде считалась отвлечением от действительности. Сегодня она сама претендует на подлинность. Вот, допустим, установка, взятая из романа Оруэлла: «Невежество — это сила». Казалось бы, она противоречит историческому опыту, классическим философским трудам. Вот очевидный парадокс — разрушить образование и науку под лозунгом их укрепления и процветания. Двоемыслие, вообще говоря, — верный путь к безмыслию. Но мы в наши дни убежденно называем «менеджерами новой формации» чиновников, которые вообще не способны руководить. Они умеют только обеспечивать распил денег. Разве это не обозначение новояза? Эффективный менеджер — то есть хапуга и обманщик.

Буева Л. Применительно же к человеческой реальности можно поставить вопрос, который постоянно обсуждается социальными философами. Что важнее для людей — сам социум или интересы отдельного человека? Давно уже укрепилась мысль, что общество обладает универсальной ценностью, более значимой, чем человек. Если исчезнет социум, погибнет сам человек. Опасно, следовательно, исходить из приоритета или интересов индивида. Это, как показывает исторический опыт, приводит к хаосу, власти толпы, охлократии. Следовательно, важно продумать такой идеал социального устройства, при котором соблюдались бы интересы людей, а заодно и их страсти, но существовал бы разумный порядок. «Божественный» Платон, к примеру, более всего остерегался политических смут, духовных волнений. Он мечтал о стабильном и справедливом общественном строе.

Егорова И. Хотела бы сразу отметить, что большая часть социальных иллюзий, накопленных человечеством, касалась идеального социального устройства. Сторонники другой, условно говоря, гуманистической парадиг-

мы критиковали тиранические социумы, сатирически изобличали их порядки. Однако о том, как реализовать человеческий потенциал, фантазий было гораздо меньше. Пожалуй, только в прошлом столетии в работах Николая Бердяева была четко обозначена мысль о том, что личность важнее социума, что именно личности, зачастую неприметным, окольным путем, своей креативной мощью, выстраивают историю.

Гуревич П. Абсолютно нетривиальна у Бердяева и трактовка личности. В отечественной философии принято называть личностью человека, который имеет целый ряд неоспоримых качеств — предельная социализированность, нравственная высота, духовность, свобода. Но как, к примеру, совместить внутреннюю свободу с безусловной социализированностью? Нет ли в этом тезисе скрытого желания видеть в человеке законопослушного субъекта, конформного во всех измерениях? Мыслимо ли соотносить духовный опыт личности лишь с конкретной социальной организацией? Всегда ли свобода обеспечивает нравственную высоту? Но в том-то и дело, что трактовка личности у Бердяева не связана ни с натурализмом, ни с социальностью. Личность же означает независимость от природы и общества, которые дают лишь материю для активной формы жизни. Личность, согласно Н.А. Бердяеву, нельзя отождествлять с душой, это не биологическая или психологическая категория, а этическая и духовная. Свобода как ценность не задана каждому человеку. Напротив, многие люди боятся свободы и добровольно обрекают себя на духовное рабство. Человек как будто бы разочаровался в духовной свободе и готов отказаться от нее во имя силы, которая устроит его жизнь, внутренне и внешне. Человек устал от самого себя, изверился в себе и хочет опереться на сверхчеловеческое, хотя бы это сверхчеловеческое было социальным коллективом. Это было сказано еще в 1931 г., на целое десятилетие раньше, нежели появилась работа Э. Фромма «Бегство от свободы».

Буева Л. Фромм в своих работах не ссылается на Н.А. Бердяева. Но он, словно вслед за русским философом, повторяет: «Люди устали от свободы». Да, многое, по мнению немецко-американского автора, побуждает людей к добровольному отказу от свободы и от самого себя. Но Фромм, к сожалению, толкует свободу в сугубо психологическом аспекте, не выявляя ее онтологический смысл, как это сделано в работах Н.А. Бердяева. Э. Фромм выстраивает идеал «здорового общества», в котором личность получит огромные ресурсы для своего развития. Но возможно ли такое идеальное общество, скроенное по меркам разумности? В постмодернизме такого рода идеи расцениваются как «террор социальности».

Егорова И. Мысль о том, что личность может обрести себя через общество, через социальность, глубоко чужда Н.А. Бердяеву. Он вообще не рассматривает личность как часть общества. Напротив, именно общество можно считать гранью личности, ее социальной стороной. Многие полагают, что личность обогащена общественными связями, предельно социализирована, здраво и ответственно приветствует окружающую действительность. А как же иначе? Тот, кто не может приспособиться к наличной среде, скорее всего, нон-конформист, психопат. Личность не может себе этого позволить. Она социализирована и этим отделена от преступников, бомжей и маргиналов. А если общество предлагает шизореальность? Если социальная жизнь перегружена абсур-

дом? Если всеобщее согласие постыдно? Не всякая социальность, судя по всему, заслуживает поддержки личности.

Гуревич П. Связь между обществом и личностью чаще всего бывает парадоксальной. Нарращивание социальной мощи реализуется как раз за счет измельчания, обесценивания личности. Возмужание личности, в свою очередь, несет опасность обществу, социальной организации, ослабляет ее. Французский философ Жан Бодрийяр показал, что два столетия усиленной социализации человека обернулись очевидной неудачей. Мы становимся очевидцами и участниками феномена, который демонстрирует «истощение и вырождение социальности». Официальная история, считает французский философ, регистрирует лишь одну сторону дела — прогресс социального, оставляя в тени все то, что, будучи для нее пережитками предшествующих культур, остатками варварства, не содействует этому славному движению. Она подводит к мысли, что на сегодняшний день социальное победило полностью и окончательно, что оно принято всеми. В этом, тем не менее, источник взрывных тектонических тенденций.

Буева Л. Николай Бердяев критически относился к тем философским взглядам, в которых принижается роль личности и возвышается фактор социальности. Но это вовсе не означает, что русский мыслитель трактует личность в качестве некоего автономного фантома. Положение личности в бытии трагично. Она вынуждена искать объективации, реализовать себя в чем-то реальном, конкретном. По сути дела, для такого воплощения есть два способа — погружение личности в социальное бытие или приобщение к трансценденции. Но стремление человека войти в русло существующего социального бытия имеет грозные последствия. На путях социальности личность способна утратить свои сущностные силы и впасть в рабство перед обществом.

Егорова И. Насколько я помню, Бердяев полемизирует с основоположником французского персонализма Э. Мунье. Тот вынашивает идеал такого общества, в котором личность выступала бы не только как неоспоримая ценность, но и как воплощенная реальность. Персоналистское сообщество, по его мнению, — это союз личностей. Что может не устраивать Бердяева в этих размышлениях? Речь же идет о духовной революции в душе каждого человека. Пожалуй, диалектическая мысль Бердяева гораздо продуктивнее, чем концепция Мунье. Наиболее проблематичным кажется русскому мыслителю понимание *communaute* как личности. И в самом деле, при осмыслении феномена личности кажется спорным применение этой категории уже не к человеку, а к общностям, социальным образованиям.

Гуревич П. Русский мыслитель в данном случае опирается на собственную концепцию целостности человека. Да, человек многосоставен: в нем есть тело, душа и дух. И все эти компоненты не могут раствориться в социальности в равной степени. Дух Сократа, к примеру, не находился в согласии с античной социальной организацией, к которой философ принадлежал телесно. Личность как личность существует не потому, что есть общество. Ее можно помыслить и вне социума. Но, в свою очередь, и само общество существует не потому, что есть люди. Здесь обнаруживается философское пространство, внутри которого общество и личности могут анализироваться сами по себе, без неизбежной и обязательной причинной связи между ними.

Буева Л. Есть основания утверждать, что Мунье испытал влияние работ Бердяева. По крайней мере, арсенал понятий, позволяющих раскрыть тематику личности у Бердяева, оживает и в трудах Мунье. Русский философ раньше своего французского коллеги разработал такие понятия, как личность, дух, свобода, призвание. Положительно оценивая взгляды Мунье, Бердяев все же указал на недостаточную разработанность проблемы личности у своего единомышленника. Тот связывает личность с *communaute*, предпочитает говорить «мы», а не «я». Мунье не устраивает предельно парадоксальное мышление русского мыслителя, которое он оценивает как пессимистическое.

Егорова И. Однако, на чьей стороне оказывается после этой полемики последующее развитие философии? Разве мысль Н.А. Бердяева о том, что каждый человек может быть рабом или тираном, не получила исторического подтверждения? Мунье все же думал, что тиранами становятся люди определенного психологического склада. Но русский мыслитель показал, что даже неприметный социальный персонаж, обычная единица статистики способна в определенных ситуациях стать деспотичной. Другие мыслители прошлого столетия, в том числе Теодор Адорно, Ханна Арендт, Карл Ясперс, приводили впечатляющие иллюстрации таких социальных метаморфоз. Отстаивая идеал свободной коммуникации, Мунье указывает Бердяеву на опасность общественной изоляции, эгоцентризма. По его мнению, внутренняя эмиграция тоже чревата объективацией. Во многом это так. Как бы человек ни старался «выпасть» из общества, занять автономную, независимую позицию, он все равно окажется действительным агентом этой социальной практики.

Гуревич П. Но ведь Н.А. Бердяев в этой связи размышляет вовсе не о герметичности внутреннего мира личности. Он анализирует не только эту опасность, но и приобщение человека к трансценденции как способ коррекции социальных иллюзий. Позже именно Мартин Хайдеггер с горечью напишет о зарастании метафизической тропы как пути к бездуховности и нищеты личности. В той же мере Ясперс, отталкиваясь от идеи коммуникации как способности личности открывать в себе чувство другого, согласно Мунье, придаст этому процессу гораздо большую сложность и драматичность. Философы более поздней поры заговорят о муках коммуникации, а не о ее актуальности.

Буева Л. По мнению Бердяева, отношение с другими людьми следует понимать диалектически. Это означает, с одной стороны, невозможность растворения партнеров по коммуникации друг в друге (опасность иррационализма). С другой, они и не могут быть обречены на полную индивидуалистическую разъединенность. Таким образом, здесь выбрана середина между крайностями. Субъективность получает не только негативную определенность через отсутствие всякой объективной детерминации, но также и позитивную — через творчество. Человек призван к творческой деятельности в мире и продолжает божественное дело творения. Мир не закончен, человек в своей свободе продолжает придавать ему форму.

Егорова И. Еще раз напомним, что те угрозы, которые, согласно Бердяеву, несет в себе развитие социальности, получит подкрепление в постмодернистской философии. Конечно, ни о каком тотальном отвержении социальности нет речи у Бердяева. Бодрийяр отметил, что сегодня только сумасшедшие отказываются пользоваться такими благами цивилизации, как письмен-

ность, вакцинация или социальные гарантии. Но Бодрийяр также укажет на прогрессирующее в современном обществе сопротивление социальности, феномены эскапизма, политической индифферентности. В наши дни социальность как беспорная привилегия личности вызывает реальные сомнения.

Гуревич П. Сегодня много говорят и пишут о том, что общество существует не потому, что есть люди. А людей соответственно нельзя рассматривать как строительный материал для социальной организации. Справедливо также утверждение, что общество, даже если оно опирается на демократические механизмы, обладает огромной принудительной мощью, которая обедняет личности, оскотляет гуманистический потенциал и в конечном итоге подрывает сам социум. Социальные мыслители прошлого считали, что сила общества прирастает мощью составляющих ее личностей. Однако реальная картина оказалась сложнее. Закон общества — усреднение, выравнивание. Личность превышает возможности социума. Поэтому гасится, нейтрализуется огромный неиспользованный потенциал. Личность «хаотизирует» общество. Общество, в свою очередь, призывает индивидов к банальному ранжиру. Оно по определению не может подстраиваться под личностей. Вот почему государство зачастую мыслится именно как Левиафан. Законотворческая деятельность нашей Государственной Думы может явиться ярким примером вторжения власти во все сферы жизни людей, в том числе и те, которые не поддаются регуляризации.

Буева Л. Почему же в таком случае «идеальное государство» Платона оказалось грозной социальной иллюзией? Ведь власть в нем, по замыслу античного мыслителя, должна принадлежать философам. Чем обусловлен данный выбор? Любомудры не поддаются иллюзиям. Они не оказываются заложниками множества частных процессов. Философы ждут, когда утихнут страсти, чтобы проникнуть в суть происходящего. Мыслитель — это созерцатель, который хочет узреть истинную красоту жизни, поскольку он способен выйти из пещеры на свет. Общество будет стабильным, если каждый гражданин станет носителем определенной социальной функции. Каждый разряд граждан отвечает за определенные формы жизни.

Егорова И. Платон не на одну минуту не мог представить, что если бы философы оказались у власти, это обернулось бы интеллектуальной диктатурой. Речь, пожалуй, идет не об идеализации философов, а о принудительной общественной мысли. Платон уже и сам прекрасно понимал всю трагичность своей кровавой утопии. Это, впрочем, мысль Алексея Федоровича Лосева.

Гуревич П. Окончательное овладение тайнами общественной динамики невозможно. Марксу казалось, что он раскрыл секреты экономической жизни общества. Но он вряд ли мог предвидеть, что изменятся сами формы хозяйственной практики, социальные условия жизни. История разворачивает неожиданные аспекты коллективного бытия людей. Люди обладают свободой, они сами творят общественные условия. Этим и отличается человеческое общество от деятельности термитов. Те все-таки следуют зову инстинкта, усложняя способы приспособления к реальности. Хотя в человеческой истории действуют определенные, раскрытые учеными, закономерности, никакой фатальности эти правила не несут. Информационное общество живет по иным заветам, нежели индустриальный социум. Социальная философия — свое-

образный паноптикум социальных иллюзий. Но другим способом выстраивать историю люди не располагают.

Каковы социальные иллюзии наших дней?

Буева Л. Я причислила бы к ним безоглядную веру в глобализм, представление о полезности тотальной бюрократизации жизни, трансгуманистические проекты. Движение человечества к универсальной цивилизации остановить невозможно. Однако поступь глобализации абсолютно не соотносена с фундаментальными основами культуры и цивилизации. Глобалисты из огромного множества культурных космосов, созданных на Земле, выбрали европейский уклад жизни. И это притом, что проницательные диагносты истории, в том числе Николай Данилевский или Освальд Шпенглер, провозгласили «Закат Европы». Разве фаустовский дух западной цивилизации доказал свою безупречность и непреложность? Верно ли, что технический проект преобразования реальности является единственным и самым безопасным?

Егорова И. Глобализм катком прошелся по различным культурам, уничтожив, по сути дела, самобытные очаги общественной жизни. Сегодня многие серьезные мыслители доказывают, что в общественном процессе возможны, допустим, иные формы экономической практики, духовных глубин самобытия человека, разделения труда, трансляции накопленного социального опыта. Смысл жизни современного человека сведен к потреблению, словно восточные культуры никогда не предлагали иных экзистенциальных проектов. Не обернулась ли глобализация прежде всего огромным расточительством духовных сокровищ, накопленных человечеством?

Гуревич П. Глобализация сама по себе представляет солидный перечень социальных иллюзий. Она исходила из неукоснительной готовности народов слиться в единое цивилизационное русло, отказаться от этнической и национальной идентичности. Однако последовала незамедлительная реакция на принудительную унификацию культур и цивилизаций. Возникли сепаратистские тенденции, социальный конструктивизм проник в сферу этничности, отдельные народы заговорили о своей особости, о собственной почве и корнях. Известно, что некоторые европейские политики не считают целесообразным даже Европейский союз и предлагают странам вернуться в прежнее национальное русло. И этот кризис добавился к тем, что уже давно терзают современное общество. Углубляется экологический кризис. Экономические потрясения вызывают массовую психологическую нервозность, усталость, эсхатологические настроения, накапливают деструктивную энергию. Смыслонутрата становится выражением общественного сознания.

Буева Л. Парадокс заключается в том, что рациональность, провозглашенная в свое время судьбой европейской цивилизации, оборачивается пучинами иррационализма. Абсурд и интеллектуальная нищета оказываются приметами современного общественного бытия. Исследователи все чаще говорят о фантомах современности. Характеристикой современности оказывается масса. Слово «масса» не является понятием. Стремление придать ему какое-то содержание оборачивается нелепостью. Философы показывают, что массив

крестьян традиционного общества нельзя назвать «массой». Массы в наши дни не отражают социальное. Они функционируют скорее как гигантская черная дыра.

Егорова И. Мне кажется, рациональная коммуникация и массы не могут рассматриваться как некий взаимный процесс. Когда говорят о том, что надо озаботиться осведомленностью масс, обеспечить им полноценную социализацию, повысить их культурный уровень, — то все это можно расценить лишь как социальную демагогию. В этой пучине исчезает всякий смысл. Массы, как утверждают постмодернисты, ослеплены игрой символов, порабощены стереотипами. Производство масс — современный фантом. Его конструирует реклама, массовая культура, потребительский уклад. Нелепо толковать о том, будто массы дезориентированы. Такой тезис ошибочно предполагает, будто у массы есть духовные запросы и потребности. Масса — это огромный резервуар, занятый поглощением и уничтожением культуры и знания.

Гуревич П. Апофеоз технократизма, который был приманкой целой эпохи, оказался обыкновенной социальной иллюзией. Технократы оскостили научное и социальное знание. Они придали ему прикладной, утилитарный смысл. Проникнув во все поры общественного организма, технократизм создал иллюзии научной и эффективной отладки социальной жизни. Сложилось убеждение, будто важные решения принимаются не инстинктивно или по склонности, а на основании знания и расчета. Труд якобы превращается в деятельность, просчитанную до предела, связанную с необходимыми правилами. Работа может быть выполнена разными людьми. Но ее процесс и результат заведомо просчитаны. Труженик же превращается в эффективную часть действующего механизма. Прикладное знание, если оно существует в собственных пределах, обладает неоспоримой ценностью. Однако гордыня технократизма оказалась и убыточной. Вторжение экспертного знания во все сферы человеческого бытия, в том числе и такие, которые немислимы без спонтанности, вызвало принудительную регламентацию жизни человека. Технократы в конечном счете представили себя как «золотой фонд» нации и государства, обнаружили непомерные амбиции. Однако оказались несостоятельными в предвидении назревающих общественных разломов, осмыслении новых социальных маршрутов, своевременности продуктивных рекомендаций. Современная власть оттеснила технократов. Она пришла к выводу, что политическая целесообразность важнее теоретических экспертиз. Настало время новой эпохи — бюрократической.

Буева Л. Властители разных стран пришли к выводу, что для достижения искомым результатов нужен не столько эксперт, зачастую демонстрирующий свое знание вопреки политической воле, а прилежный исполнитель, чиновник, бюрократ. Разумеется, общественное управление немисливо без соответствующего аппарата, который проводит в жизнь принятые решения. Однако и в этой сфере обнаружил себя плоский редукционизм. Невостребованными оказались и научное знание, и общественное мнение. Прежнее представление о том, что знание — единственное средство, которое позволяет обозначить пределы возможного и обеспечить последующее планирование, оказалось отброшенным. Ни одна из реформ, которые проводились в России за последние десятилетия, не учитывала общественное мнение, массовые настроения,

экспертные заключения. Не принимались в расчет ни протесты, ни обоснования ученых, ни соображения людей, вовлеченных в конкретную сферу деятельности. В этих условиях бюрократия приобрела такую власть, какой она не располагала никогда, даже в конфуцианском Китае.

Егорова И. Бюрократ в наши дни — олицетворение социально-исторического процесса рационализации. Исследователи выделяют три вида бюрократии — идеально-типический, оптимально-рациональный и формально-рациональный. Понятие «рациональность» является ключевым для М. Вебера. В работах по социологии религии немецкий ученый пытался выявить социокультурные основания и границы рациональности. По его мнению, чем больше прогрессирует интеллектуальная и прагматическая рационализация мира, тем больше религия по ряду причин оттесняется в область иррационального. Иррациональные элементы в рационализации действительности и стали тем прибежищем, куда была оттеснена неустранимая тяга интеллектуализма к обладанию запредельными ценностями. Эта тяга становилась тем сильнее, чем больше мир казался лишенным их. Бюрократ, который действует в рамках идеально-типической модели рациональности, осознает, что предельная рационализация нереализуема. Идеальный тип — это желаемый образ, модель, которая не может воплотиться в условиях усложняющейся действительности. Однако он тем не менее служит надежным теоретическим средством в истолковании реальности.

Гуревич П. Оптимально-рациональная бюрократия ищет наиболее результативные и экономные способы решения общественных проблем. Ее идеал — наибольшая эффективность при минимальных затратах. Без машины управления современное общество не может существовать. Люди не могут жить без огромного аппарата, в работе которого они участвуют в качестве колесиков, чтобы таким образом обеспечить свое существование. Однако оптимально-рациональный бюрократ далеко не всегда стремится к регламентации общественной жизни на основе какой-либо схемы. Его деятельность чаще всего основана на целесообразности теоретического знания, практического опыта решения назревших проблем. Бюрократ знает, как в истории человеческой деятельности получали практическую оснастку те или иные социальные ситуации и проблемы. Здравый смысл и прагматический расчет обеспечивают полезность бюрократической деятельности. Однако управленец никогда не располагает целостным знанием. Поэтому нет оснований абсолютизировать деятельность бюрократа. Его эффективность может обеспечиваться гибкостью, критичностью, культурой управления. Но эти особенности бюрократической активности все более вытесняются на задворки.

Буева Л. Формально-рациональный бюрократ, как правило, не вникает в содержание социальной деятельности. Он занят циркулярами, распоряжениями, предписаниями. Главное в его активности — добиться предельной функциональной обозначенности. Эта потребность в пунктуальном расписании собственной деятельности зачастую ложится бременем на живой, творческой активности. Циркуляры носят обязательный характер и порождают веру в значимость и необоримость административного ресурса. Бюрократический диктат вызывает атмосферу безысходности, произвола, давящей силы. Вместе с тем он плодит социальную иллюзию, будто с помощью послушного

исполнительного аппарата можно справиться со сложностью общественного развития. Власть добывается от бюрократов оперативности и старательности. Отсюда возникает еще одно заблуждение, будто социальная динамика всецело обеспечивается силами аппарата. В то же время пробуксовка и застой, как мнится власти, полностью обусловлены нерасторопностью чиновников, их нерадивостью, корыстностью, неумением вовремя израсходовать отпущенные бюджетные средства. Так рождается крайне упрощенная картина жизни общества.

Егорова И. В этом контексте стремление общества добиться хотя бы минимальной дебюрократизации рассматривается властью как помеха, как стремление разрушить четко продуманную систему управления. Власть убеждена в том, что решение любой возникшей проблемы начинается с появления соответствующего органа, который отвечает за этот участок общественной жизни. Для более эффективного руководства наукой в стране было создано ФАНО. Но его аппарат уже сейчас насчитывает более тысячи работников. А ведь было сказано, что прежняя структура управления наукой была малоэффективной. Но неужели рост чиновничьего аппарата оправдан в условиях, когда для научных исследований не хватает средств? К сожалению, чиновники не несут ответственности за свою деятельность. В процессе объединения вузов некоторые университеты и институты практически прекратили существование, поскольку по критериям, представленным Министерством образования, они не соответствовали должным требованиям. Однако суды в ряде случаев доказали ошибочность представленных критериев. Но эти вузы уже, грубо говоря, «раздолбаны». Какой же смысл в этих случаях имеет апелляция к правосознанию?

Гуревич П. Каким может оказаться мир, в начале которого мы находимся? Этот вопрос был задан еще в прошлом столетии Карлом Ясперсом. Он отмечал, что концентрация всего человеческого бытия в стабильных организациях стремительно растет. Превращение людей в функции огромного аппарата рождает общее нивелирование. Не востребованы люди высокого, но неформального ранга, необычные, неординарные. Есть запрос только на усредненное, обладающее знаниями в специальной области. Своего рода страстная тяга к авторитету власти, который призван гарантировать порядок, скорее всего заполняет внутреннюю пустоту общественного сознания. Развитие европейского мира идет к стабильному конечному состоянию. Но то, что выступает как идеал порядка в земном мире, становится невыносимым для конкретного человека, который знает, что его бытие состоит в притязании на свободу этого бытия. Общее мнение деспотически царит с помощью фиксированных убеждений. Прокламируемое разными партиями, оно предстает перед населением как нечто само собой разумеющееся.

Буева Л. Карл Маркс в свое время раскрыл глубинную феноменологию экономических отношений. В известном смысле его анализ можно считать безупречным. Он просто не мог предвидеть, что капитал, ощутив реальную угрозу, переместится на другую орбиту — за пределы производственных отношений и политических антагонизмов. Между прочим, феномен социального, который, разумеется, не сводится к экономике, содержит в себе еще более острые противоречия и нераскрытые тайны. Здесь можно отметить, что фран-

цузские постмодернисты за последние годы проделали основательную работу, которая позволила увидеть, что политическая власть все еще опирается на старые схемы социального мышления, не усматривает в социальном никаких парадоксов.

Егорова И. Людмила Пантелеевна, не могли бы вы конкретизировать эти соображения?

Буева Л. Разумеется. Все общественные связи мы называем феноменом социального. На самом деле социальное противостоит не только асоциальному. Само социальное имеет сложную структуру, в его вакууме перемещаются промежуточные объекты и кристаллические скопления. Они кружатся и сталкиваются друг с другом. Вот, скажем, политика. Само собой понятно, что она входит в радиус социального, но является особой формой общественных уз. Картина заведомо усложнится, если мы сопоставим реальное и символическое. Волей-неволей приходится различать то, что происходит в виде конкретных событий, и то, что просто обозначается знаком, который не претендует на подлинность. Вот, скажем, Николо Макиавелли объявляет политику чистой игрой знаков, которая не обременяет себя никакой социальной или исторической «истиной». Более того, политика вообще начинает играть на таком поле, где отсутствует всякая социальная правда. После Французской революции политика и социальное предстают как нечто нераздельное, по выражению Жана Бодрийера, как созвездия-близнецы.

Гуревич П. Это, разумеется, так. Социальные иллюзии обнаруживаются внутри этого смыслового пространства. Постепенно политика берет на себя функцию выражения социального. Иначе говоря, социальное становится содержанием политики. Но более двух веков назад существовало равновесие между сферой политического и тем, что мы называем социальным, историческим, экономическим. Закат собственной энергии политики наступает с возникновением социального и экономического. Политика оказывается всего лишь зеркалом, которое отражает феномен социального. Рост социального означает одновременно утрату самостоятельности политики. Социальное овладело политическим. Но это низведение политики до нулевой отметки проникает во все щели физического и ментального пространства. Так социальное начинает рассеиваться. У него больше нет имени.

Буева Л. Тогда-то и проступает один из парадоксов. У власти возникает иллюзия, будто апатия масс ей выгодна. Ведь пассивной массой легче управлять. Поэтому властители добивались централизации и бюрократизации властных механизмов. Но безразличие населения стало предвещать крах политики. Теперь власть подталкивает массы к управлению, настаивает на том, чтобы они сказали свое слово. Массы должны подать свой голос. Так навязывается социальность избирательных кампаний, референдумов, профсоюзных акций, в моду входит проведение празднований, побуждающих к свободному выражению своих мнений. Призрак политики должен заговорить. Ему надлежит назвать свое имя. Но как удержать массы в должных берегах? Нужно создать иллюзию активной политической жизни. Так массам предлагают стереотипы: «Французский народ не может смириться с такой тенденцией», «Большая часть немцев протестует», «Вся Англия испытывает неопишущую радость по поводу рождения принца»...

Егорова И. Насколько я понимаю, феномен социального в этих условиях не становится прочным. Он теряет свою специфику, свою определенность. Поле социальности неуклонно сокращается. Да, выходит таков итог двух веков усиленной социализации, которая завершается ее полным провалом. Масса впитывает всю социальную энергию и перестает быть ею. Хотя население вбирает в себя все знаки, но оно уже утрачивает свое содержание. «Безмолвование» масс переключает политическое и социальное в сферу гиперреальности. Сознательными участниками политического или исторического процесса массы не становятся ни на минуту. Политики стараются привлечь внимание масс к разного рода скандалам, к сексуальным историям экс-властителей, к криминальным хроникам, демонстрирующим мнимое возмездие правосознания. Возникает попытка продвинуть бессмыслие в порядок смысла.

Гуревич П. На протяжении многих веков все общества стремились к расширению своих пределов. Примитивным и традиционным социумам не присуща такая экспансия. В них господствует не центробежная, а центростремительная сила. Они сконцентрированы на цикле, на ритуале. Социальные философы обратили внимание на гибель древних огромных империй. Они исчезли без каких-либо более или менее заметных следов катастрофы, без ясно понимаемых нами внутренних или внешних причин. Мы сегодня также присутствуем при крахе имперского мышления. Но теперь и традиционные общества оказались во власти взрыва. Население этих социумов растет без всякого контроля. Объем произведенной продукции находится в полосе избыточности. Эти взрывные процессы европейская цивилизация стремится усилить, углубить. Обоснованием такой политики служит логика универсализации рынка, экспансия экономических и философских стратегий, непреложность универсальных социальных законов. В наши дни этот процесс достиг апогея. Одна из массовых иллюзий состоит в том, что этот процесс можно остановить или подчинить контролю.

Буева Л. В данном контексте, мне кажется, нельзя не признать, что логика социального не является прозрачной. Французские социальные мыслители задаются вопросом: что характеризует современные общества — нарастание или распад? Суть проблемы в том, что социальное возникает на развалинах предшествующих символических и ритуальных обществ. Экспертам в этих условиях заново отвечать на вопросы социальной философии: связей. Дело в том, что так называемые социальные науки исходили из постулата: социальность вечна. Историки описывают общества, которые обходились без социального и даже без истории. Рождается следующее предположение: социальное, судя по всему, может существовать недолго — в узком промежутке между эпохой символических формаций и возникновением современного общества, где оно уже не живет, а только угасает.

Егорова И. Я согласна с такой постановкой вопроса. Постмодернисты выдвигают несколько гипотез. Согласно первой, социальное, по сути дела, никогда не существовало. И, следовательно, не было и никакого социального «отношения». Ничто никогда не функционировало социально. В этом контексте нет причин говорить ни о «реальной», ни о скрытой, ни об идеальной социальности. В наши дни социальное исчезает бесследно, как будто его и не было. Возможен и другой ход мысли: тогда можно утверждать, что социаль-

ность все же существовала и продолжает существовать. Она пронизывает все стороны общественной жизни, поэтому все есть только социальность. Она торжествует и обнаруживает себя повсюду. Пожалуй, можно говорить о том, что мы живем в условиях цивилизации «сверхсоциальности».

Гуревич П. Мне уже приходилось писать о том, что в современной цивилизации многие люди не хотят интегрироваться в социум. Они стараются выпасть из него. Растет число бродяг, маргиналов, асоциальных типов. В 1544 году в Париже был открыт первый приют. Там могли найти убежище бродяги, сумасшедшие, инвалиды. Они оказались неспособными инкорпорироваться в какую-либо социальную группу. Эта тенденция получила развитие. В XIX в. появились органы государственного призрения. Веком позже — система социального обеспечения. Однако из орбиты социального стали выпадать целые общности. В чем суть этой социализации? Прогресс выталкивает из своих ниш целые социальные пласты. Но в чем угроза полной социализации? Общество стремится «усыновить» всех, и тогда эти разобщенные индивиды оказываются в полосе социализированности. Прежняя символическая интеграция замещается функциональной. Везде обнаруживаются социальные инстанции. Появляются и развиваются «социальные отношения». Рождаются и так называемые социальные науки. Объявляется патологией все, что не подверглось социализации. Все стороны жизни должны быть втянуты в социальность. Но предположим, что этот процесс завершился успехом. Все, буквально все социализировано. Но тогда социальность исчезает: ее не с чем сравнить.

Буева Л. Мы уже имели возможность охарактеризовать избыточность как характеристику современного общества. Царствует расточительность. Она обретает статус социальной иллюзии. Строятся «Конкорды», планируются полеты на Луну и Марс, запускаются баллистические ракеты и спутники. Бессмысленные траты ставятся на поток. Зайдите в любой супермаркет, вы увидите невиданное изобилие. Неужели все это находит потребителей? Такое невозможно даже представить. Товаров должно быть много, несметное количество. Остальное дело рекламы. Социалисты и гуманисты все еще мечтают о перераспределении богатств, об устранении избыточных расходов. Но разве социальное может стать эффективным и коллективным управлением потребительной стоимости людей и вещей? Не зря социальное называют огромным протуберанцем оптимального управления.

Егорова И. Выходит, прогноз Маркса реализуется в полярном варианте. Маркс мечтал о поглощении экономического улучшенным социальным. Но в наши дни социальное поглощается ухудшенной политической экономией, то есть управлением. Можно еще предположить, что социальное, безусловно, существовало. Но сейчас его больше нет. Оно существовало как связанное пространство, как основание реальности. Перспективному пространству социального приходит конец. Постмодернисты даже ставят вопрос о том, что само понятие социума утрачивает смысл. Имеется в наличии множество временных связей, в которые вступают отдельные индивиды. Общество переживает период усиленной атомизации. Отныне ничто не добирается до конца своей истории. Все наличное как будто пытается избавиться от своей сущности. Идея прогресса исчезла, но прогресс продолжается. Идея богатства, которое

предполагает производство, растворилась. Но производство как таковое осуществляется наилучшим образом.

Гуревич П. Тема социальных иллюзий длительное время рассматривалась в социальной философии как частная, периферийная. Общественная мысль полагала, что она занимается не фантазмами, а построением действенной социальной теории. Но это во многом можно оценить не более, чем иллюзию. Наше обсуждение показало, что анализ социальных иллюзий — неотложная задача философии и всей гуманитарной мысли.

На историческую динамику оказывают воздействие многие факторы — развитие науки, прогресс экономики, новые идеи, секреты глубинной психологии. Поэтому постижение тайн истории испытывает все новые и новые потрясения. В этой во многом стихийной эволюции общества нет места здоровой мысли — а не является ли этот мнимый прогресс дорогой в тупик? Не случайно именно так и сформулировал эту мысль Артур Шопенгауэр: да, мы действительно куда-то продвигаемся, но каков последний шаг этого маршрута? Занятые решением текущих эпохальных задач, мы полностью погружаемся в этот поток, даже не помышляя о том, что он может вести к безвыходному положению. К чему, например, может привести безумная растрата имеющихся на Земле ресурсов? В этом смысле роль утопического сознания, сценарного подхода к событиям истории трудно переоценить.

Проницательные мыслители еще до того, как отдельные общественные тенденции свидетельствовали о нарастающей разрушительности, пагубности конкретных путей общественного развития, предупреждали человечество об этом. Представляется целесообразным оценить прогностическую мощь этих утопических проектов, указавших человечеству на опасность тотального контроля над человеческим поведением, ущемления свободы, недооценки грозных обнаружений человеческой природы, бездуховность и социальный диктат. Итак, социальная иллюзия играет в истории огромную роль. По сути дела, постижение тайн общественной жизни, закономерностей социальной динамики есть летопись различных иллюзий, с помощью которых человечество продвигалось к более глубокому пониманию хода исторических событий. Порой эти иллюзии уводили общественную мысль в сторону от реальности, создавали фантастические грезы. Николай Бердяев предупреждал, что утопии страшны именно фактом своей реализации. Он отмечал, что всякая попытка создать рай на Земле есть ад.

В то же время они содействовали пробуждению более зрелого философско-исторического сознания. Позитивная функция социальных иллюзий, пожалуй, в том, что они создают презумпцию надежды. История философской мысли позволила указать на опасные грезы, которые когда-то казались соблазнительными. Народы напуганы угрозой авторитарности и тоталитаризма, деспотии и тиранства. Они устали от революций. Однако иллюзия счастливого потребительского общества тоже стала томить людей. Все чаще социальные философы обращаются к теме, которая была обозначена Кантом как «социальная несоциальность». С внешней стороны современное общество функционирует столь же успешно, сколь и прежние социальные организации. Однако нельзя не заметить, как в толще социальности вызревают пугающие тенденции.

Нельзя не указать и на нынешнюю страсть ученых и властей к социальным фантазмам. Скажем, трансгуманизм, ставший заметным общественным движением, сообщает нам, что в Мегагалактике достигла апогея конкуренция между планетами. Если земляне не расстанутся со своей биологической формой жизни, то они выпадут из универсального эволюционного процесса. Мы хотим господствовать не только на Земле, но распоряжаться также и инопланетными цивилизациями, всем космосом. Заметьте, проблема обсуждается не в жанре научной фантастики, а в русле социальной философии.

Сегодня человечество располагает огромными ресурсами, внушительной мощью. Это склоняет властителей к пагубному прожектерству, к простейшим схемам политического мышления. В наши дни очевидна опасность бюрократического сознания, убежденного в том, что общественные процессы можно направить в нужную сторону с помощью директив, финансовых потоков, политической воли, многоходовых интриг. В политической практике исчезло понимание, что в истории трудно отличить победу от поражения, достижение от утраты, патриотический подъем от скрытого нигилизма. Политики, не отягощенные знанием конкретной проблемы, толкуют о том, как российский рубль станет мировой валютой, сколь успешно мировые санкции оздоровят нашу экономику, что закрытая экономика является безоговорочным благом. Этот воспаленный эрос фантазий так же опасен, как «обезумевший принтер». Законодательные запреты поставлены на поток. Демократия работает в режиме вертикали власти. Предан забвению огромный пласт интеллектуальных усилий, призванных уловить тайные механизмы общественных процессов. Волюнтаризм и прожектерство благословляют в наши дни отчаянное социальное сочинительство. Не привлекает внимания опыт имперских крушений, военных и революционных последствий, ущемление спонтанности и свободы человека. Социальные иллюзии все чаще уведут человечество от решения насущных проблем современности.

ПУБЛИКАЦИИ

Геннадий БОЧАРОВ

ИЗ «ТИХОЙ ТЕТРАДИ»*

Завершая вступление к предыдущему отрывку из «Тихой тетради», я написал: «Наступают времена, когда воздействие даже самых великих примеров благородства на человеческое воображение достигло своего низшего уровня...».

Достигло.

В середине 1960-х годов я оказался в Москве, в редакции «Комсомольской правды». Это было время множества встреч с нужными и случайными людьми, время удач и потерь, подобных гибели Юрия Гагарина, о чем мы узнали первыми в редакции, где он уже давно был «своим» человеком.

Это был ожог страны, ожог мира. Личный ожог.

В те годы я утвердился в понимании того, что в любой ситуации необходимо оставаться самим собой, а в творчестве тем более. Опаснейшая вещь для человека пишущего: оказаться в среде талантливых, уже известных коллег и попасть под их влияние. Я долгих семнадцать лет работал в «КП» и дружил с Ярославом Головановым и Василием Песковым. Оба недавно ушли... «Комсомолка» и страна потеряли выдающихся журналистов и публицистов. Незадолго до ухода Ярослав обронил: «Все знают, что я не гений, но гениальные мысли мне часто приходят в голову». Или слова Василия Пескова, сказанные им высокому партийному чиновнику, который бесцеремонно втолковывал автору знаменитого «Окна в природу» и десятитомного собрания сочинений, как надо писать. «Не учите дедушку кашлять», — сказал ему Песков.

Представить себе сегодня такое невозможно. Имею в виду терпимость любого кремлевского администратора.

1980-е годы. Перехожу в «Литературную газету»... Аналитика, эссе, очерк. Очерковая журналистика — явление чисто российское. Ее рассвет длился около полутора веков. Сегодня она вытеснена журналистикой, которую я называю электронной щебенкой. Но еще недавно, только вчера, лучшие образцы очерка поднимались до вершин литературных шедевров, а таких авторов, как Константин Симонов, Анатолий Аграновский, Аркадий Сахнин, Эдуард Поляновский, Юрий Черниченко, Аркадий Ваксберг, Инна Руденко, представлявших «Известия», «Литературную газету», «Комсомолку», читали миллионы людей в самых отдаленных уголках огромной страны.

* Начало см. в предыдущих номерах «Вестника аналитики» текущего года.

Каждого из них можно было отнести к числу просветителей, каждого — к охранителям чистого русского языка, нравственных принципов. Только сегодня я понимаю, какое это было счастье дружить с ними, ощущать их неутрачиваемое беспокойство, быть включенным в их творческую розетку. И только сегодня понимаешь, какое это огромное несчастье для молодого поколения — не видеть, не знать и не слышать доверительного, талантливого наставления мэтра, того же Анатолия Аграновского, сказавшего однажды своим тихим, спокойным голосом: «Хорошо пишет не тот, кто хорошо пишет, а тот, кто хорошо думает». Не услышишь откровения и доверия к журналисту, которое однажды (в советское время!) продемонстрировал секретарь ЦК ВЛКСМ по международным вопросам Вагиф Гусейнов, отвечая на мой вопрос, что его больше всего беспокоит в общественной жизни страны. «Всеобщее лицемерие», — ответил Гусейнов.

Все позади...

Но жизнь идет вперед, и жизнь меняется.

При этом люди никак не могут понять, что мешает цивилизации повторить великую эпоху Возрождения. Но если историческое чудо все-таки произойдет, если кто-то на это все-таки надеется, то следует знать, что заплатить за это придется очень дорого. И уж, конечно, не одними технологиями...

...А некоторые строки из «Тихой тетради» — это лишь скромный намек на то, что мы это все уже давно понимаем и если на что-то надеемся, то только для вида.

...Способность скрывать собственные мысли от самого себя — есть формула глупости.

...Человек, хотя бы на время забывающий о самом себе, испытывает величайшее раскрепощение.

...Глубокая вера нуждается не в символах, а в силе духа.

...Даже самое далекое будущее — это всегда лишь то, что формируется нашим сегодняшним хаотичным и агрессивным миром.

...Раньше других к цели приходит человек с размеренной и ритмичной походкой пони.

...Нет религии, в которой бы не нашлось места яблоку. Но только два из них — подаренное на небесах Адамом Еве, а на земле Дионисом Афродите — создали не менее знаменитое третье. А именно: «яблоко раздора». С тех пор в садах земли бушуют войны.

...Для России теория народонаселения Мальтуса бессмысленна во все времена.

...Невероятное становится очевидным лишь при контакте с гением.

...Недоразвитость — константа человечества.

...Спустя века мы обнаружили, что римский император Марк Аврелий, работая над философской книгой «К самому себе», в наибольшей степени обращался не к себе, а к нам.

...Созерцательность — синоним непродуктивности.

...Моисей говорил: «О, Боже, я тяжело говорю и косноязычен». Современного оратора это не заботит. Признание Моисея не смущает даже самых публичных владык.

...У глупого нет учителя. У умного — вождя. У мертвого — слуги. Это и есть самодостаточность, дарящая свободу.

...Сносной современную жизнь делают только иллюзии.

...Горы надежней предгорий. Не трудно предположить, что к этому выводу пришел еще Ной.

...Единица измерения времени — человек.

...На кольце можно было бы и остановиться. Но появились спираль и линия. Они и раскрепостили величайший потенциал развития.

...Самые реалистические сказки на свете — русские. Почти все они заканчиваются смертью.

...В счастливом состоянии человек пребывает, в бедственном — страдает, а в безразличном — живет.

...Мир все решительней избавляется от скромных ученых — математиков или гравировщиков серебра. Миру нужны воины.

...Тот, кто возделывает землю, возделывает свою душу. Землю удобряет, душу умирляет.

...Дно есть у любой бездны. Выражение «бездна без дна» справедливо лишь по отношению к космосу и к душе человека.

...Практика и теория не знают согласия, ибо носители того и другого — люди. А люди не знают согласия даже в праздности.

...Погибшее человечество хоронить будет незачем.

...Германского философа Лессинга, написавшего книгу «История, как осмысление бессмысленного», гитлеровские штурмовики убили в 30-е годы

XX века. Носитель взглядов об «отсутствии причинности исторических явлений» окончил ровно тем, во что верил: в убийство без причины, как норму жизни. Судьба пророков редко отличается от взглядов.

...Тайна вращения Земли — в ощущении ее покоя.

...Авраам верил только в того, кто был до него. Мы — только в тех, кто придет после нас. В конечном счете, в этом, возможно, и заключается суть неверия, как первой причины всемирного разлада: верить тем, кто был и кто будет, и не доверять тем, кто есть.

...Колокол не звонит сам по себе.

...Порча мира продолжалась целых пять веков, сожалел поэт Гесиод около 700 года до нашей эры. Вот каким запасом прочности располагает наш мир!

...Камень тяжел только на весу.

...Птица доказывает свою природу полетом. Рыба — плаванием. А человек — улыбкой.

...Орел, увидевший перед собой чучело орла, знает, что это не орел. У людей иначе.

...Ничтожно время между мглой, когда тебя не было, и мглой, когда тебя не будет. Но это — время ослепительного света человеческой жизни.

...Осознание того, что ты совершил ошибку, — есть духовный рост.

...Нет людей, прогуливающихся туда и обратно. Есть обманчивое однообразие. Но это тот же путь только туда. Позади лишь игра теней.

...Стоящий под всеохватными всполохами Северного сияния человек испытывает остро эгоистическое чувство: великое представление природа дает только ради него. Только для него.

...Истина таится в неосознанном. Хочешь познать неосознанное, начни с познания, а не с поиска. Познание обогащает, а поиск ведет в тупик. Истина — это сено буриданова осла. Вот почему познавший многое не вспоминает о пути.

...У мудрой мысли один враг — слово. А лучший друг — жизнь.

...Первыми слово «кибернетика» произнесли древние греки. Наши современники наполнили слово иным содержанием. Но от его греческого значения — «искусство кораблевождения» — до нынешнего научного протянулась незримая, тонкая нить — искусство. Искусство вождения, профессионализма и научного творчества. Греки не знали, что через тысячелетия «кибернетика»

обозначит мощнейший инструмент современной цивилизации. Так что и самое древнее слово не бывает случайным.

...Завидная судьба яблока: нет на Земле ни одной религии, в которой бы оно не сыграло яркой роли, как нет и науки, которая без падающего яблока не обрела бы своего векового значения. Так маленький душистый плод смог, пусть и условно, сблизить то, что не находило близости и понимания в течение веков: науку и религию.

...Ничто — ни войны, ни эпидемии, ни стихии, ни науки не смогли изменить человеческую сущность до такой степени, до какой это удалось сделать деньгам. Воистину — дар миру сатаны.

...Объем знаний крупного ученого в древности и современного десятиклассника не в пользу ученого. В его пользу другое — жизнь этого самого десятиклассника, ее условия, определившиеся благодаря гению давно забытого ученого.

...Древние знания, обретенные человечеством: худшее неизбежно, лучшее — временно, нормальное — постоянно. Современные знания: нормальное временно, лучшее — невозможно, худшее — постоянно.

...Ни один гений не равен своему времени. Он человек из будущего. Будущему он и равен.

...Мера зрелости цивилизации: проложив дорогу в космос, человечество не способно проложить дорогу к миру.

...Работая над сценой страшного суда в Сикстинской капелле, Микеланджело стремился, по его собственным словам, выразить «гимн человеческой боли». По-гречески гимн — это песенное торжество. И боль торжествует. Телесная — терпима. Духовная — необорима. Боль — высшая точка жизни. А все высшее достойно торжественной песни — гимна. Это, наверное, и утверждал гений, говоря о боли.

...Разные формы вещей одного назначения — результат человеческого тщеславия. Замусоренность мира продолжается. Ее не остановить.

...По числу задаваемых вопрос «В чем смысл жизни?» равен числу живущих и давно умерших. Число ответов — не меньше. А ищут один — несуществующий. Ибо нет смысла в самом вопросе. Есть нарастающее предчувствие бесследного исчезновения. Это и уничтожает смысл вопроса.

...Есть творческий дар и творческая воля. Дар самореализуется. Воля равна силе духа. И то и другое, объединяясь, служит одному: возможности бесконечное число раз возрождаться. В этом, возможно, и заключается роль человечества в мироздании.

...Люди ненавидят новации. Но выручает стремительность жизни. Все новое быстро становится хорошо забытым старым.

...Самый проверенный способ поправить дела — отказаться от надежд и действовать.

...Люди чаще всего считают значительным и серьезным то, что на самом деле им не является.

...Самопознание невозможно без науки и искусства, без культуры, рождающей мысль и образ. Без всего того, что делает человека творцом, а род людской — обществом, а не стадом.

...Оперируя чей-то мозг, хирург оперирует чей-то мир. Пальцы человека соприкасаются с видимой материей, рождающей невидимую мысль. Можно утверждать, что нейрохирургия — это грань между водой и атмосферой.

...Понятию пропаганды мир обязан ватиканскому духовенству XVI века, даже отдаленно не предполагавшему, какое чудовище оно выпускает в извечно незрелый мир. В XXI веке пропаганда, оснащенная новейшими технологиями, обрела силу мощнейшего оружия, начиненного всепобеждающей человеческой извращенностью.

...Раньше за состояние воды на планете отвечала природа. Сегодня — человек. Чем подобное перераспределение ответственности заканчивалось на бессмысленно вращающихся в Галактике каменистых планетах — Землях, человечество знает хорошо. Но зная, не ведает, что творит.

...Ответственность ученого определяется суммой ошибок, способных затормозить дальнейшее развитие науки.

...Мифы и предрассудки — это те же медицинские бинты, но предназначенные не для перевязки ран, а для защиты духовного мира человека от беспощадных реальностей жизни.

...Инженер Сикорский и художник Левитан могли быть совершенно одинаковыми по своему складу людьми. Вопрос в другом: каким образом природа одаривает столь разными способностями совершенно одинаковых людей? Талант предопределяет профессию или у профессии лимит на талант?

Юрий ЛАПИН

БЛИЗКОЕ НЕБО КОСМОСА

ОТ РЕДАКЦИИ. Острая потребность в научном образовании в России осознается все большим числом людей. Но проблема эта безмерно велика и столь же сложна.

Предлагаемый читателю материал не содержит рецептов ее решения. Однако его посыл, на наш взгляд, вполне определенно затрагивает нравственную сферу образовательной и просветительской деятельности как СМИ, так и научного сообщества. Точнее, печального результата ее многолетнего забвения. А именно: стремительного размежевания гуманитарных и естественных наук, без единства которых прогресс человечества невозможен. Автор публикации, постоянно общающийся с выдающимися учеными страны и мира, не всегда прямо, а чаще — символически, говорит о том, что потребность в познании и развитии духовного и физического миров с разной степенью нравственности и скорости — недопустим. Мораль вне физического мира, постигать который человек призван все глубже и осмысленней, не может и не должна принадлежать лишь одной из сфер науки. На это обстоятельство, на принципиально неверную и опасную тенденцию, и обращает внимание предлагаемый читателю материал.

Факт первый:

*Только в клетках говорят попугаи,
А в лесу они язык забывают,
А весной линяют разные звери,
Не линяет только солнечный зайчик.*

Факт второй: Разбегание галактик должно замедляться. Но их движение почему-то ускоряется.

Факт третий: Почти семьдесят процентов нашей Вселенной состоит из темной энергии. Таинственного для нас состояния. Вещества? Или чего-то иного?

Факт четвертый: Скорость света — это максимум. Быстрее ничто и никто разогнаться не может. При этом энергия частиц стремится к бесконечности.

Попробуем объединить эти факты и начнем с четвертого. самого безнадёжного. Если это так, то человечеству никогда не суждено совершить межгалактические перелеты. Даже путешествия к ближайшим звездам весьма проблематичны.

Но не паникуем ли мы раньше времени? Ведь уже сейчас нам известно, что преодолеть скорость света вполне может солнечный зайчик. То есть световое пятно, которое не несет с собой никакой информации. Абсолютно свободно от нее. А раз есть догадки, как правило, тут же появляется математическая модель, позволяющая преодолевать космические расстояния с невероятной скоростью. Пока, конечно, в мечтах. Но не пустопорожних. Подкрепленных теорией.

Эффект основан на принципе деформации пространства. Если перед кораблем его сжимать и, соответственно, расширять позади, то вокруг образуется пространственно-временной пузырь. Здесь уже иная система координат. И связь с нашим миром, с его законами весьма опосредована.

Кто-то скажет: фантастика, да и только. И будет прав, если бы не темная энергия. Мы пока мало знаем о ней, но все больше данных говорит о том, что именно она «разгоняет галактики». Вот почему они, вопреки существовавшим доселе представлениям, резко ускоряют свой бег. Так что для космического корабля — песчинке по сравнению с галактикой — таинственной энергии более чем достаточно.

Обнадеживает и то, что, по мнению теоретиков, внутри корабля по-прежнему будет властвовать «юрисдикция» физического мира: ведь движется пространство, а не корабль.

Попервоначалу очень уж далеко «забираться» не надо. К примеру, «всего» на пару десятков световых лет. Далековато для существующих способов передвижения, но суший пустяк для принципиально нового. Ведь даже при условии, что двигатель будут щадить и не запускать на полную мощность, время в пути будет очень коротким.

Как говорится, гладко было на бумаге. Сами ученые считают, что для воплощения нового проекта в металле понадобится лет триста. Но опять же не стоит скептически улыбаться. Это первый в истории человечества если не абсолютно реальный проект межзвездного перелета, то великолепная задумка. Она лишь кажется фантастической. На самом деле каждый этап подтверждается строго обоснованными научными построениями.

И — самое главное — наука пытается вернуть человеку реальность замечательной мечты. А то ведь извечная тяга человечества к дальним странствиям, к звездам — в непреодолимую стену уперлась.

А вдруг нет этой стены? Хочется верить, что нет. А если и существует, то почему бы её и не преодолеть? И не лишне напомнить, что только сообща можно на что-то надеяться. И многих сложностей избежать.

История развивается так, как она развивается. Здесь ни убавить, ни прибавить. Без толку мусолить альтернативные варианты. Но совсем другое чувство — сожаление. И, вне всякого сомнения, если есть оптимистические перспективы у нашей цивилизации, потомки будут не в восторге, узнав, что первые шаги в космическое пространство были сделаны в условиях жесткой конкуренции двух великих держав.

Не сотрудничество, не взаимопомощь. Космическая гонка — так ее называли средства массовой информации. И были правы. Шаг за шагом, но хоть на месяц, на неделю, порой на несколько дней, обойти соперника.

Гордость за страну — хорошо! Но, согласитесь, если бы сообща, если бы помогая и подставляя плечо друг другу, глядишь, и «цвели бы уже яблони на

Марсе». И следы были бы оставлены не только на Луне, но и «на пыльных тропинках далеких планет».

Но вот что обращает на себя внимание. Средства массовой информации почему-то значительно большее внимание акцентируют на нашем, отечественном аспекте этой гонки. Причем не только на героизме космонавтов, гениальной изощренности конструкторских решений, титаническом труде рядовых исполнителей. Но и на ненужном порой риске, приукрашивании результатов очередного шага и так далее.

Американская версия несколько в тени. А ведь наш девиз «догнать и перегнать» был взят ими на вооружение в полном объеме. И наряду с впечатляющими результатами включал в себя абсолютно те же аспекты, что и у их соперников — ракетно-космического комплекса по другую сторону «железного занавеса».

На деталях останавливаться не будем. Но даже первый в истории человечества полет на Луну из величайшего триумфа мог обернуться трагедией. Лишь десятилетия спустя рассекретили документы.

Конечно, ученые делали все от них зависящее. Но риск был настолько велик, что мало кто верил в реальную возможность взлета спустившегося на Луну аппарата и его успешную состыковку с основным кораблем.

Два варианта содержали в себе листочки, лежавшие на рабочем столе Ричарда Никсона. И один из них, запасной, конечно, к счастью, не пригодившийся, должен был вложить в уста президента слова, что «герои отдали свои жизни ради одной из самых благородных целей, поставленных перед собой человечеством: ради познания и поиска истины». Кстати, было приготовлено и траурное богослужение.

И это было не паникерство. Схема полета предусматривала старт с Земли, выход на окололунную орбиту. Спускаемый аппарат с Нейлом Армстронгом и Эдвином Олдрином доставлял космонавтов на Луну. Недолгое время — первая экспедиция все-таки! — отдавалось исследованиям. Старт. Состыковка с основным кораблем, где их страховал Майкл Коллинз. И... обратный путь к родной планете.

Наибольшее беспокойство вызывал спускаемый аппарат. Всего за несколько месяцев до запуска специалисты поговаривали, что «количество дефектов превзошло ожидание самых больших пессимистов». Кое-что удалось доработать, исправить, но осталось немало вопросов.

Аппарат мчался прямо на огромный камень. Отключив автоматику и взяв управление на себя, Армстронг чудом перемахнул через препятствие. Иначе... неминуемая гибель.

Луна, как известно, не имеет атмосферы и беззащитна даже от «обстрела» мельчайшими метеоритами. Защиты не было никакой. Да и в самом лунном модуле (так назывался спускаемый аппарат) гелий проник в топливный бак, образовалась ледяная пробка. И таких сюрпризов было немало. Один из последних — по окончании лунной «прогулки». Готовясь к отлету, Олдрин увидел на полу маленькую черную детальку. Это была кнопка от тумблера. Всего их больше двух сотен. Но космонавт ухитрился задеть ранцем скафандра и сломать единственный тумблер, без включения которого взлет невозможен — кнопку зажигания двигателя.

На Землю радировали о промахе. Долгая пауза. И, наконец, был дан совет. Какой, скажем чуть позже. А пока неувязки продолжались. Цепь случайностей прямо-таки преследовала героев. Но они стартовали. Состыковались с основным кораблем. Успешно приземлились. Не на войне побывали, конечно, но песенка военных лет, бывшая популярной по обе стороны океана, вполне бы могла быть аккомпанементом:

*Мы летим, ковыляя, во мгле,
Мы ползем на последнем крыле.*

Особенно по сердцу приплась оптимистическая концовка:

*Вся команда цела, и машина пришла
На честном слове и на одном крыле.*

Это авторизированный перевод с английского. Буквальный подстрочник с другим оттенком:

*С полным экипажем на борту
И верой в Господа
Мы летим на крыле и молитве.*

Другой мировоззренческий оттенок, но суть оценки полета не искажает...

На пресс-конференции, собранной сразу после полета, Эдвину Олдрину был задан вопрос о том, что он почувствовал, когда прошел пик наибольшего напряжения и «Аполлон» полетел к Луне. Ответ поразил всех: «Я подумал о великом русском ученом Николае Кондратюке, без работ которого этот полет вряд ли состоялся в ближайшие двадцать лет».

Для справки: Юрий Кондратюк за полвека до старта «Аполлона» создал схему и полный математический расчет полета к Луне. Брошюрка, изданная тиражом двести экземпляров, не пригодилась в те годы. Затерялась. Единственный экземпляр сохранился в знаменитой библиотеке американского Конгресса. Это к вопросу о том, с чего начался сюжет. Гонка, то есть соревнование, в доведенном до крайности виде, может, и неплохо. Но сотрудничество... Делайте вывод, хотя бы из оценки Эдвина Олдрина. Человека, вторым в истории ступившего на Луну.

В заключение, как обещали, раскроем секрет запуска двигателя при старте с Луны. Его удалось включить, замкнув контакты... шариковой ручкой. Подошла бы и обыкновенная. Но в распоряжении космонавтов были только особые шариковые ручки.

Миллион долларов был затрачен на разработку модели, которая безотказно пишет в условиях невесомости.

А вот в наших КБ решили сэкономить и особых ручек не разрабатывали. Космонавты писали карандашами. И до поры до времени не хуже получалось.

Рудаков и Нечаев, эстрадные юмористы теперь уже прошлого века, по популярности, пожалуй, превосходили нынешнего Задорного. Впрочем, разными они были. Этот в прозе, те в стихах. Этот все больше на одну тему. У тех

репертуар разнообразный. Но точка соприкосновения нашлась. К примеру, в таком куплете:

*Пентагоновские волки
В космос бросили иголки!
Мы ведь можем полететь
И в иголку нитку вдеть!*

Логика событий, конечно, позаимствована. Иностранцы механическую блоху сварганили, наш Левша ее подковал. Но все равно смешно.

И все-таки самое интересное здесь то, что на поворотах истории, на ее май-стремах и мелях, лучшее оружие — смех. Не исключено, посильнее всяких противостояний, нот протеста, эмбарго и ответных мер.

В те давние времена, в октябре 1961 года, «Правда» сообщила, что Соединенные Штаты забросили в космос особый контейнер. С помощью искусственного спутника, естественно. Спутники после блистательного полета Юрия Гагарина входили в моду. Необычным было содержание контейнера — мелкие иголки.

Оговоримся сразу. Время для запуска американцы выбрали, мягко говоря, неудачное. Военное соперничество в области ядерного вооружения достигало пика. Не за горами Карибский кризис, во время которого мир был в полушаге от войны, скорее всего, ядерной.

Соперничали мы и в космосе. И вдруг какие-то непонятные иголки. Чего только могло прийти в голову! От нового неизвестного оружия (худший вариант) до засорения космического пространства (элементарное разгильдяйство). В космосе и так достаточно мусора. С которым приходится мириться. Вот недавний пример. Вряд ли хотели китайцы разрушать свой спутник. А он потерпел катастрофу, рассыпался практически. Более чем на тринадцать тысяч фрагментов. Болты, гайки и даже отдельные элементы конструкции.

Но вернемся к американцам.

Было, естественно, заявление ТАСС. Возмущение отдельных ученых, выдаваемое за дружный протест международного научного сообщества, опасение за грядущие полеты к Луне. Вот к чему приводит непонимание. А ведь стоило американцам четко и ясно объяснить свои замыслы — вряд ли поднялось бы столько пены. Суть проекта — создать своеобразное кольцо вокруг планеты. Зачем? Для обеспечения радиосвязи. Ведь ионосфера капризна. А «антенна» для отражения радиоволн, созданная из этих иголок, не обязательно должна быть сплошным экраном. Кстати, большие антенны давно уже делали сетчатыми. Для облегчения веса.

В общем, неплохой по замыслу проект. Но провести сумели всего два сеанса связи. Гладко было на бумаге. Плотность кольца падала. Качество радиосвязи становилось абсолютно неприемлемым. Связь прекратилась. А как же с космическим мусором? Иглы, конечно, космическим полетам мешать не могли, ибо их кольцо образовалось на высоте — в десятки раз выше, чем летает нынешняя МКС. К тому же кусочки проволоки длиной меньше двух сантиметров, а диаметром вообще микронные, довольно быстро сгорели в верхних слоях атмосферы. Все-таки не отработавшие свое ракетносители, не контей-

неры с отходами, даже не болты и гайки. На сегодня их осталось несколько штук на кубический километр. Для существующей, причем весьма острой проблеме загрязнения космоса — это так, небольшой штришок.

А из-за чего же тогда сыр-бор? Из-за непонимания. Из-за высокомерно-го нежелания американской стороны элементарно проинформировать советскую сторону о сути эксперимента. Она обязана была это сделать. Тем более, учитывая временной момент! Повторяем, незадолго до Карибского кризиса. Тогда только чудо да блистательные работы коллектива советских ученых во главе с академиком Никитой Николаевичем Моисеевым спасли, как хорошо известно, планету от катастрофы. По сравнению с которой американские иголки, пусть даже с вдетыми в них советскими нитками, сущий пустяк. Да и секретить-то что? Не о бомбах шла речь, не о ракетах. О «загоризонтной связи». Об искусственном кольце вокруг планеты. Ведь, как говорится, даже шила в мешке не утаишь. Планетарное кольцо — тем более.

Прошло полвека. Стоит ли вспоминать? Скорее всего, стоит именно в наши дни. Когда опять зреет конфронтация. Недопонимание. Амбиции.

И так хочется вернуться в июль 1975 года. Не вообще, конечно. Время не течет вспять. Вернуться в атмосферу, когда блистательно была осуществлена программа совместного экспериментального пилотируемого полета «Союз» и «Аполлон». Когда было рукопожатие в космосе. Неужели этого нельзя сделать на Земле?

Эйфория от первых успехов в освоении космического пространства начинает проходить. Конечно, имя Юрия Гагарина навсегда останется в скрижалях истории. Следом за ним, очевидно, будет стоять Нейл Армстронг, первый человек, шагнувший на поверхность Луны.

Это — вершины. А сколько героического было в «будничной» космической работе! Выход в открытый космос. Космические станции — вначале советская, теперь — международная. Аппараты, посланные исследовать другие небесные тела — луноходы, марсоходы, не забыта и Венера. Один из них улетел за пределы Солнечной системы. Интересны исследования спутников больших планет, много тайн хранят астероиды — малые планеты. Телескоп «Хаббл». Наш замечательный радиотелескоп «Астрон», буквально «прочесывающий» Галактику в поисках иной жизни. Ее, к сожалению, не нашел, но передал замечательные по уникальности данные о таинственных Черных дырах. Если до полета «Астрона» о них говорили с придыханием, как о чем-то невообразимо-фантастическом, то теперь не за горами время их прямых исследований. Космическая летопись великолепна даже в этом далеко не полном перечне. И космические профессии не удел героев-одиночек. За пределами Земли побывало более пятисот человек.

Но есть в наших словах и мыслях выражение, отражающее неугомонность характера, стремление мечты обогнать реальность. Что же, положила руку на сердце, о большем мечтали. Посему за более чем полвека космической эры только пятьсот человек побывали в космосе. Реально ступили лишь на ближайший спутник. Не побывали ни на одной планете и так далее.

Осуждать за это вряд ли правомерно. Мечта, на то она и мечта, чтобы порой опережать события. Все у нас впереди.

Другое дело — не повторять ошибок. Не наступать на те же грабли. Это уже явление другого порядка. Вспомним, как, осваивая планету, человек «не ждал милости у природы», не думал о том, каково ей, природе то есть, переносить осуществление амбиций. Вернее, побочных ее черт. И вот наука экология превратилась в массовое движение. Во все колокола бьют: цивилизация погибнет из-за экологических причин. Представляете, закончить жизнь на свалке?

Следует ли переносить свои дикие привычки в Космос? Вопрос риторический. Но на околоземных орбитах, помимо космического мусора естественного происхождения — осколки метеоритов, к примеру — скопилось много того, что человек разумный неразумно разбросал. Попросту говоря, не удосужился убрать за собой отработанные блоки ракет-носителей, обломки техники, контейнеры с отходами жизнедеятельности — не будем дальше перечислять позорный список. Просто цифру укажем: на высотах до двух тысяч километров находится не менее трехсот тысяч (!) предметов общей массой в пять тысяч тонн.

К тому же аналоги с земными свалками не в пользу свалок космических. Здесь, у нас под боком, все отбросы спокойно лежат. В Космосе скорости космические. Агрессивный мусор, прямо скажем. Опасный для космонавтов. И ведь были уже предупреждения. Еще в 1983 году песчинка менее одного миллиметра в диаметре оставила серьезную трещину в иллюминаторе «Шаттла». От встречи с более крупными объектами пока Бог миловал. Вряд ли качество подобной тактики и надежда на милость к лицу космонавтике.

В общем, проблема поставлена. Ученые понимают, что без экстренных мер планета рискует обзавестись «мусорным поясом Земли». Не исключено, что силы тяготения преобразуют его в кольцо, наподобие сатурнианского. И выглядеть издалека оно будет красиво. Только вот полеты осуществлять будет все сложнее. А ведь это космические полеты.

Полеты, пусть даже не дальние — ближайšie. Внутри Солнечной системы. Великолепна она, сама по себе...

Высота Эвереста — восемь тысяч восемьсот сорок восемь метров. Расположена в Гималаях. На местном наречии по-тибетски — Джомолунгма. Покорена шестьдесят лет назад новозеландцем Эдмундом Хилари и шерпом Тенцигом Норгеем.

А теперь не сочтите за кощунство или издевательство над зримыми символами величия Земли — попытайтесь мысленно взгромоздить друг на друга три Эвереста. Двадцать семь километров получится. Такова высота самой высокой горы в Солнечной системе. А заодно она же — величайшее горное образование и самый большой вулкан.

Назван весь «комплекс» Олимпом. В честь горы Олимп, где по преданию обитали древнегреческие Боги. Что ж, вынужденные по какой-то причине покинуть земную обитель громовежец Зевс и его компания место нашли более чем достойное. По аналогии с Эверестом и Джомолунгмой название Олимпа на наречии аборигенов сказать не можем. Ибо расположились горные гиганты не на нашей планете. А марсианского языка никто из землян пока не знает.

Тем не менее, заметен вулкан даже с Земли. Пятно выделялось на общем фоне и было известно как «Снега Олимпа». Но это не дубликат полярных шапок. Нечто особое.

Как же такое чудо оказалось на Марсе? На планете — по размерам второй с конца. Явно не гигант. Но самая высокая возвышенность досталась ему. В связи с чем?

Не может вулкан размером с Олимп существовать на Земле. Причина — движения тектонических литосферных плит. Оно малозаметное. Но упрямо ползут плиты. Год за годом, сантиметр за сантиметром. И такая «малость» обязательно разрушила бы Олимп. На Марсе нет тектонических плит. Но вулкан сравнительно молод. Посему возобновить активность, начать извергаться Олимп может в любой момент.

Земные альпинисты хорошо знакомы с нехваткой воздуха при штурме высоких гор. Избаловались они. Давление на вершине Эвереста — целых 32% от показателей на уровне моря. А вот на вершине Олимпа этих процентов всего двенадцать. Вряд ли даже выносливые и безотказные шерпы смогут помочь будущим марсианским альпинистам. И это один из самых прискорбных фактов. Ведь не посмотреть собственными глазами, а такого нигде больше не увидишь. К тому же в поле зрения попадает лишь часть вулканических красот. Остальное будет скрыто. Из-за кривизны планеты — за горизонт уйдет. Так что гораздо удобнее любоваться одним из чудес (не света даже — Солнечной системы) с орбиты. Иначе что толку. Если смельчак из будущего окажется в высшей точке — склон тоже уйдет за горизонт. Пропорции равнин и вершин на Земле и Марсе различны, но те и другие поразительно красивы и загадочны.

Жаль, не удалось обнаружить неземную жизнь там, где искали. Но это еще не значит, что ее нет вообще. Вот, например, крошечный спутник Сатурна Энцелад. Всего-то пятьсот километров в диаметре. На некоторых фотографиях хорошо видны струи (газовые? реактивные?), рвущиеся от поверхности в пространство. Очень похоже на взлетающие космические корабли... Такую возможность безоговорочно исключать не стоит. Хотя, скорее всего — огромные гейзеры. Но помечтать приятно.

Самый крупный спутник той же планеты Сатурна обзавелся именем в соответствии с габаритами — Титан. Но не этим уникален. Только на нем, кроме Земли, конечно, вода плещется прямо на поверхности. Других спутников, обладающих плотной атмосферой, нет. Уникальные эти особенности, вкупе с другими фактами, не позволяют безоговорочно отрицать наличие неведомых форм жизни. Скепсис наивен и недалковиден.

А вот крупнейший спутник Нептуна славится другим. Он движется в направлении, обратном вращению планеты. Его орбита — идеальная окружность, что тоже является исключением из правил. По одной из гипотез приливное воздействие Нептуна на Тритон разогревает и планету, и спутник. Много теплее там, чем должно было быть. Обнаружены озера, правда, замороженные. Но покрыты они не метановым или аммиачным льдом, скорее всего — водяным. Вот почему ученые не исключают, что из-за приливов на Тритоне в течение миллиардов лет здесь могла существовать жизнь.

А теперь присмотримся к Юпитеру, к его Галиллеевым спутникам. Их четыре — все открыты Галилео Галилеем. Отсюда и объединяющее их назва-

ние. Самый крупный, причем не только среди четырех собратьев, но и во всей Солнечной системе — Ганимед. Вода там есть. Атмосфера хоть и слабая, но содержит кислород. С магнитными полями все в порядке. И еще поражают тектонические пейзажи, похожие на земные. И хоть рангом выше спутника он не поднялся, по размерам в два раза превзошел планету Меркурий. Но вот только есть ли жизнь на нем — вопрос открытый.

Зато о самом маленьком из юпитерианских спутников — разговор особый. Мал-то он мал — размером с Луну. Но название у него родное — Европа. Этот спутник Юпитера полностью покрыт слоем воды. Суши здесь нет вообще — океан все забрал себе: часть льдом укутал, что-то оставил незамерзшим. Океан глубокий — до сотни километров. На Земле такого нет. Вспомните одиннадцатикилометровой глубины лужицу — Марианскую впадину. И еще вспомните, где на Земле зародилась жизнь, с каким трудом выползла на сушу, как нелегко осваивалась. Причем далеко не худших своих представителей в Океане оставила. Дельфинов, к примеру. Головоногих моллюсков — приматов моря. Об их разумности ученые вспоминают часто.

Так что, может, увлеклись мы поиском разума не там, где следует. Около далеких звезд ищем. На планетах земного типа. А может, не будем их идеализировать? К спутникам родных планет внимательней присмотримся.

Кто знает, может, однажды услышим в срочном информационном выпуске: «Европа обитаема! На ней обнаружена жизнь! На Европе — спутнике Юпитера!»

Владимир ГОЦУЛЕНКО

ПОД ПСЕВДНИМОМ «ДРУГ»

Как руководитель штурмовых отрядов СА всеми силами способствовал возвышению Гитлера, а затем его... падению

Одна из самых расхожих фраз в отношении фюрера, но и одна из самых спорных, возведенная некоторыми историками в незыблемый постулат, звучит так: «В Германии не было серьезной оппозиции Гитлеру». Но вся история НСДАП — это непрерывная цепочка разного рода эпизодов внутривнутрипартийной борьбы за власть.

Среди самых значимых «раскольников» и «бунтарей» — Вальтер Штеннес, пользовавшийся в свое время полным доверием Адольфа Гитлера и превратившийся со временем в его ярого антагониста...

Соратники по оружию

...Генерал Эрх Людendorff в мюнхенском предместье Людвигсхехе поселился совсем недавно, возвратившись из краткосрочной вынужденной эмиграции в Швецию. Два года назад, в сентябре 1918 года, когда всем стало ясно, что Германия находится в глубоком коллапсе и поражение неминуемо, он, генерал-квартирмейстер Генштаба, отдал приказ: несмотря ни на что, продолжать вести боевые действия. И это его волевое решение посчитали самоуправством!.. Расплата последовала молниеносно: его, заслуженного генерала, принудили к отставке... И, проклиная лживых, малодушных политиканов за сговорчивость с вчерашними противниками, он ушел... Чтобы теперь вернуться и самому заняться политикой. Благо появилась сила, а главное, люди, которые способны возродить Великую Германию, придать ей мощное ускорение...

Размышления прервал стук в дверь. На пороге стоял стройный, подтянутый двадцатипятилетний молодой человек в форме гауптмана полиции.

— Я рад видеть вас, майн либен Вальтер! — Людendorff сделал приветственный жест. — Я хочу познакомить вас с одним интересным типом...

— Типом? — недоуменно переспросил гауптман Штеннес. — Кого вы имеете в виду, герр генерал?

— Его зовут Адольф Гитлер. Австриец. Настоящая его фамилия — Шикль-грубер. Воевал на Сомме и получил дозу иприта, извините за столь мрачный каламбур, под Ипром. Был дважды ранен. Имеет Железный крест. Да, его еще произвели в ефрейторы.

— Ефрейтор? — Вальтер Штеннес даже не пытался скрыть свое разочарование.

Но генерал, казалось, не заметил ироничной интонации своего визави:

— Поверьте, у него огромный потенциал. Я хорошо разбираюсь в людях. Буду предельно краток. Командование военного округа Мюнхена назначило герра Шикльгрубера сотрудником пресс-бюро политического управления и поручило ему важную миссию: собрать материал о Рабочей партии Германии. Смею заверить, вы мало знаете об этой, с позволения сказать, партии. Она малочисленна. Пока... Но главное состоит в том, что эти «пролетарии» стоят на позициях возрождения страны в границах 1913 года. Выступают за чистоту германской расы. И что немаловажно — ненавидят евреев, этих адептов русских большевиков... В общем, я хочу познакомить вас с этим Шикльгрубером-Гитлером. Смею думать, знакомство будет обоюдно полезным.

— Яволь, герр генерал! — вытянулся по стойке смирно полицейский гауптман. — Ваш приказ...

— Это не приказ, майн либен. — Эрих Людендорф дружески приобнял посетителя. — Это начало великого дела...

Юный «Старик»

Вальтер Франц Мария Штеннес родился 12 апреля 1895 года в Фюрстерберге, в Вестфалии. И хотя род его был славен аристократическими предками, познавшими военную славу в междоусобных «выяснениях отношений» между многочисленными германскими государствами-княжествами, отец, бывший офицер, занимал скромную чиновничью должность. Но влиятельные родственники, на чьем авторитете зиждилось существование и благополучие семейства Штеннесов, все же имелись. Дядей Вальтера был Генрих Брюнинг, канцлер возникшей в 1919 году на осколках империи Веймарской республики. Еще один дядя — Его преосвященство кардинал Йозеф Шульте — являлся архиепископом Кельна.

Позже Вальтер Штеннес писал, что его детство, заметим, пропитанное милитаристским духом, «было исполнено счастья», поэтому он «и вырос счастливым человеком». После четырехгодичного начального курса в «простой народной школе» Вальтера отправляют в престижный Королевский прусский кадетский корпус в Бенсберге. Затем — учеба в не менее именитой «кузнице» офицерских кадров — в военной академии Лихтенфельде.

В августе 1914 года, получив лейтенантские погоны, Штеннес отправился на войну, в Третий вестфальский пехотный полк. Уже в первый месяц пребывания на фронте в Бельгии лейтенант Штеннес был ранен. За безрассудную храбрость двадцатилетнего паренька сослуживцы стали уважительно называть «Стариком». Здесь, на фронте, теперь уже обер-лейтенант Вальтер Штеннес свел близкое знакомство с обер-лейтенантом, летчиком легендарной эскадрильи «Красного барона» Манфреда фон Рихтгофена, бывшим однокашником по кадетскому корпусу Германом Герингом, «крестоносным» храбрцом, имевшим в своем послужном списке 22 победы над воздушными асами стран Антанты...

Впрочем, несмотря на наличие в германской армии таких вот героев, война закончилась позором. Увешанный наградами и повышенный в звании до гауптмана Вальтер Штеннес демобилизовался...

Страна, пережившая горечь поражения, революцию, разруху, безработицу, голод, представлялась пехотному гауптману растерзанной, изнасилованной женщиной, неспособной более нормально существовать... Но с этим нужно было научиться как-то жить...

Обладая боевым опытом, Штеннес вместе с такими же, как он, молодыми людьми «потерянного поколения» организовывает под предлогом необходимости приграничной охраны добровольческий военизированный отряд («Волонтерская кампания Штеннеса»). Насчитывая пять сотен молодых рабочих, студентов и демобилизованных, как и он сам, фронтовиков, а также вооруженный несколькими минометами и легкими орудиями, Добровольческий корпус не только отслеживал забастовочные процессы в шахтерском крае — Бохольте, Дюссельдорфе и Мюнстере, но самым активным образом вместе с полицией участвовал в подавлении прокоммунистических выступлений. Воевал отряд Штеннеса и с так называемой Рурской красной армией...

Тогда-то опытного командира заметил генерал Ганс фон Сект. Личность эта по-своему любопытна. Военный до мозга костей, он вместе с тем был достаточно ловким дипломатом. По условиям Версальского мирного договора, Германии возбранялось иметь даже некое подобие современной дееспособной армии. И тогда фон Сект, замыливая глаза победившему «Сердечному соглашению», приступает к созданию рейхсвера, прообразу будущей боеспособной армии. Отвергнутая «высшим обществом» стран-победителей в мировой войне Германия нашла неожиданного союзника-изгоя — советскую Россию. У них даже был общий враг — Польша Юзефа Пилсудского, представлявшая потенциальную угрозу для обеих стран.

Первые контакты между бывшими ярыми противниками состоялись в 1920 году. С советской стороны их вдохновенным инициатором был записной кремлевский критикан и юморист, человек, еще с недавних, дореволюционных, времен располагавший некими «интимными» контактами с германским Генеральным штабом, Карл Радек. Немецкую сторону представлял Ганс фон Сект. По тайному сговору между «ситуативными союзниками» в Россию направлялись немецкие офицеры с опытом Первой мировой. Там они совершенствовали свой профессионализм в военных академиях, училищах, на всевозможных курсах, где перенимали советский способ ведения боевых действий, тактику современного боя. В свою очередь, германские инженеры знакомились с новинками военной техники, осваивали новое секретное вооружение РККА.

Нелишним будет сказать и о том, что связующим звеном между руководством Красной армии и рейхсвера был представитель Разведупра Генштаба РККА Иосиф Уншлихт, а в дальнейшем, ввиду особой значимости «спецпроекта», руководитель советской военной разведки Ян Берзин. Вполне логично, что со временем контакты между военными дали импульс тайным и вполне плодотворным взаимосвязям военных разведок — Разведупра и абвера...

Итак, подыскивая компетентных и, главное, умных офицеров, генерал Ганс фон Сект предложил гауптману Штеннесу ответственную должность в штабе своей полузаконной армии. Но тот неожиданно для генерала отказался. И тому были свои веские причины. Еще летом 1919 года решением министерства внутренних дел и федерального министерства обороны в Берлине была создана Полиция сил безопасности, которой вменялось обеспечение пра-

вопорядка в условиях фактической гражданской войны. Личный состав ново-созданного полицейского департамента формировался из лучших высококвалифицированных работников бывшей имперской политической полиции. Вальтер предпочел довести до конца начатое дело: очистить страну от коммунистов и агентов Коминтерна.

Первого августа 1919 года бывшему армейскому гауптману присваивают соответствующее полицейское звание, и теперь гауптман политической полиции Вальтер Штеннес принимает под свое командование 8-ю роту спецназначения.

А потом был путч Каппа–Лютвица против веймарской демократии. Штеннес, выступив поначалу на стороне заговорщиков, вовремя переориентировавшись и увидев угрозу со стороны леворадикальных сил, принял участие в его ликвидации. «Левая угроза» настолько захватила сознание образцового полицейского, что летом 1920 года Вальтер Штеннес организовал тайную праворадикальную организацию, в которую вошло около полусотни бойцов его спецроты. Они не только проводили теоретические «ночные бдения», повышая свой идейный уровень, но и проходили своеобразную «практику»: учили физические расправы над, как им казалось, недостаточно патриотически настроенными соотечественниками.

Вот тогда-то и состоялся разговор между генералом Эрихом Людендорфом и гауптманом Вальтером Штеннесом...

Неуправляемый неофит

Вальтер Штеннес хорошо изучил досье на Адольфа Шикльгрубера, рожденного 20 апреля 1889 года в городе Браунау-на-Инне в Австро-Венгрии. Гауптман полиции обнаружил запись, согласно которой поименованный Адольф Шикльгрубер с сентября 1919 года являлся осведомителем мюнхенской полиции. Но не это поразило офицера. Документы гласили, что австриец получил задание... собрать сведения о политической группе, именовавшей себя Германская рабочая партия и которая буквально на днях, в феврале 1920 года, была переименована в Национал-социалистическую немецкую рабочую партию (НСДАП). То есть аналогичное заданию, полученному от военных. О чем и рассказывал Штеннесу генерал Людендорф! А еще Штеннес прочел в бумагах полиции об интимном друге герра Шикльгрубера — некоем отставном пехотном гауптмане Эрнсте Реме, который обеспечивал связь этой партии с высокопоставленными офицерами рейхсвера и непоименованными «источниками финансирования»...

В это время случился инцидент, положивший конец полицейской карьере гауптмана Штеннеса. Тогда покончил жизнь самоубийством фельдфебель роты спецназначения, отвечавший за секретный денежный фонд подразделения, из которого финансировались услуги тайных информаторов и агентов. Аудит выявил недостачу на сумму около 200 тысяч марок. Газеты разразились сенсациями. «Рота спецназначения выполняет несвойственные ей функции политической контрразведки!» — писали «левые» журналисты. Более умеренные, либеральные, сообщали о том, что на складах и в казармах роты гауптмана Штеннеса хранится неучтенное оружие и амуниция. Но главное обвинение состояло в том, что «спецназовцы» замечены «в неправильных

политических симпатиях», которые потенциально могут нанести урон существующему государственному строю.

В начале 1922 года подразделение полицейского спецназа было расформировано, а самого Вальтера Штеннеса уволили из полиции с «волчьим билетом».

Вначале он подвизался в роли коммивояжера металлургической компании Ломана. Затем предпочел заняться «практическим делом» — «черного рейхсвера», массовой военизированной структуры, созданной в обход Версальского договора 1919 года, призванной в будущем стать основой полноценной германской армии. Уже к сентябрю 1923 года «черный рейхсвер» насчитывал четыре полка (12 тысяч бойцов), четыре отдельных батальона (6 тысяч человек) и несколько специальных отрядов (автомобильных, железнодорожных и других). Одновременно Штеннес участвует в организации штурмовых отрядов. К концу 1920-х годов численность подчинявшихся лично ему штурмовиков составляла 36 тысяч хорошо вооруженных человек. (Кстати, первым руководителем СА был давний знакомец Штеннеса — Герман Геринг.) Кроме того, Вальтер Штеннес назначается Гитлером руководителем НСДАП Северной Германии и получает от него чин оберфюрера СА.

Их часто можно было видеть за совместными обедами в ресторане берлинского отеля «Сан-Суси» на Линкштрассе. А на послеполуденный чай, аналог британского «файф-о-клока», Вальтер неизменно приходил со своей невестой Хильде.

Однако идиллия между ними длилась недолго. Первое серьезное разногласие произошло из-за отказа Штеннеса принять участие в организованном Гитлером и Людендорфом «пивном путче». Тогда в течение двух дней — 8 и 9 ноября 1923 года — Адольф Гитлер и его сторонники попытались силой оружия совершить государственный переворот, но авантюра была пресечена, как и предполагал Вальтер Штеннес, полицией. А Гитлер попал в тюрьму...

Выйдя из заключения, будущий «фюрер немецкой нации» вновь возобновляет дружеские посиделки с «милым Вальтером», который в то время «подрабатывал» службой в отделе информации министерства обороны. Гитлер настаивает: Штеннес должен стать членом его партии. Но только через два года, решая для себя вопрос «с кем быть?» (с левыми, правыми, центристами), тот решился вступить в НСДАП. Но с одним условием: он не будет «свадебным генералом» на пиру рвавшихся к власти нацистов. Весной 1927 года Вальтер Штеннес заявил Гитлеру: «Если вы назначите меня командиром группировки СА-Ост, я пойду с вами»...

Головная боль «милого друга»

С первых дней членство Штеннеса в национал-социалистической партии ознаменовалось конфликтами с командиром берлинских штурмовых отрядов Куртом Далюге и с влиятельным руководителем партийной организации Берлин-Бранденбург Йозефом Геббельсом, будущим министром пропаганды Третьего рейха. Узвзленный независимым поведением Штеннеса Геббельс публично упрекал его в том, что он «не умеет срывать маски с евреев».

Гитлер и слышать не хотел об участии представителей СА в выборах в рейхстаг. Иного мнения был оберфюрер Вальтер Штеннес, считавший, что именно штурмовики были подлинной элитой партии, а не примитивным «пушечным мясом».

Конфликт назревал с необратимостью селевого потока. «Я должен быть честным, — вспоминал Штеннес. — Я противопоставил себя Гитлеру не из-за его жестокости. Я оказался в открытой оппозиции к нему в 1930 году — более чем за два года до создания первых концлагерей. Отторжение возникло на основе многочисленных бесед с ним, моих знаний о так называемом руководящем корпусе...».

В книге «Противники Гитлера в НСДАП» немецкий историк Вернер Бройнигер пишет: «В августе 1930 года, в разгар жизненно важной для НСДАП предвыборной кампании в рейхстаг, Штеннес потребовал выдвижения трех руководителей СА кандидатами в рейхстаг... Штеннес получил ярлык склочника и бонзы. Он критиковал низкую оплату тяжелой службы по ведению предвыборной борьбы, при том, что только штурмовики жертвовали здоровьем за движение»...

Доведенные до «последней черты» берлинские штурмовики принимают радикальное решение: отстранить от власти руководство НСДАП. 30 августа несколько десятков групп вооруженных бойцов СА направились к берлинской штаб-квартире партии. После ожесточенной стычки с охранявшими партийную канцелярию эсэсовцами Геббельса спасла только вовремя подоспевшая к месту конфликта полиция. А разозленные штурмовики, набив морды «эсэсменам», издали коммюнике, где особо отмечалось: «Мы не во всех вопросах согласны с коммунистами, но на выборах отдадим свои голоса КПГ, так как это подлинно рабочая партия».

В связи с серьезностью ситуации, способной существенно повлиять на раскол в нацистском движении, в Берлин прибыл Адольф Гитлер. После напряженных переговоров в кассу берлинских СА поступили значительные денежные суммы. А для себя Гитлер понял: сбрасывать со счетов Штеннеса и его «компанию» будет верхом близорукости. Они становились все более серьезной и самостоятельной политической силой, способной обособиться в отдельный политический проект. По данным внутренней разведки НСДАП, Штеннес не особенно скрывал свои политические амбиции на лидерство в партии. Пытаясь проводить свои собственные «игры», он установил «дружеские отношения» с руководителями центристских партий и католическими кругами Германии. Кроме того, как писал один из историков, «Вальтер Штеннес придерживался модных социалистических идей. В фашизме он на первое место ставил социализм. Считал, что капиталистов необходимо заставлять делиться».

Враг моего врага — мой друг

Со временем вместе с Отто Штрассером, возглавлявшим левое крыло НСДАП, Штеннес образовал «Союз революционных национал-социалистов», более известный под названием «Черный фронт». Программа этого нового политического движения включала в себя и такие «прокоммунистические» пункты, как национализация банков, крупных концернов и земли.

Человек, безусловно, начитанный, Штеннес, вслед за немецким философом Артуром Мюллером ван ден Бруком, считал, что «каждый народ имеет свой собственный социализм». Импонировало ему и высказывание французского философа, марксиста, теоретика революционного синдикализма Жоржа Сореля: «Есть столько же социализмов, сколько великих наций».

Без сомнения, об умозаклчениях Вальтера Штеннеса докладывал в московский Центр, руководству Иностранного отдела ОГПУ, работник политической полиции, а заодно и советский агент Вилли Леман («Брайтенбах»). Не осталась «раскольническая» деятельность лидера СА и без внимания журналиста и издателя антифашистского журнала *Der Gegner* («Противник»), в будущем одного из руководителей знаменитой «Красной капеллы» Харро Шульце-Бойзена («Старшина»). Неоднократно встречался со Штеннесом и левый журналист, агент советских разведорганов Рихард Зорге (будущий знаменитый «Рамзай»)..

Основываясь на донесениях своей агентуры, в Москве сделали меркантильные выводы: Штеннеса стали рассматривать как альтернативный вариант Гитлеру. В связи с такой гипотетической возможностью берлинская резидентура ИНО ОГПУ инициировала проведение с ним нескольких зондажных встреч.

По-видимому, об этих потугах советских спецслужб что-то стало известно вновь созданной по инициативе Гитлера СД, службе безопасности НСДАП. В мемуарной книге «Лабиринт» один из бывших руководителей Главного управления имперской безопасности (РСХА) Вальтер Шелленберг писал: «Я просмотрел документы о Зорге... Зорге поддерживал тесные контакты с многими агентами Коминтерна, известными нашей разведке. Кроме того, в двадцатые годы он был в хороших отношениях с националистскими, праворадикальными и национал-социалистскими кругами, в том числе со Штеннесом, одним из фюреров СА... Мы знали, что Штеннес... поддерживал тесные связи с «Черным фронтом» Отто Штрассера. Кроме того, Гейдрих подозревал его в заигрывании с русскими...» Поразительно, но руководитель РСХА Рейнхард Гейдрих имел все основания считать Штеннеса советским агентом. Об этом в своих воспоминаниях признался бывший руководитель разведывательно-диверсионных служб НКВД-НКГБ СССР Павел Судоплатов, который писал, что Штеннеса «привлекли к сотрудничеству» в 1932 году. Позднее в документах советской внешнеполитической разведки появилась следующая запись: «Разрабатываются антигитлеровские оппозиционные круги внутри Германии и за границей. С одним из представителей этих кругов... установлен в настоящее время контакт, получено принципиальное согласие на совместную работу».

А пока Йозеф Геббельс в своей газете *Angriff* с ведома, а скорее, по указанию Гитлера напечатал пасквиль, в котором обвинил Штеннеса в «политическом шпионаже внутри НСДАП». О «политическом шпионе» при первой же возможности говорил и сам будущий фюрер. В ответ на обвинения руководитель берлинских СА подал в суд «за клевету». Во время процесса, широко освещавшегося в прессе, Адольф Гитлер оправдывался: «Я всего-навсего считаю, что любой, кто противостоит мне и моему движению, является платным агентом Коминтерна». Иск был удовлетворен...

Как писали российские историки-соавторы Александр Колпакиди и Дмитрий Прохоров, «Гитлер решил использовать ситуацию в своих интересах: показать свое миролюбие, чтобы не отпугнуть от себя и других региональных нацистских вождей и заручиться поддержкой канцлера Брюнинга (ближайшего родственника Штеннеса) и стоявших за ним деловых кругов. Фюрер предложил Штеннесу продолжить «совместную борьбу». Но тот не принял предложение Гитлера. Напротив, он начал переговоры с различными правонационалистическими объединениями, в том числе с Танненбергским союзом

генерала Людендорфа, группой Никиша, крупными промышленниками, требовавшими обеспечить в Германии порядок и стабильность. На их деньги Штеннес начал издавать собственную газету «Рабочие, крестьяне, солдаты», организовал антигитлеровский союз — Национал-социалистическое боевое движение Германии...

Друзья познаются в... борьбе

Гитлер вызывает из боливийского далека преданного ему лично человека, являвшегося военным советником местного правительства, — Эрнста Рема. Новый руководитель штаба СА был призван вести «борьбу против революционных элементов на севере Германии», то есть против Штеннеса и его сподвижников. Конечно, личность Рема, известного своими нетрадиционными сексуальными наклонностями, вызвала настоящий шок у штурмовиков. Да и ортодоксальные наци были не в восторге.

Гитлер успокаивал соратников: «Частная жизнь не может быть предметом дискуссий, когда перед нами стоят другие задачи». Сам же Штеннес, узнав о новом назначении старого знакомого, провидчески предостерег Рема: «Я знаю, что Гитлер призвал вас, чтобы нейтрализовать мое влияние и избавиться от меня. Но я предупреждаю: когда ему представится подходящий случай, он уберет и вас».

Тогда Рем уклонился от ответа, но Штеннес словно в воду глядел: в июне 1934 года, после того как на встрече с руководителями штурмовых отрядов Рем заявил: «Штурмовики не будут чистить улицы для благородных джентльменов!», Адольф Гитлер принял окончательное решение. По его приказу «милый друг» Эрнст Рем и вся верхушка штурмовиков будут ликвидированы самым беспощадным образом.

В «ночь длинных ножей», как говорил сам фюрер, выступая в рейхстаге 13 июля 1934 года, был расстрелян 61 мятежник, среди которых 19 руководителей штурмовиков, еще 13 человек погибли «при сопротивлении аресту», а трое покончили с собой. Всего — 77 высокопоставленных командиров СА. Кроме них погибли еще около 100 рядовых членов штурмовых отрядов. Различными способами были уничтожены высокопоставленные чиновники, обладавшие какими-либо компрометирующими документами в отношении фюрера. Абсурдно, но среди жертв погрома оказался и эсэсовец Отмар Тойфль, который (здесь мы предвосхищаем свой рассказ) после ареста Вальтера Штеннеса жестоко выбивал из него свидетельства о «подготовке покушения на Эрнста Рема» и «контакты с советским посольством». Тойфль был расстрелян по безапелляционному обвинению: «соратник Вальтера Штеннеса»...

На Нюрнбергском процессе 1946 года были приведены иные цифры жертв «ночи длинных ножей»: нацистами было уничтожено 1076 соотечественников...

Между тем, красочно используя революционную фразеологию, Штеннес явно стремился взять власть в НСДАП в свои руки. «Политическое руководство насытило революционную энергию СА буржуазно-либеральным духом, — писал он. — Оно принимает меры, болезненно задевающие жизненный нерв штурмовых отрядов. И уж если так обошлись с СА, то стоит ли ожидать, что такое руководство проникнется бедами всего народа?.. Мы, борющиеся с

оружием в руках за дело нашей победы в 1918, 1920 и 1923 годах, оказались обманутыми».

И здесь следует отметить, что подобные взгляды находили отклики в сердцах рядовых членов штурмовых отрядов. Один из них писал в геббельсовской газете «Атака»: «Мы не сомневаемся в том, что Штеннес приведет СА к победе, так как они вместе сражаются за немецкий народ, за немецких рабочих, против системы, построенной на лжи»...

Может быть, и сбылись бы чаяния бойцов СА, но 30 января 1933 года президент Германии Пауль фон Гинденбург назначил Адольфа Гитлера канцлером... Нацисты пришли к власти... Вполне легитимно и мирно. А не через бунт и кровь, к которым призывал Вальтер Штеннес, остававшийся для нового руководителя страны настоящей головной болью: убеждения опального оберфюрера разделяли двенадцать тысяч его соратников.

Развязка наступила в мае 1933 года. Полиция арестовала Вальтера Штеннеса в его охотничьем домике в Макленбурге. Узнав о происшедшем, красавица жена Штеннеса Хильде, обладавшая немалыми связями в аристократических кругах, пробилась на прием к «боевому побратиму» мужа министру-президенту Пруссии, группенфюреру СС Герману Герингу, который декретом от 26 апреля инициировал создание государственной тайной полиции, гестапо. Выслушав взволнованную женщину, «наци номер два» тут же отдал указание макленбургским полицейским о том, что они «лично несут ответственность перед ним за безопасность Штеннеса». Скорее всего, Штеннеса сразу бы «пустили в расход», но Герингу удалось переубедить Гитлера от принятия столь радикального решения судьбы бывшего его друга. Заступничество столь высокого функционера НСДАП повышало популярность и авторитет в первую очередь самого Геринга в глазах армейского офицерства.

Позднее Вальтер Штеннес вспоминал: «Геринг в любом случае спас мне жизнь. Я так до конца и не понял почему. Он был, как и я, офицером и учился в кадетском корпусе на два класса старше меня — другой причины его благосклонности я не вижу. Полагаю, втайне он разделял многие мои взгляды, хотя и не высказывал никогда ничего подобного».

Возможно, хотя в это трудно поверить, «ларчик открывался просто». Дело в том, что еще в 1920-е, годы сотрудничества между рейхсвером и Красной армией, Герман Геринг проходил стажировку в секретной летной школе для немецких летчиков в Липецке. Там он, без преувеличения, до безумия влюбился в местную первую красавицу Надежду Горячеву. Их отношения продолжались длительное время. И даже когда ее любимый Гера, так девушка называла Германа, стал рейхсмаршалом авиации гитлеровской Германии, письма от него продолжали приходить. Вплоть до 22 июня 1941 года. Так, может быть, зная о контактах Штеннеса с «большевиками», «толстый Герман» сознательно постарался сохранить ему жизнь? В память, так сказать, о русской любви...

Усилиями могущественного группенфюрера СС Штеннеса содержали не в казематах гестапо, а в следственном изоляторе «Колумбия-хаус» на территории аэропорта Темпельгоф, принадлежащего СС. Здесь, несмотря на то, что со многими своими тюремщиками бывший оберфюрер СА был знаком по прежней совместной деятельности, его подвергали жестоким издевательствам и имитациям расстрела. Протестуя против моральных и физических пыток, Штеннес вскрыл себе вены...

А за тюремными стенами разворачивалась борьба за сохранение его жизни. С просьбой о «помиловании» к Гитлеру обратились дядя Вальтера — архиепископ Кельнский кардинал Йозеф Шulte, папский нунций и президент страны Пауль фон Гинденбург. И Гитлер сдался: «Штеннес может уехать, если представит свидетельство о зачислении на службу за пределами Европы».

Поначалу Геринг предложил ему укрыться в Швейцарии, но затем представилась иная возможность. В сентябре 1933-го в Китай отправлялась группа немецких офицеров-контрактников. В ее составе, спасаясь от неминуемых репрессий, был еще один старый знакомый — генерал Ганс фон Сект. Ярый противник нацизма, он, будучи депутатом рейхстага, выступал с уничтожительной критикой национал-социализма. И теперь, опасаясь преследований, фактически бросился в вынужденные объятия Чан Кайши, который предложил старому вояке заняться реорганизацией его армии. Фон Сект, всегда симпатизировавший Штеннесу, обещал свое посильное покровительство во время их будущей службы в Китае. Не остался в стороне и генерал Эрих Людендорф: он передал главе гоминьдановского правительства рекомендательное письмо с просьбой «принять деятельное участие» в судьбе «боевого офицера Вальтера Штеннеса».

Вместе с женой и дочкой на Дальний Восток отправился и кузен Вальтера, Фриц Беринг.

В напутственном слове Герман Геринг сказал: «До границы (с Нидерландами) вас будет сопровождать полицейский чиновник. На случай вот вам три единицы оружия. Вы можете посетить отца, но не дольше получаса. Чем быстрее вы покинете Германию, тем будет лучше для нас всех». Видимо, Геринг знал, о чем говорил. Неподалеку от Магдебурга на скорости 75 километров в час у автомобиля внезапно лопнула задняя ось... А Гитлер еще долго удивлялся: как это Штеннесу удалось благополучно выбраться за пределы «фатерлянда»...

Китайская карта

В начале 1920-х годов лидер партии Гоминьдан Сунь Ятсен озаботился созданием собственных современных вооруженных сил. В этой связи в феврале 1923 года он посылает в Москву своего начальника Генерального штаба Чан Кайши. В результате переговоров советское руководство (прежде всего Троцкий и Бухарин) дало согласие на предоставление военной помощи, центром которой стала база Гоминьдана в Гуанчжоу. Уже в следующем году на острове Хуанпу (на кантонском диалекте его название звучит как «вампу») была организована военная академия Вампу во главе с Чан Кайши, куда прибыли многочисленные советские «советники».

После кончины в 1925 году Сунь Ятсена Чан Кайши становится безоговорочным лидером Гоминьдана. Вступив в должность главнокомандующего Национальной революционной армией, он возглавил Северный поход. Главный военный советник Чан Кайши В. Блюхер рассказывал, что неуверенность верховного главнокомандующего проявлялась при первой же военной неудаче. Несколько раз, когда противнику удавалось нанести удар Национальной революционной армии и перейти в наступление, Чан Кайши пытался бежать с фронта. Не раз его чуть ли не за руки держали, не допуская бегства...

Восточная хитрость всегда помогала ему успешно лавировать между тремя вражескими лагерями: японскими агрессорами, местными националистами и компартией Китая.

Принцип «двойных стандартов» Чан Кайши применяет и в международных отношениях. Стремясь заручиться поддержкой ведущих государств, он использует средневековый метод «монархических браков» по расчету. Одного из своих сыновей, Цзян Вэйго, он отправляет в Мюнхен, где тот впоследствии станет танкистом вермахта, а второго, Цзян Цзинго, — на учебу в Москву.

Несмотря на кажущееся благополучие, сын Чан Кайши служил заложником политики своего отца в отношении Советского Союза.

Старый «Друг» лучше новых...

Прибыв в резиденцию Чан Кайши в декабре 1933 года, Штеннес вручил лидеру Гоминьдана рекомендательное письмо от своего доброго «ангела-хранителя» — Эриха Людендорфа.

Внимательно ознакомившись с бумагами, Чан Кайши обратился к протезе немецкого генерала: «Вы будете приписаны к моему личному штабу и будете заботиться о моей персональной безопасности. Вам надлежит подготовить мою охрану по образцу прусской гвардии».

В течение короткого времени «Вальтер Скотт» (такой псевдоним Вальтер Штеннес получил в гоминьдановских спецслужбах) вырос по должности до начальника «европейской информационной службы», по сути, руководителя разведки.

Чан Кайши был доволен его работой. Он даже был обязан ему жизнью, когда в конце 1936 года один влиятельный и амбициозный армейский генерал арестовал генералиссимуса в Маньчжурии. Без лишнего шума Штеннес вместе с супругой Чан Кайши Сун Мэйлин (кстати, младшей сестрой жены Сунь Ятсена) оперативно «развязал» сложную проблему...

В силу своей должности советник китайского политика проводил немало времени в Шанхае. Этот город являлся средоточием резидентур всех наиболее влиятельных стран, с которыми Штеннес наладил деловые контакты, пополняя, таким образом, свое личное портмоне. Наиболее тесные отношения у доверенного лица Чан Кайши сложились с представителями британской и американской разведок.

Здесь с конца 1920-х годов обосновался вместе со своей группой и советский разведчик Рихард Зорге. Как уверял в своих мемуарах Павел Судоплатов, в штабе Чан Кайши Штеннес «регулярно встречался с Зорге». Помимо бывшего штурмовика «Рамзай» контактировал с другими немецкими советниками Чан Кайши. Среди которых — генерал фон Сект и генерал Александр фон Фалькенхаузен, который в 1944 году принял участие в июльском заговоре против Гитлера.

И мало кто знает, что Вальтер Штеннес также оказывал посильную помощь в разработке плана устранения фюрера, поддерживая связи со своими давними приверженцами в Германии. В первую очередь с бывшим начальником Генерального штаба Германии генерал-полковником Людвигом Беком, который «благословил» полковника Штауффенберга организовать покушение на Гитлера. И это при том, что помилованный «бунтовщик» был под постоянным

пристальным вниманием представителей РСХА в советническом аппарате Германии в Китае. Согласно некоторым источникам, даже супруга генералиссимуса была агентом СД и следила за Штеннесом. Вместе с тем представитель гестапо в Японии Йозеф Майзингер поддерживал с бывшим оберфюрером СА теплые дружеские отношения. Вот такие метаморфозы...

Вальтер Штеннес инициирует возобновление контактов с советской внешней разведкой НКВД.

В январе 1939-го работник шанхайской резидентуры НКВД Николай Тищенко (В. Рошин) получил от агента «Генриха», одного из немецких военных советников при штабе вооруженных сил Гоминьдана, сообщение: контакт с советским представителем усиленно ищет начальник личной охраны и разведки Чан Кайши Вальтер Штеннес. Тищенко немедленно сообщил об этом в Москву, откуда пришел категорический приказ, лично одобренный Сталиным: немедленно произвести предварительный зондаж инициатора.

14 марта 1939 года Тищенко пришел на квартиру «заклятого друга фюрера». В ходе продолжительной беседы Штеннес заявил то, что от него, по сути, и ожидали: «Моя главная цель — свергнуть Гитлера и создать демократическую Германию, но не коммунистическую и не социалистическую... Как руководитель разведки Чан Кайши я обмениваюсь информацией с резидентами разведок США, Англии и Франции. Я мог бы на джентльменской основе делиться сведениями и с Советским Союзом... За все, что я буду вам передавать, я прошу только одного: помочь мне проехать в Европу через СССР, когда для этого наступит время...» Этого было вполне достаточно... Отныне Штеннес стал проходить в документах ИНО НКВД под псевдонимом «Друг».

Уже летом 1939-го, с начала вооруженного конфликта между Японией и СССР в районе Халхин-Гола и Хасана, Штеннес передал важные сведения о японской 6-й армии. Через год японцы стали муссировать слухи о «вмешательстве СССР во внутренние дела Китая». Тогда «Друг» провел пресс-конференцию для аккредитованных при китайском правительстве Чан Кайши журналистов из разных стран, дезавуировав утверждения японской стороны. Репортаж об этом был опубликован в «Правде» 3 июня 1940 года. Выступая в качестве пресс-атташе, Штеннес опроверг сообщения о «большом количестве советских командиров и политруков» в армии Китая, а также особо подчеркнул, что в ее рядах «сейчас нет иностранцев»...

В один из зимних дней 1941 года на своей шикарной вилле во французском квартале Шанхая Вальтер Штеннес принял нового посланца Москвы. Им был опытный советский нелегал Василий Зарубин. До войны он вместе с супругой-разведчицей Елизаветой находился в Германии, где у них на связи пребывало несколько ценных агентов. Таких, как сотрудник гестапо Вилли Леман («Брайтенбах») и член СС, работник германского МИДа «Вальтер».

Тогда на встрече, пишет историк советской разведки и сам бывший чекист Владимир Антонов, «Штеннес сообщил, что, по сведениям крупного чиновника, только что прибывшего из Германии, выступление Гитлера против СССР практически подготовлено. Нападение следует ожидать в ближайшее время». Через несколько дней он уточнил: до 25 июня... В дальнейшем, сообщает Антонов, «„Друг” держал Москву в курсе герmano-японских отношений, замыслов Берлина и Токио, касающихся СССР и Китая. Весьма

большое значение имели его прогнозы относительно перспектив вступления Японии в войну против СССР на стороне Германии. „Друг“ поставил в известность своего куратора об аресте разведывательной группы Рихарда Зорге». После ареста «Рамзая» Вальтер Штеннес стал самым ценным агентом, фактически главным резидентом советской разведки на Дальнем Востоке.

Нужно отметить, что в Берлине о «гносном предателе» не забывали никогда. Когда Гитлер окончательно понял, что Штеннес в Германию не вернется, в немецкое посольство в Китае полетела «молния», подписанная главой внешнеполитического ведомства рейха Иоахимом фон Риббентропом: «Штеннес должен быть ликвидирован!»

Опасность исходила и со стороны японской тайной полиции. И ближайший сотрудник Чан Кайши сыграл ва-банк. Он добровольно пошел на встречу с японцами... «Ваше счастье, что вы сами явились к нам, — сказали в кампентай. — Вот папка с вашим делом десятисантиметровой толщины. И мы уже приняли решение вас ликвидировать. Но ваше мужество и прямота нам понравились. Когда же вы упомянули, что и по сей день остаетесь монархистом и храните верность Дому Гогенцоллернов, то задели нас за живое. В этом есть что-то от самурайской преданности».

Нам — «Друг», но истина дороже

Когда война уже подходила к концу и неизбежность краха нацизма была предрешена, в московский Центр пришла шифровка из Китая, в которой говорилось о целесообразности включить Вальтера Штеннеса в работу антифашистских организаций, созданных в СССР — «Свободная Германия» и «Свободные офицеры». Но кто-то «важный» и влиятельный в НКВД анонимно, по-другому и не скажешь, «наложил» резолюцию: «Источник переоценивает личность Штеннеса. Он уже не такая крупная фигура, чтобы его местопребывание влияло на политику и взаимоотношения государств».

Зато американцы из Управления стратегических служб (УСС) оценивали бывшего крупного функционера СА и начальника разведки Чан Кайши вполне адекватно.

После окончания войны на Дальнем Востоке и Тихом океане они потребовали немедленной экстрадиции Штеннеса, после того как он неожиданно для многих отказался заклеить позором бывших национал-социалистов, сотрудничавших с японцами в Шанхае. Пришлось вмешаться самому Чан Кайши, который обезопасил своего подчиненного от гипотетических репрессий, включив его в члены Китайской военной комиссии. Однако работники УСС не оставляли надежды заполучить такой ценный источник информации. О чем в 1947 году сообщил Штеннес при личной встрече с оперработником шанхайской резидентуры Роговым. Он рассказал, что американцы предложили ему работать на них во вновь создаваемой немецкой разведке («ведомстве Рейнгардта Гелена») в Пуллахе. Для советской разведки открывалась прекрасная перспектива иметь своего «крота» в западногерманском «шпионском гнезде», но Берия почему-то ответил отказом. В итоге в 1948 году Штеннес вместе с остатками армии Чан Кайши эвакуировался на остров Тайвань, успев через свою жену оставить своему куратору Рогову берлин-

ский адрес для возможного возобновления контакта в случае его возвращения в Германию...

В середине июня 1949 года Вальтер Штеннес пересек германо-голландскую границу через пограничный пункт под Гронау, том самом, где шестнадцать лет назад он простился с родиной. Не слишком информированный писатель Эммануил Казакевич в одном из своих антимилитаристских памфлетов писал, что «на американском военном самолете прибыл в Германию из далекого Китая Вальтер Штеннес, когда-то фюрер берлинских штурмовиков... знаменитый погромщик и убийца. В последнее время он работал начальником личной гвардии Чан Кайши. Бежал он из Шанхая за несколько часов до прихода туда китайской Народной армии. Американцы вывезли его на самолете, а британский верховный комиссар в Германии сэр Брайан Робертсон дал ему пропуск на въезд в английскую зону».

Действительно, вместе с семьей Штеннес поселился в английской зоне оккупации Германии. Его супруга Хильде после гибели отца получила крупное наследство и потому имела возможность бывать в Берлине по делам оформления прав. А Вальтер с головой ушел в политику, восстановив старые связи и обзаведясь новыми.

«С конца 1951 года «Друг» начал выпускать еженедельный информационный бюллетень по вопросам внешней и внутренней политики, распространявшийся среди крупных промышленников и банкиров, — писали авторы «Очерков истории российской внешней разведки». — Цель, которую при этом преследовал Штеннес, состояла в экономическом возрождении Германии и ее полном отказе от милитаризации». В то время «один из западногерманских журналов обрушился на Штеннеса с серией статей, обвиняя его в том, что он пытается создать в Германии «социал-имперскую» партию, а также якобы является агентом службы безопасности ГДР».

Тогда журналисты ошибались: к гэдээровской «Штази» Вальтер Штеннес никакого отношения не имел. А вот в 1952 году вновь установить контакт с представителями КГБ СССР попытался. Он снова проявил готовность сотрудничества с органами советской разведки и предложил свои услуги. Однако Штеннес настойчиво говорил на зондажных встречах о работе на ПГУ КГБ только «на чисто немецкой основе», то есть в «национальных интересах Германии». При этом он, как и раньше, продолжал заявлять о неприятии коммунистической идеологии для своей страны. Исходя из «идеологически вредной» позиции бывшего «Друга», в Москве приняли твердое решение: связь с этим слишком активным «антикоммунистом и националистом» прекратить...

Последние годы жизни бывший оберфюрер СА и агент советской разведки проживал в городке Люденшайд (земля Северный Рейн-Вестфалия), где и умер 18 мая 1989 года...

Владимир КОЛПАКОВ

ЛЕГЕНДА О ФАУСТЕ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Научный смысл слова «современность» здесь и далее по тексту обозначает эпоху, начавшуюся с возвышения Запада в Новое время. В том же значении будут использованы термины «модернити», «эпоха модерна», «модерн», «современное общество», если при этом контекст употребления будет одинаков. В повседневном смысле «современность» — синоним слова «сегодняшний день», который в данной статье не используется.

Среди многих предпосылок, способствовавших рождению современности, особое место занимает Просвещение. Именно Просвещение заложило фундаментальные основы новой цивилизации, построенной на идеях разума, который «освободил» человека от средневековых традиций, верований, привычного уклада жизни, т.е. от всего, на чем держался его прежний мир, предложив взамен новое видение мира, в котором человеку отводилось теперь центральное место.

Манифест нового цивилизационного и модернизационного проекта

Своеобразный манифест цивилизационного проекта Запада, в котором власть и могущество человека реализуются посредством науки, представлен в яркой литературной форме в «Фаусте» И.В. Гёте. Возможно потому, что Гёте сам был универсальным человеком, и научные изыскания составляли часть его интеллектуального наследства, ему удалось столь точно воплотить важнейшие черты западной цивилизации и модернизационного пути к ней. Не случайно человек первого модерна получил нарицательное название «фаустовский тип» человека, страстное желание которого «власть, собственность, преобладанье. Мое стремление — дело, труд»¹. Над ним больше не доминирует Небо, его преобразовательская деятельность направлена на «здешний мир», в котором «что надо знать, то можно взять руками»².

На окружающий мир Фауст смотрит глазами повелителя, имеющего ясный цивилизационный план, а также волю для его воплощения, поскольку теперь все, что не дело его рук, то несовершенно, по определению, и даже есть зло. «Царю природы, мне была обидна дерзость произвола: свободный дух не

¹ Гёте И.В. Фауст. — М., 2012. — С. 392.

² Там же. С. 440.

терпит зла»³. Вода, стихия ветра и спокойствие скал вызывает у него одно желание — исправить случайность природы, внеся в нее разумный порядок. «Разбушевавшуюся бездну я б страстно обуздать хотел. Я трате силы бесполезной хотел бы положить предел»⁴.

Самое поразительное для нашего современника качество нового человека Запада — это вечное беспокойство, ориентированность на дело, стремление трудиться изо всех сил. Фауст только что открыл для себя новый смысл жизни и горит желанием поделиться своим открытием со всем миром. Возможно поэтому в советское время известные всем слова Гёте о том, что «лишь только тот, кем бой за жизнь изведен, жизнь и свободу заслужил»⁵, преподносились как манифест советского человека. Освобождение в труде, в великих делах были идеей не только первого модерна, но и социализма. Фаустовский тип — это тип человека, смысл жизни которого — деятельность преобразования, изменение мира, создание нового мира. Это — человек, который оттолкнул от себя Небо, а его притязания на власть и могущество бесконечны, несмотря на его собственную конечность. Чувство сопричастности к великому замыслу, который он считает теперь призванным воплотить, замещает ему вопрос о конечной цели его существования, вопрос о смысле, о свободе универсального бесконечного человека.

Удивителен выбор Фауста для приложения своих сил. Когда весь мир перед ним и Мефистофель предлагает ему на выбор любое место на Земле, согласно контракту между ними, Фауст указывает на обширную болотистую равнину, образованную морскими приливами и солончаками, лежащую между морем и высоким скалистым берегом. Изумленный решением Мефистофель не может осознать грандиозность и размах притязаний Фауста, который мыслит теперь в категориях освоения всего мира, всей природы, а не отдельного уютного места для проживания. «Болото тянется вдоль гор, губя работы наши вчуже, но чтоб очистить весь простор, я воду отведу из лужи»⁶.

В этот «цивилизационный проект» Фауст намерен стянуть миллионы «на девственную землю нашу»⁷. (И это говорит европейский человек, живущий в Германии XVIII века.) «Внутри по-райски заживется... Трудясь, борясь, опасностью шутя, пускай живут муж, старец и дитя. Народ свободный на земле свободной»⁸. Но черты новой цивилизации пугающе знакомы уже из нашего недавнего прошлого — времен ускоренной модернизации в ее российском варианте. Рай Фауста — это жуткий трудовой лагерь. «Вставайте на работу дружным скопом! Рассыпьте цепью, где я укажу. Кирки, лопаты, тачки землекопам! Выравнивайте вал по чертежу! Награда всем, несметною артелью работавшим над стройкою плотин! Труд тысяч рук достигнет высшей цели, которую наметил ум один!»⁹.

³ Гёте И.В. Фауст. — С. 392.

⁴ Там же. С. 393.

⁵ Там же. С. 444. Эта фраза более известна в России в другом переводе: «Лишь тот достоин жизни и свободы, кто каждый день идет за них на бой».

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Там же. С. 441.

Кажется, ничто не может остановить преобразовательный порыв Фауста. Однако это не так. Для движения вперед новой цивилизации требовалось избавиться со всей решительностью от всего, что ограничивает разум, сковывает его планы. Когда Мефистофель вновь возвращается на «морской пустырь», выбранный Фаустом, он, конечно же, поражен произошедшими за время его отсутствия переменами, рукотворной гаванью, причалами, видом многочисленных кораблей на рейде. Однако он находит Фауста огорченным тем, что произведенные им преобразования локальны, т.е. они осуществлены только «здесь», и это сильно его расстраивает. «Отвратительное “здесь”! Вот в чем одном и ужас весь!»¹⁰. Западный цивилизационный проект направлен на весь мир, что Гете объясняет (как никто другой) отчетливо и что подтверждается дальнейшими притязаниями на преобразование всего мира со стороны Запада. Поэтому не случайна сложившаяся антиномия «Запад — не-Запад», на протяжении пятисот лет дающая себя знать, периодически обостряющая стремление Запада отстаивать свой «проект» в незападных странах, равно как стремление последних защищать свою правоту и право на собственное видение. Это — суть цивилизационного проекта Запада.

«Нет впереди границ к успеху», — жалуется Фауст Мефистотелю¹¹. Ему мешает уютный дом двух старых людей, что расположился на высоком берегу, обнесенный липовым садом, и небольшая часовня вблизи дома. «Мне говорят колокола, что план моих работ случаен, что церковь с липами цела, что старикам я не хозяин»¹². Последняя просьба Фауста к Мефистофелю — уничтожить дом и прогнать стариков. «Сопротивляясь, эти люди мрачат постройку торжество. Они упрямы до того, что плюну я на правосудье»¹³. Старики сгорели заживо в домике, как и липовый сад, как и церковь, подожженные подручными Мефистофеля.

Новая цивилизация, построенная на идеях разума, освобождала человека от всего, на чем держался его маленький и уютный мир, предлагая взамен новую утопию цивилизационного продвижения по всей Земле. Вместе с тем замысел Гете наполнен высокими гуманистическими идеалами, поскольку в центр мира он ставит человека, вполне осознавшего свою силу. Судьба человечества и весь мир отныне подчинены его творческим возможностям и воле. Фауст — символ новых возможностей и судеб европейского, западного человека и предостережение против демиургического злоупотребления ими. Наука послужила инструментом реализации этой утопии, как и государство, как и рыночная экономика.

Роль науки в цивилизационном проекте Запада — проекте модерна

Науку Нового времени часто обвиняют в том, что, превратившись в источник развития производительных сил, именно она способствовала возвышению инструментального разума над нравственным началом в человеке. Вместе с тем,

¹⁰ Там же. С. 431.

¹¹ Там же. С. 429.

¹² Там же.

¹³ Там же. С. 432–433.

ретроспективно осмысливая первый либеральный модерн и формирование его предпосылок, занявшее несколько веков, нельзя не заметить фундаментальное значение науки для западной цивилизации и ее участие в модернизации Запада. Она создавала новые каноны рациональности, расширяла сферу познано-го, изменяла материальную и городскую среду человека, и во многом изменяла его самого посредством трансформации общества. Нам представляется, что анализ процессов, характерных для первого модерна, может оказаться полезным для объяснения модерна, в котором мы живем, в частности, поможет понять место науки в модернизационном проекте нашего общества.

Какую роль играла наука в первом модерне? М. Вебер одним из первых попытался объяснить формирование западной цивилизации посредством распространения научной рациональности как формирующей особый тип культуры Запада и распространяющей его цивилизационную специфику на все сферы жизни. Он подчеркивал, что естествознание приняло форму, которую можно было обнаружить только здесь: «...лишь Западу известна рациональная и систематическая, то есть профессиональная, научная деятельность, специалисты-ученые в том специфическом современном смысле, который предполагает их господствующее в данной культуре положение, прежде всего в качестве специалистов-чиновников — опоры современного западного государства и современной западной экономики»¹⁴.

Работа Вебера «Протестантская этика и дух капитализма» написана в самом начале XX века. К этому времени связки «наука — общество», «наука — государство» и «наука — экономика» уже отчетливо проявились. Если научная деятельность представляла образцом рациональности, то в ее распространении на все сферы жизни общества Вебер отводил центральную роль государству: «Вообще “государство” как политический институт с рационально разработанной “конституцией”, правом и ориентированным на рационально сформулированные правила, на “законы”, управлением чиновников-специалистов в данной существенной комбинации решающих признаков известно только Западу, хотя начатки всего этого были и в других культурах»¹⁵. Вебера интересовало возникновение капитализма. К основным факторам его развития, помимо протестантизма, он причислял новую научную культуру и культуру государственного управления. Рационализация различных сфер человеческой деятельности — это не только феномен Запада. Однако принципиально важным является то, какие сферы жизни при этом подвержены изменению путем рационализации: «...вопрос вновь сводится к тому, чтобы определить своеобразие западного, а внутри него современного западного рационализма и объяснить его развитие»¹⁶.

По существу, Вебер сформулировал методологически важный принцип, позволяющий понять рационализацию как процесс диффузии одной из культур (для Запада — научной культуры) в жизненно важные сферы всего социального тела. Он рассматривал рациональную деятельность внутри опреде-

¹⁴ Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. — Ивано-Франковск, 2002. — С. 6.

¹⁵ Там же. С. 7.

¹⁶ Там же. С. 15.

ленной (научной) культуры, носителем которой является научный этос, опирающийся, в частности, на определенные практики и нормы этой культуры. В какой-то момент одна из культур в социуме начинает возвышаться и распространяться на другие жизненно важные сферы общества. Однако Вебер не дает ответа, почему это произошло с научной рациональностью.

Воспользуемся идеей Вебера о диффузии культур и попытаемся понять, в результате чего произошло распространение научной культуры и возвышение института науки, которое наблюдалось на протяжении XVI–XVIII веков. Обратимся к истокам, к рождению науки Нового времени. Выдающаяся отечественная исследовательница Л.М. Косарева показала, что в противоположность распространенному мнению о происхождении науки путем обращения к опыту, к эмпирии, методология науки Нового времени рождалась в XVII веке как противодействие эмпирической установке, идущей от Аристотеля и укорененной в средневековой схоластике: «Новый... концептуальный комплекс, в формирование которого внес огромный вклад Галилей (механистическая концепция материи, методология экспериментализма и вероятностная концепция естественного знания), был пронизан совершенно новой ценностной установкой преобразования действительности, десакрализирующей непосредственно данный мир очевидности»¹⁷.

Л.М. Косарева особо настаивает на необходимости различать два методологических принципа при исследовании происхождения нового естествознания — эмпиризм и экспериментализм. «Важно, — писала она, — что экспериментализм появляется вначале не как чисто научная методология, а как новая общекультурная установка»¹⁸. Окружающий человека мир представлял утратившим гармонию и справедливость. Суть новой установки экспериментализма состояла в том, что человеку подвластно вернуть природе и обществу совершенство путем привнесения собственного замысла, ее преобразования и усовершенствования.

Экспериментализм заимствовался новой наукой из поля универсалий культуры и постепенно вытеснял методологический принцип эмпиризма. Экспериментализм предполагал развитие преобразующей мир науки.

Современные исследования позволяют обнаружить, что именно экспериментализм, присущий новой науке, был отправной точкой роста интереса к ней со стороны государства, что хорошо видно на примере Англии. Как известно, с конца XVI века начинается колонизация новых земель. Запад расширяет свои границы. На новых территориях англичане обнаруживают удивительное разнообразие местных народов и культур. Появляется практическая необходимость осваивать эти территории, управлять ими. Но для правительства все это предстает неким «белым пятном» с непонятным населением, непонятной культурой и территорией. В этот момент на исторической сцене появляется У. Петти (1623–1687), соединивший в своих сочинениях политическую философию с научным принципом экспериментализма. По мнению английского исследователя П. Кэрролла, подробно проанализировавшего процесс форми-

¹⁷ Косарева Л.М. Рождение науки Нового времени из духа культуры. — М., 1997. — С. 337–338.

¹⁸ Там же. С. 325.

рования новой правительственной практики в Англии в период XVII–XVIII веков, основанной на принципах новой науки, Петти стал своего рода Робертом Бойлем политической философии, открыв ее новую парадигму¹⁹. Ему принадлежала выдающаяся роль в распространении практики новой инженерной науки на политическую сферу. Первой и самой значительной «живой лабораторией» («политическим животным», по выражению Петти, по аналогии с лабораторными животными) для Англии стала Ирландия. Впоследствии этот опыт был распространен на управление другими колониями. Но в XVII веке люди и земля Ирландии послужили полигоном, на котором отрабатывались западные идеи колонизации как цивилизационной миссии для варварских народов. Миссия включала идеологию улучшения и инженерного переконструирования, перенесенную из экспериментального естествознания. Она соответствовала модернизационно-цивилизационному проекту Запада, обсуждаемому выше. «Я утверждаю, — пишет Кэрролл, — что Ирландия дает нам особенно показательный случай того, каким образом современный институт науки и правительственное управление были прикованы друг к другу экспериментальными проектами и практиками инженерной культуры»²⁰. При этом следует отчетливо понимать, что речь идет не об эксперименте и экспериментализме в самой науке, а об эксперименте, проводимой наукой над обществом, — социальном эксперименте.

С конца XVII века вновь созданный союз государства и науки на территории Западной Европы укрепляется и расширяется. По мере трансформации самих государств в период первого и второго модерна роль науки в этом союзе менялась. Но именно в ходе обозначенного Кэрроллом эксперимента с Ирландией обретает прочность союз между наукой и государством, «а потому, — говорит этот исследователь, — между наукой и обществом через идею “сплетения науки и государства”»: онтологически плотной, многогранно переплетающейся, разнородной, и в то же время сообщающейся между собой природы современной науки и природы современного правительственного управления»²¹.

В цивилизационно-модернизационном продвижении союз науки и государства стал реальностью, которая преобразила как государства, так и науку. Но подчеркнем еще раз тот факт, что «господдержку» получила «инженерная наука» (в терминологии Кэрролла). Наука, как и государство, могла изменять, улучшать мир и овладевать им. Эти институции не задавались вопросом «зачем?», в чем смысл происходящего, а наоборот, исходили из сформированного в западном цивилизационном проекте — проекте модерна — смысла, ибо их задача была в том, чтобы привнести его повсюду — в общества Запада и распространить на весь остальной мир.

¹⁹ Carroll P. *Science, Culture, and Modern State Formation*. — L., 2006. — P. 52–80.

²⁰ Там же. С. 26.

²¹ Там же. С. 4.

Борис ЮДИН

ИНДИВИДУАЛЬНОЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ СУЩЕСТВОВАНИЕ И ЕГО ПОГРАНИЧНЫЕ ЗОНЫ

Пограничные зоны человеческого существования

Современное взрывоподобное развитие биомедицинских технологий делает извечный философский вопрос о том, что такое человек, вполне прагматическим вопросом нашей повседневной жизни. С ним приходится сталкиваться не только исследователям, занимающимся разработкой новых биотехнологий, но и рядовым гражданам, которым так или иначе приходится с ними соприкасаться.

Для начала обратимся к понятию предельной, или пограничной, ситуации. Это понятие носит междисциплинарный характер, оно широко используется как в естественных, так и в гуманитарных науках. Существуют такие предельные ситуации, когда мы оказываемся на границе между двумя средами. Очевиднейший пример — переход воды из одного агрегатного состояния в другое, скажем, из твердого в жидкое (таяние льда). В термодинамике подобного рода превращения называют фазовыми переходами.

Если рассматривать такой переход без излишней детализации, так сказать, с высоты птичьего полета, то мы различим лишь некоторый скачок — то, что было куском льда, через какое-то время превратится в определенный объем жидкости. Но более пристальный взгляд позволит увидеть немало интересного, того, что с величайшим вниманием и тщательностью изучается во многих областях естествознания (коль скоро речь идет о природных явлениях). Фазовый переход — это обычно процесс быстротечный, характеризующийся нестабильным состоянием системы. Важное следствие такой нестабильности заключается в том, что зависимость между интенсивностью входных воздействий на систему и ее реакциями на эти воздействия бывает нелинейной, так что относительно слабые воздействия могут вызывать весьма серьезные последствия, вести к кардинальным изменениям состояния системы.

С аналогичными явлениями приходится иметь дело и в науках, изучающих человеческое общество и его историю. И здесь мы фиксируем такого рода «фазовые переходы», когда относительно стабильное существование социального организма сменяется периодом быстрых и резких, революционных изменений. В таких условиях нестабильности вполне возможно, что какие-то про-

цессы, протекающие на микроуровне, повлекут глубокие последствия, которые проявятся в весьма заметных, вплоть до самого глобального, масштабах.

Необходимо специально подчеркнуть это обстоятельство: и в естественных, и в социальных системах слабые возмущения, происходящие на стадии фазового перехода, способны вызывать значительные изменения. Принимать во внимание специфику переходных процессов важно не только при изучении таких систем, но и при поиске эффективных технологий воздействия на них. Именно в этом во многом и заключены основания быстро растущего в современной науке внимания к такого рода состояниям и ситуациям. В свою очередь, повышенным интересом к открывающимся здесь технологическим возможностям определяются приоритетные направления научного познания и самих таких систем и состояний.

Сказанное о переходных ситуациях применимо и к человеку. Сегодня он все чаще оказывается объектом самых разных воздействий, осуществляемых с помощью соответствующих технологий¹. Есть все основания утверждать, что создание новых, все более эффективных технологий воздействия на человека стало в наши дни одной из наиболее значимых тенденций научно-технического прогресса. А это значит, что особое внимание привлекают те самые пограничные зоны, в пределах которых технологические вмешательства могут быть особенно результативными.

Но, далее, применительно к познанию человека такие пограничные зоны значимы еще и потому, что обращение к ним позволяет нам лучше понять, что есть человек. Ведь именно в предельных ситуациях зачастую наиболее отчетливо проявляются какие-то определяющие черты интересующего нас объекта. В данном же случае нас будут интересовать такие предельные ситуации, которые представляют собой грань между собственно человеческим существом и тем, что таковым не является. Сделав такие предельные ситуации своего рода точками отсчета, мы можем попытаться увидеть, что такое человек, с одной стороны, как бы находясь внутри этого человеческого, а с другой — глядя на него извне.

Чрезвычайно обильным поставщиком таких предельных ситуаций применительно к человеку являются сегодня биомедицинские технологии. Они особенно активно развиваются и используются для осуществления таких манипуляций в пограничных зонах, которые чреватые самыми разными возможностями. Именно то, что биомедицинские технологии внедряются в такие зоны, во многом и делает сегодня особенно актуальным вопрос о том, что такое человек, определяет, если угодно, специфические формы постановки и осмысления этого вопроса.

Вот несколько примеров того, как появление новых технологий заставляет задумываться над тем, что такое человек. Принятая в 1997 году Советом Европы «Конвенция о защите прав человека и достоинства человеческого существа в связи с использованием достижений биологии и медицины: Конвенция о правах человека и биомедицине» стала первым юридически обязывающим документом, призванным регулировать создание и применение биомедицин-

¹ Юдин Б.Г. Человек в обществе знаний // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 2010, № 3. — С. 65–83.

ских технологий. Согласно статье 1 этого документа, раскрывающей его объект и цель, «Стороны настоящей Конвенции обязуются при использовании достижений биологии и медицины защищать достоинство и индивидуальность *каждого человеческого существа* и гарантируют *каждому*, без дискриминации, уважение целостности и неприкосновенности его личности и соблюдение других прав и основных свобод»² (курсив мой. — Б.Ю.).

Как видно из содержания этой статьи, ее смысл самым существенным образом зависит от того, что будет пониматься под «человеческим существом» и «каждым» (человеком). А между тем Конвенция не дает определения понятий «человек» и «человеческое существо». В этой связи в Пояснительном докладе, дающем толкования положений Конвенции, отмечается: «В Конвенции не дается определения термина “каждый” (во французском языке “*toute personne*”). Эти два термина эквивалентны и употребляются в английском и французском вариантах Европейской конвенции о правах человека, в которой, однако, тоже нет их определения. В отсутствие единодушия среди государств — членов Совета Европы относительно определения этих терминов было принято решение, что для целей применения настоящей Конвенции их определение отдается на усмотрение национального законодательства стран»³. Таким образом, Совет Европы не взял на себя смелость давать юридически обязывающее определение понятий «человек» и «человеческое существо».

Еще один пример. Линда Гленн, американский специалист по биоэтике, несколько лет назад заметила: «За последние годы произошло несколько научных достижений, которые прежде мы относили к области научной фантастики. От переноса клеточных ядер до беременности вне организма, от чипов, имплантируемых в мозг, до трансгенных организмов, от киборгов до химер — таковы следующие шаги в нашей собственной эволюции. Будущие открытия, вероятно, изменят наше понимание того, “что есть человек”. Сегодня патентовать человеческие существа нельзя, но само понятие “человеческого существа” еще должно быть определено судами или законодателями»⁴. Я согласился бы с этими словами, но с одним уточнением: на мой взгляд, определение этого понятия требует участия не одних только юристов и законодателей, но более широкого круга экспертов, в том числе и философов.

Далее речь пойдет о некоторых пограничных зонах индивидуального человеческого существования, в отношении которых будет уместно задаваться тем же самым вопросом. По мере того как мы приближаемся к какой-либо из таких пограничных зон, так сказать, изнутри, у нас становится все меньше оснований с определенностью утверждать, что мы все еще имеем дело с человеком. А когда мы пересекаем внешнюю границу этой зоны, то получаем право уверенно утверждать, что «это» — уже не человек. Находясь же внутри пограничной зоны, мы лишены четких ориентиров, позволяющих однозначно решать, имеем ли мы дело с человеком или нет. С этой точки зрения можно говорить о пограничных зонах как о зонах неопределенности.

² URL: <http://www.conventions.coe.int/Treaty/en/Treaties/Html/164.htm>

³ URL: <http://www.conventions.coe.int/Treaty/EN/Reports/Html/164.htm>

⁴ Glenn L.M. When Pigs Fly? Legal and Ethical Issues in Transgenics and the Creation of Chimeras // The Physiologist, Vol. 46. № 5. October 2003. — P. 251.

Человек между жизнью и смертью

Итак, каковы же эти зоны? Первая зона — это зона, которая располагается между жизнью и смертью индивидуального человеческого существа. Вторая зона предваряет рождение индивидуального человеческого существа. Именно эти две зоны будут основным предметом нашего рассмотрения в данной статье. Третья зона разделяет (или, может быть, соединяет?) человека и животное. Еще одна зона, тоже, может быть, разделяющая, а может быть, объединяющая человека и машину.

В каждой из этих зон, если мы начинаем внимательно в нее всматриваться, обнаруживаются весьма интересные, зачастую бурные процессы, которые люди мало-помалу начинают контролировать с помощью биомедицинских технологий. Оказывается, что видевшееся при поверхностном взгляде как мгновенный переход, предстает теперь как целая цепь взаимосвязанных явлений и процессов, а на месте того, что казалось нам точечным событием, обнаруживается обширная область, в пределах которой биомедицинские технологии позволяют осуществлять разного рода манипуляции.

Один из примеров подобных манипуляций, относящийся к первой из обозначенных выше пограничных зон, — это постановка такого диагноза, как «смерть мозга». Смерть мозга фиксируется тогда, когда мозг перестал функционировать, причем необратимо. Дело, однако, в том, что современные биомедицинские технологии позволяют в течение довольно длительного времени, исчисляемого часами и днями, поддерживать в организме какие-то биологические процессы и функции. Если пациент подключен к аппарату искусственной вентиляции легких, то у него может поддерживаться дыхание и кровообращение, при том, что сердце и легкие свои функции не выполняют. Это такое искусственное состояние, которое природа сама по себе не обеспечивает. А коль скоро мы научились вызывать и поддерживать это искусственное состояние, то оказывается, что с организмом, находящимся в таком состоянии, можно производить различные манипуляции.

Прежде всего, возможность сохранять жизнь человека в условиях, когда естественное кровообращение и дыхание прерваны, означает, что те состояния, которые прежде ассоциировались со смертью, теперь оказываются в существенных пределах обратимыми. А тем самым и смерть человека отодвигается, так что при наших попытках ответить на вопрос «что такое человек?» мы уже не можем так легко и просто указывать в качестве одного из неотъемлемых признаков наличие самопроизвольного дыхания и (или) кровообращения.

Но, более того, создаются технологии, направленные на то, чтобы, с одной стороны, обеспечивать это искусственное прерывание кровообращения и дыхания, останавливая нормальное функционирование сердца и легких, и, с другой стороны, напротив, искусственно же запускать их нормальное функционирование.

Возможность осуществления таких манипуляций свидетельствует о том, что пограничная зона между жизнью и смертью человеческого существа расширяется, причем не столько в физическом, сколько в технологическом

смысле. Еще одна сфера ее расширения связана с использованием органов и тканей пациента, у которого поставлен диагноз смерти мозга, для аллотрансплантации, т.е. их пересадки другим пациентам. С принятием этого критерия только и стало возможным изымать из тела человеческого существа, у которого поставлен диагноз смерти мозга, такие органы, как сердце, легкие, печень. Ведь извлечение этих органов из тела живого пациента, т.е. того, у которого смерть мозга не диагностирована (и не оформлена юридически), будет квалифицироваться как убийство. А коль скоро такой диагноз поставлен, то изъятие этих, и не только этих, но и многих других, органов и тканей становится вполне приемлемой манипуляцией: изъятые органы и ткани могут быть использованы в терапевтических целях — для того, чтобы помочь другим пациентам.

Появление и последующее расширение зоны манипуляций в пространстве между жизнью и смертью порождает и множество проблем морального порядка, изучением которых занимается биоэтика. При этом, как показывает развитие биоэтики, довольно редко проблемы, которые ее интересуют, получают окончательное, устраивающее всех решение. Как правило, эти проблемы, относятся ли они к донорству и пересадке органов, к возможности отключения пациента от жизнеподдерживающих устройств, к допустимости тех или иных генетических тестов или же вмешательств в гены человека и т.д., снова и снова становятся ареной столкновения противоборствующих позиций, неустанного поиска приемлемых решений. И одним из главных оснований, на которые опираются предлагаемые нами решения, как раз и является наше понимание того, «что такое человек?». Можно ли считать, что существо, у которого диагностирована смерть мозга, уже перестало быть человеком, если учесть, что мы можем наблюдать воочию многие признаки биологического функционирования его организма?

Очевидно, нашими поисками ответа на этот вопрос руководит вовсе не праздное любопытство, а вполне практические соображения. Ведь когда мы говорим, что это вот существо — человек, тем самым мы не просто фиксируем какие-то объективные показатели, которые позволяют поставить диагноз смерти мозга. Мы еще и выражаем нашу ценностную позицию, на основании которой и определяем, какие манипуляции будут морально приемлемыми, а какие — нет. И постольку, поскольку у людей бывают разные, порой диаметрально расходящиеся ценности, в таких ситуациях бывает очень непросто найти решение, которое удовлетворило бы всех.

Как мы видим, все начинается с того, что создаются биомедицинские технологии, позволяющие бороться за продление человеческой жизни, за то, чтобы отодвинуть какие-то состояния, которые раньше были терминальными, чтобы человеческая жизнь могла продолжаться дальше. Едва ли кто-то будет спорить, что цель, которая при этом преследуется, — самая благая. А затем, когда эти технологии уже начинают применяться, обнаруживаются и какие-то новые возможности, которые вначале не были видны. И в результате открываются такие пути развития, такие траектории, которые порождают не только новые возможности, но и новые морально-этические проблемы.

Зона репродукции

Перейдем теперь к другой пограничной зоне — зоне, которая предшествует рождению нового индивидуального человеческого существа. Грубо говоря, этот интервал можно ограничить моментом слияния сперматозоида и яйцеклетки, с одной стороны, и моментом выхода ребенка на свет из материнской утробы — с другой. Здесь тоже в последние десятилетия очень основательно поработали биомедицинские технологии. Весь этот период, как известно, длится 28 недель, которые, впрочем, неравнозначны в отношении эффективности микровоздействий на развивающийся организм: чем ближе к начальной стадии, тем более результативны эти воздействия. Вместе с тем в ценностно-этическом отношении дело обстоит таким образом, что чем ближе к окончанию внутриутробного развития, тем, вообще говоря, морально менее допустимыми считаются внешние технологические воздействия на организм.

Следует отметить, впрочем, такое немаловажное обстоятельство. Подобно тому, как в зоне окончания человеческой жизни некоторые технологически важные воздействия приходится на то время, когда смерть уже зафиксирована, так и в зоне начала жизни многие значимые воздействия на мужские и женские половые клетки производятся еще до момента их соединения.

Нобелевскую премию по медицине за 2010 г. получил британский физиолог Роберт Эдвардс, который явился одним из отцов-основателей вспомогательных репродуктивных технологий, в частности, того направления, которое принято называть экстракорпоральным оплодотворением. И эта зона тоже оказалась предметом самого пристального интереса, как научного, так и общественного, породившего массивный поток научных исследований.

Исследования в области искусственной репродукции привели к возникновению множества новых технологий. И, естественно, с развитием таких технологий стали возникать и новые проблемы: а является ли уже человеческим существом вот это, то, с чем ученые манипулируют в пробирке, или еще не является?

Одна из таких проблем, о которой в наши дни говорят особенно много, — это проблема эмбриональных стволовых клеток. Чтобы их получить, надо, скажем так, употребить на это зарождающуюся человеческую жизнь. Или еще одна проблема: можно ли (с этической, а не с технической точки зрения — техническая возможность этого очевидна) создавать человеческие эмбрионы для исследовательских целей? В уже упоминавшейся Конвенции Советом Европы о биоэтике статья 18, часть 2 гласит: «Запрещается создание эмбрионов человека в исследовательских целях». Но, скажем, Великобритания не присоединяется к этой Конвенции, поскольку там считают, что такие манипуляции с эмбрионами в каких-то пределах допустимы. Конечно, проведение этих манипуляций регулируется, и нет такой ситуации, что «все дозволено». Нет, однако, и жесткого запрета. В Великобритании действует специальная регулирующая структура — Управление, регулирующее вопросы оплодотворения и эмбриологии человека (Human Fertilisation and Embryology Authority — HFEA). Оно занимается лицензированием и мониторингом кли-

ник искусственного оплодотворения и всех проводимых в стране исследований на человеческих эмбрионах, а также обеспечивает информирование общества по этой проблематике.

Появление технологий, позволяющих такие манипуляции, первоначально обосновывалось целью медицинской помощи супружеским парам, которые по тем или иным причинам оказываются бесплодными. Иными словами, речь шла о терапевтическом использовании этих технологий. Между тем их развитие открывало все новые и новые возможности, в том числе и отнюдь не терапевтические.

Рассмотрим в качестве примера преимплантационную диагностику. Сама ее возможность возникла тогда, когда была разработана технология оплодотворения в пробирке. Если оплодотворение происходит в пробирке, то начинает развиваться сразу несколько протоэмбрионов, которые потом могут быть имплантированы женщине для того, чтобы у нее развивалась беременность. Так вот, технология преимплантационной диагностики первоначально разрабатывалась для того, чтобы отбирать из числа этих протоэмбрионов таких, у которых нет дефектов.

А дальше события начинают развиваться по своей логике: выясняется, что можно ставить задачу не простого отбора протоэмбрионов без дефектов, а выбора того из них, который в процессе своего развития превратится в ребенка с какими-то определенными характеристиками, привлекательными для его родителей. Получается, таким образом, что к этой вспомогательной репродуктивной технологии (оплодотворения в пробирке) можно прибегать не потому, что у женщины или у мужчины какие-то дефекты репродуктивных органов, а потому, что появляется сама такая возможность селекции. Иными словами, становится практически осуществимой реализация — пока что на уровне отдельной семьи — евгенических проектов улучшения потомства. И тогда оказывается, что люди могут идти на оплодотворение в пробирке не ради терапевтических целей, а именно для того, чтобы получить возможность такого выбора.

Начинает обсуждаться следующий сюжет: допустим, эти технологии получили широкое распространение и можно производить преимплантационный отбор протоэмбрионов по таким генам, которые обеспечат высокий уровень интеллекта. В этом контексте можно помыслить сценарий из сравнительно недалекого будущего: с тех пор, как технологии такого отбора стали общепринятыми, проходит лет 20, и вот ребенок, уже юноша, который был рожден, так сказать, обычным путем, без оплодотворения в пробирке, обращается к родителям и пеняет им: «Что же вы в свое время не позаботились обо мне как следует? Все вокруг меня такие интеллектуально одаренные, такие развитые, а я один серый и ограниченный, потому что вы либо пожалели денег на оплодотворение в пробирке и диагностику, либо вообще об этом не задумывались». Возникает, таким образом, совершенно другая ситуация: технология оплодотворения в пробирке становится преобладающей, но уже не по медицинским, а по совсем иным основаниям.

Рассмотренный пример на сегодня является все-таки гипотетическим, да и сами технологии оплодотворения в пробирке и преимплантационной диагностики пока что не очень-то надежны. Есть, однако, примеры и вполне реаль-

ные, относящиеся, правда, не к преимплантационной, а к пренатальной диагностике (которая проводится уже на стадии внутриутробного развития плода). Эта технология все чаще применяется для обнаружения генетических дефектов развивающегося эмбриона, и ее возможности быстро расширяются, поскольку возрастает многообразие генетических аномалий, которые позволяет выявлять такая диагностика.

Но сегодня широкое применение пренатальной диагностики в основном связано с тем, что во многих странах она используется для селекции по признаку пола. При этом за диагностикой следует аборт, коль скоро пол будущего ребенка не удовлетворяет родителей. Известно, что обычно на 100 рождений девочек приходится 105–106 рождений мальчиков. Девочки по природе более жизнеспособны, так что к репродуктивному возрасту соотношение полов выравнивается, становится 100 к 100. А сейчас в некоторых странах (в основном в Юго-Восточной Азии, хотя не только там) это отношение доходит до 122 к 100. Значит, на 100 девочек рождается 122 мальчика. И причиной является то, что часто родители, узнав, что беременность должна разрешиться рождением девочки, прибегают к аборту.

«В большинстве стран мира закон запрещает использовать тесты на определение пола ребенка, — пишет американский биофизик, один из наиболее энергичных пропагандистов идей перехода от человека к трансчеловеку, постчеловеческого будущего Г. Сток, — для целей выбора пола, но такая практика является общепринятой. Исследование, проведенное в Бомбее, дало удивительный результат: из 8000 абортированных зародышей 7997 были женского пола. А в Южной Корее подобные аборты получили такое распространение, что около 65% детей, рождающихся третьими в семье, — мальчики, видимо, из-за того, что супруги не хотят повлечения еще одной девочки»⁵.

В Китае, где такие практики используются уже довольно долго, последствия их применения накладываются на результаты государственной политики сокращения рождаемости, основывающейся на принципе «одна семья — один ребенок». Поэтому там существует особенно сильная мотивация в пользу того, чтобы проводить пренатальную диагностику и, в случае надобности, делать аборт. И страна уже столкнулась с весьма острой проблемой: юношей, находящихся в репродуктивном возрасте, существенно больше, чем девушек, потенциальных невест. Это является источником серьезных социальных напряжений и проблем, потому что юноша, которому трудно найти спутницу жизни, будет, скорее всего, более склонен к тем или иным формам антисоциального поведения.

Вообще же следует заметить, что пограничная зона, через которую проходит рождающееся человеческое существо, является, пожалуй, наиболее чреватой этическими проблемами. Для иллюстрации можно напомнить о том, что в свое время в рамках Руководящего комитета по биоэтике Совета Европы была создана рабочая группа международных экспертов. Перед группой была поставлена такая задача: разработать юридически обязывающий документ, направленный на защиту эмбрионов и зародышей человека. Спустя несколь-

⁵ *Stock G. Redesigning Humans. Choosing our Genes, Changing our Future. Mariner Books. — Boston, New York, 2003. — P. 14.*

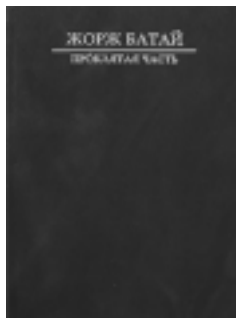
ко лет, однако, группа пришла к выводу, что создание такого документа сегодня не представляется возможным. Причина — эксперты оказались не в состоянии прийти к согласованному решению о том, с какого момента начинается человеческая жизнь. В результате группа ограничилась лишь представлением доклада, в котором были зафиксированы наиболее распространенные позиции по этому вопросу⁶.

* * *

В заключение отметим следующее. Никто не даст нам такого определения того, что есть человек, с которым мы все согласимся. К этой проблеме нам придется и будет приходиться обращаться снова и снова по мере того, как будут развиваться, все более основательно входить в нашу жизнь биомедицинские технологии. И даже если мы найдем такое определение, которое будет устраивать всех, то и оно не будет оставаться в силе на веки вечные. Это то, на что мы обречены в век столь бурного прогресса биомедицинских технологий.

⁶ См. CDBI-CO-GT3 (2003)13 (PDF) The protection of the human embryo in vitro. Report by the Working Party on the Protection of the Human Embryo and Fetus. — URL: http://www.coe.int/t/dg3/healthbioethic/texts_and_documents/default_en.asp

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ КНИГИ

ТРАНСЦЕНДЕНТНЫЕ ОСНОВЫ ЭКОНОМИИ

Батай Жорж. Проклятая часть. Сакральная социология / Перевод с французского. М., 2014. 742 с.

Тираж 2000 экз.

Издательство «Ладомир» уже в течение нескольких лет издает произведения выдающегося французского писателя и мыслителя Жоржа Батая (1897–1962). Тематика его работ простирается от законов политической экономики до интимных религиозных и эротических переживаний человека. Особенностью творчества Батая можно считать трудность его жанровой классификации. Его труды заметно отличаются от канонов академической науки.

Определяя жанр своих исследований, Батай писал о том, что труд каменщика, который занимается кладкой кирпича, можно считать самым нужным и значимым. От этой метафоры французский исследователь переходит к размышлениям о философии. Ее неотъемлемым свойством он считал нечто суммирующее. Без этого признака она никакая не философия. Философия поэтому не здание, а всего лишь стройка. Она никогда не может быть завершенной. Но ведь наука тоже находится в вечном поиске. Однако Батай полагает, что незавершенность в философии иная, нежели в науке. Наука, по определению, имеет уже множество завершенных частей. Но в то же время в ней остаются пустоты. Но если философ предлагает связную мысль, он не может ждать окончательного оформления в каждом пункте. Философ хотя и вынужден ждать, на самом деле пытается преодолеть эту пустотность. Поэтому получается, что ответ философа дается еще до разработки философии как таковой. В философии важно выяснять все до предела непосредственно данных возможностей, однако не искать окончательной оформленности. По мнению Батая, неизбежная незавершенность мысли не сдерживает движение ответа. *«Напротив, она придает ему истинность вопля о невозможном»* (с. 54).

Это предупреждение позволяет Батаю выдвинуть ряд оригинальных суждений, скажем, о соотношении морали и права. *«Власть морали остается чуждой по отношению к системе, основанной на целенаправленном насилии. Мораль затрагивает эту систему лишь в предельной точке, где она включает в себя право. И связь между ними служит тем опосредованием, через которое осуществляется переход из империи вовне и в империю извне»* (с. 80). Тема насилия является ключевой для французского философа. Она получает в его работах разностороннее философско-антропологическое и культурфилософское обоснование.

Он, в частности, толкует работы другого французского исследователя Рене Жирара, который рассматривает всякое насилие как некую избыточную психофизическую энергию, нужную для устранения из коллектива ради сохранения его существования. Насилие действует как бы само по себе, вступая в борьбу с самим человеком, который стремится избежать насилия. Избавиться от него помогает жертвоприношение. Жертва приносится ради спасения другого, более значимого для данной общности. Так, африканское племя, которое описывает Жирар, создало стадо коров, каждая из которых имеет своего двойника в человеческом коллективе. Чтобы спасти человека, на заклинание идет корова. Жертвоприношение, таким образом, является именно ритуалом, то есть последовательностью коллективных действий, имеющих символическое значение.

Фактически, считает Батай, реальный мир лишь на поверхности подчиняется сокровенному порядку. (Сокровенность — это неприкосновенность, заветность, тайность, задушевность.) *«Под суверенной властью морали все операции, призванные обеспечивать возврат этого порядка, оказываются такими, какими требует реальный мир; обширные запреты, устанавливаемые в качестве их условия, по сути дела, направлены на предохранение мира вещей от беспорядка»* (с. 89).

Это позволяет Батаю перейти к критике современного потребительского общества. Человечество давно уже вступило на путь утраты сокровенности. Люди уверены в том, что они могут построить такой мир, где производительные силы будут развиваться и создавать благополучное общество. Таким образом удастся все в больших масштабах удовлетворять потребность в материальных благах. Однако став заложником вещи как таковой, человек начал удаляться от самого себя. Этот раскол окончательно отдает его жизнь во власть процесса, который выходит из-под его власти и его управления. На этом пути значительная часть продукции, полученной в результате производства, направляется на оснащение новым оборудованием. Так, в современном обществе возникает феномен избыточности. Продукция производится практически лишь постольку, поскольку потребители готовы, трудясь в разных областях общественного производства, участвовать в общем деле развития средств производства.

Конечно, человечество право в этом выборе, в этой стратегии. В сравнении с промышленным подъемом все прочее ничтожно. Но в этом случае масса людей согласна быть низведенной до состояния вещей. Наступает такой момент, когда мир производства и сам не знает, что делать со своей продукцией. Первоначально, когда люди изготовили орудие труда, они воспринимали это орудие как идущее из другого мира, не укорененного в самой реальности. Однако возросшая роль операторных форм и развитие ремесленных приемов освободили сознание людей от этой таинственности. Батай выступает за возрождение сакральности. В этом он видит спасение человечества. *«Любое, самое грандиозное предприятие в этом мире имеет своей единственной целью излиться и всецело затеряться в легковесности мгновения. Подобно тому, как мир вещей — ничто, разрешаясь во вселенной бесполезного, так же и вся масса усилий — ничто по сравнению с легковесностью единого мига. Этот миг свободен и в то же время покорен, втихомолку занят всякими мел-*

кими операциями из страха потерять время, чем и объясняется пренебрежительный смысл слова «легковесный» (с. 98).

Батай много лет работал над поиском сакрального знания, которое могло бы изменить облик социологии или политэкономии. Однако ему приходилось объяснять, что его труд не имеет ничего общего с обычной политэкономией. Батай рассматривает факты не так, как это делают профессиональные экономисты. Сам же Батай считает, что человеческое жертвоприношение, строительство церкви или дарение драгоценностей представляет не меньший интерес, чем, скажем, продажа зерна. Так, ему приходилось объяснять парадоксальную вещь. Он отвергал принцип «общей экономики», в которой «трата» («истребление») богатств важнее, чем производство. Понятия «производительная трата» и «непроизводительная трата» встречаются во всех разделах его книги «Проклятая часть». И это различие имеет основополагающее значение.

Поначалу Батай объясняет, что такое «общая экономика». Если, скажем, нужно заменить колесо у машины, вскрыть нарыв или вспахать виноградник, то такую четко ограниченную операцию легко довести до завершения. Здесь все предметы берутся изолированно, и поэтому нет необходимости рассматривать целое, хотя колесо, нарыв или виноградник являются неотъемлемой частью этого мира. *«Непризнание человечеством материальных условий своей жизни обрекает его на глубокие заблуждения. Человечество эксплуатирует предоставленные ему материальные ресурсы, но пока оно, как ныне, ограничивает их использование лишь разрешением непосредственных проблем, встречающихся на его пути (что было поспешно объявлено им в качестве идеала), то оно ставит перед применяемыми им силами такую цель, которые те не могут иметь» (с. 115–116).*

Беда в том, что экономическая деятельность, взятая как целое, воспринимается как череда частных операций с ограниченной целью. О чем идет речь? На Земле для живой материи в целом энергия всегда в избытке. Но вопрос всегда ставится в терминах роскоши. Выбор, следовательно, сводится к разным способам расточения богатств. Энергия не может в то же время неограниченно накапливаться в производительных силах, считает Батай, она должна ускользать от нас и пропадать для нас, как река пропадает в море. Выходит, расширение роста само требует пересмотра экономических принципов — и даже пересмотра морали, на которой они основываются. В силу доказанных в книге культурфилософских положений, промышленное развитие всего мира требует, скажем, от американцев неожиданно уяснить для себя, что их экономика должна иметь возможность совершать операции, не приносящие прибыли. В современных условиях все способствует тому, чтобы скрывать фундаментальный процесс, направленный на возвращение богатства к их назначению — к дару, к безвозмездной растрате.

В классической экономике считалось, что сначала на земле существовал натуральный обмен. Но это не так. Батай описал парадоксальную систему обмена, которую осуществляли мексиканские «купцы». Она представляла собой непрерывную цепочку дароприношений. Это архаический способ обмена. Потлач, который практикуют еще и в наши дни индейцы северо-западного побережья Америки, из названного же ряда. Этнографы используют теперь

данный термин, чтобы растолковать смысл этого обычая. Потлач, как и торговля, служит средством оборота богатств. Но вот в чем неожиданность — он исключает торг. Нередко это торжественное дарение значительных богатств, который вождь передает своему сопернику. Ради получения экономической выгоды? Ничего подобного. Предполагается, что этот дар унижает соперника, бросает ему вызов. Теперь связанное подарком оскорбление следует избыть, смыть с себя унижение, принять вызов. Но как? Путем прямого оскорбления? Конечно, нет. Придется сделать подарок вождю, но такой, который превышает ценность полученного дара.

Батай полагает, что дар — не единственная форма потлача. Вызов может носить и характер утраты богатства, его разрушения. Кому это выгодно? может задаться вопросом современный экономист. Разрушение — это дар мифическим предкам. Стало быть, этот ритуал мало чем отличается от жертвоприношения. Но он обнаруживался и в более близких нам веках. Так, в некоторых племенах вождь являлся перед соперником, чтобы на его глазах убить своих рабов и нанести себе очевидный ущерб. Похожие институты существовали и у чукчей северо-восточной Сибири. Индейцы северо-восточного побережья сжигали деревни или разбивали в щепки лодки. Порой представители племен бросают в море медные слитки, украшенные символикой.

Батай в одной из своих работ, помещенных в книгу, касается проблемы суверенности. Но опять-таки само понятие и суть проблемы обретают неожиданную трактовку. Речь не идет о суверенитете государств, который определен в международном праве. Суверенность толкуется как нечто, противоположное рабству или подчинению. Такой суверенностью ранее обладали вожди, фараоны, короли. Этот феномен сыграл ведущую роль в формировании того человека, которого мы называем современным. Суверенными можно назвать такие возможности, которые не оправданы пользой. Суверенность располагается по другую сторону от пользы. *«Иными словами, мы можем сказать, что при рабстве имеется в виду длительность, а настоящее время используется, прежде всего, ради будущего, что мы и делаем, когда трудимся. Рабочий производит болт, имея в виду тот момент, когда этот болт послужит для монтажа машины, которой кто-то другой будет суверенно пользоваться для прогулок и обозрения пейзажей»* (с. 314).

Мир вещей, как показывает Ж. Батай, или мир практики предстает как такой мир, где человек порабощен, или попросту служит для чего-то, независимо от того, является ли он или нет слугой другого человека. Мир практики — это мир, где человек сам является вещью. Анализ экономических процессов проведен Батаем через анализ способов человеческого бытия. Он ищет трансцендентные основы хозяйственной практики и пытается таким образом обезопасить человечество от острых кризисов, в которые оно перманентно погружается. В этом ценность его объемной книги.

Елена Сальникова

SUMMARY

EDITOR'S PAGE

Vagif Guseynov. SEARCHING A WAY OUT OF THE UKRAINIAN DEADLOCK

The situation in Ukraine has been aggravated to its red-hot worst, Kiev, as it becomes increasingly apparent, has definitively made its bid for the military solution of the conflict. In that, Malaysian airliner crash has also worked in its favor, having become another pretext for the West to blame Russia and to impose some additional sanctions on our country.

Meanwhile the situation in the South-East of Ukraine is consistently going into deadlock due to various reasons, first of all, because of uncompromising positions of the parties involved. At that, the Kiev authorities give no thought whatsoever on that they would do after their hypothetical military victory.

PRESSING TOPICS

Valery Buyanov. IDEOLOGIES ARE COMING BACK

The notion of Ideology is a most important one in the political science and, at the same time, a most criticised one. Subsequently the Ideology began to be perceived not just philosophically and epistemologically, but rather as the social theory.

Elvira Spirova. THE SYMBOL AND POLITICS

Today, we are living in the space of symbols. The symbol is always multivalued and mysterious. To reveal its content intellectual efforts or a certain emotional mood are needed. The symbol calls to co-activity, to understanding, to a joint deed. It does not just specify, but also represents, acting as a replacement of some entity. But this means to implement the presence of what is absent as a specific object.

The true symbol space are religion and arts. How can the contemporary politicians' tremendous interest to symbolizing their activities be explained? The article gives answer to this.

Natalia Burlinova. RUSSIA'S PUBLIC DIPLOMACY:
THE PRACTICE AND PROBLEMS IN MAKING

Despite the use of newfangled terms, despite the increase in financing the Rossotrudnichestvo Federal Agency and setting up some big foundations with the indirect state participation, despite the attempts to stimulate the Russian noncommercial organisations to take part in public affairs, there is no evident progress in the public diplomacy, as contrary to the obvious success in, for instance, Russia's overseas information broadcasting. What is, then, the key problem of the Russian public diplomacy, and why are the fruitless efforts to build the system of it in a proper way, rather than in «the usual way»? The author is seeking the answers to the questions put by herself.

THE ISSUE'S MAIN TOPIC

THE EASTERN PARTNERSHIP PROJECT «BEFORE» AND «AFTER»
THE MAIDAN. PART I. THE CONCEPTUAL CONTENT OF THE PROJECT

The 2013–2014 events in Ukraine became the biggest geopolitical crisis in the Eurasian space since the beginning of the new century that led to the collapse of the Ukrainian statehood fraught with economic catastrophe and territorial disintegration. Today, there is no doubt, that one of the major causes of the crisis was the European initiative on the Eastern Partnership neighborhood, aimed at the six Republics of the former USSR — Belarus, Ukraine, Moldova, Georgia, Armenia and Azerbaijan.

GEOPOLITICS

Vladimir Dergachev (Ukrain). THE PIRATED GEOPOLITICAL TECHNOLOGY
OF THE 'CONTROLLABLE' CHAOS

With the Soviet Union having committed suicide, various geopolitical technologies were applied to gain the control over the post-Soviet space. It were the neo-colonialistic technologies of the offshore geopolitics that had made it possible to extract huge capitals out of Russia, Ukraine and other post-Soviet states. There has been no termination of offense in the information space, including the social networks. But still it has proved to be not enough.

FOREIGN AFFAIRS

Igor Ilyinsky. «EURO-MAIDAN» AS A PRELUDE TO THE US ATTACK AGAINST RUSSIA

It is everybody's knowledge, that the United States of America has never been «a partner», as M. Gorbachev used to speak in the days of the so-called Perestroika, nor, by far less so, «a strategic partner», as B. Yeltsin liked to mention in the early days of his the so-called «Reforms».

May it be suggested, that the USA has changed its attitude towards Russia and truly wishes to it «a partner» to itself, at least, in fighting the international terrorism that had been brought into being by the very United States? The Author of the article analyze the role the US plays in the Ukraine–Russia conflict.

Linton F. Brooks (USA). POLITICAL AND TECHNOLOGICAL CHALLENGES
FOR US-RUSSIAN RELATIONS

The national security interests of both the United States and the Russian Federation are enhanced by U.S.–Russian engagement and cooperation on security issues. So is the stability of the international order. For those in both countries who believe these precepts, recent developments have been discouraging. From an American perspective, Russia actions with regard to Ukraine and the annexation of Crimea have been a significant setback to the prospects for cooperation and engagement. Russians and Americans have differing understanding of both what happened in Ukraine and its causes. This article is not the place to discuss — let alone resolve — these conflicting perspectives. But Ukraine casts a shadow over all our interactions and it would be foolish and counterproductive to ignore that fact. Indeed, Ukraine has fundamentally altered the U.S. view of Russia throughout the government. For many Americans, it is the most important event in Russo-American relations since the end of the Cold War and a major departure from the post-World War II rejection of altering national boundaries by force.

Steven Pifer (USA). REGIONAL STABILITY IN EUROPE

For much of the period since 1991, Europe has been a zone of comparative stability. Generally positive relations between the West and Russia, supported by a strong arms control regime, contributed to this, even if the sides did not design a fundamentally new security structure for the post-Cold War period.

Trends in recent years, however, have weakened that stability, and Russia's seizure of Crimea and pressure on Ukraine have called some of its basic premises into question. One likely result: NATO will take unilateral steps to bolster the security of its eastern members. It is unclear how long it will take for the West and Russia to regain a measure of confidence and reengage in a cooperative effort to promote European stability.

Sergey Demidenko. IRAQ: CHANGING THE TUNE

The present-day head of Iraq, Jawad al-Maliki, has come along the intrigue and amazing political way up from a little-known functionary of the al-Dawa Party, through the assistantcy to the Party's leader, Ibrahim al-Jaafari, to the actual authoritative ruler of Iraq — the ruler, whom many consider to be Saddam Hussein's new edition. But is it really so? The article gives answer to this question.

ECONOMICS & FINANCE

Vasily Koltashov. RUSSIA'S ECONOMY IN 2014:
BETWEEN OIL AND THE «SECOND» CRISIS

Russia has left behind the period of economic revival. Since 2012, the country is facing undulating development of crisis, its «second wave», and the measures taken by the government fail to stop the process. Moreover, the domestic economy to a large extent repeats the stages of the 2011–2013 crisis development in Ukraine. And, though relatively high world prices for raw materials support the Russian economy, there is no need to expect some swiveling towards the steady growth. The indices are going down since 2011, and the Ministry for Economic Development is trying hard just to «achieve» the positive reading of the gross domestic product (GDP).

Abrahr Yarlykapov. AGRARIAN SECTOR OF ECONOMY:
THE WAYS OF SOLVING THE PROBLEMS

In one of latest articles published in the Bulletin, we put into display the troubles of Russia's rural world. What are the reasons of their occurrence and the ways to overcome them? What is to be done, what other measures are to be undertaken? After all, the quarter of a century has already passed since the country's peasant lifestyle was subjected to the seventh reforming, but still, today, the state of affairs in the country remains rather acute. We shall try to view the accumulated troubles once again from our analytical observation post of the evolutionary theory. It is just from such a position, in our opinion, things and the phenomena might be revealed in another perspective and in a new way.

DEBUT

Alexander Shipilov. ARE THERE ANY SIGNS OF AMERICAN-IRANIAN IMPROVEMENT?
(The Official Interpretation of Persia's History of 1883–1925
In the Context of Contemporary Iran–US Rapprochement)

At all the times, Iran's relations with the Western World had been complicated. As the country had to come out of the international isolation to normally develop the economy, the presidents in power during the period of 1989 to 2005, showed their willingness to reform the Iranian state and economic system. The first sign of thawing might be revising some approaches to the national history by the Iranian official science. Namely, that part of it, which covers Iran's interactivities with the Western countries, first of all, with the United States.

THE «ROUND TABLE»

SOCIAL ILLUSIONS

The participants in the discussion are Academician of the Russian Academy of Education, Professor L. P. Buyeva, Dr.Sc. (Philosophy), and I. V. Yegorova, Dr.Sc. (Philosophy).

The Round Table is hosted by Professor P. S. Gurevich, Dr.Sc.(Philosophy).

The following questions were under the discussion:

1. What role do the social illusions play in history?
2. Is it possible to master the mysteries of public dynamics that will relieve people of fruitless efforts?
3. What are the social illusions of these days?

PUBLICATIONS

Gennady Bocharov. FROM THE QUIET NOTEBOOK. Part III

The completion of the Silent Sketchbook chapter, being a part of the Sunset Manually book of memoirs, published by the Molodaya Gvardiya Publishing House several years ago.

Yury Lapin. THE OUTERSPACE'S CLOSER SKY

The euphoria caused by the first successes in outerspace exploration starts to pass. Certainly, the name of Yury Gagarin will forever remain in the History annals. Next to him, obviously, there will be Neil Armstrong, the first man who stepped on the Moon's surface. These are summits of glory. But how many heroic deeds, exploits there were, there are, and there will be in «every day» space work!

The Page of History

Vladimir Gotzulenko. UNDER THE PSEUDONYM «FRIEND»

On how the head of the *Sturmabteilung* stormtroopers did his best to assist Hitler rising to power, and then he assisted — his falling.

Philosophical club

Vladimir Kolpakov. THE LEGEND OF FAUST AND THE MODERN TIMES

The scientific subject-matter of the modern times term is hereinafter to denote the epoch that began with the elevation of the West in the New Times. The same meaning will be given to such terms as modernity, epoch of modern, modern style, modern society, if, at that, the same or identical context takes place. In everyday usage the modern times term is the synonym of the word today that is not used in the article.

Among many premissis that favored the birth of the modern times, the Enlightenment occupies a special place. It was the Enlightenment that laid the fundamentals of the new civilization based upon ideas of intelligence that made the man «free» of the medieval traditions, beliefs, and habitual way of living, i.e. from all the previous world had been kept with, having offered in exchange new vision of the world where the Man, personality was now put into the central place.

Boris Yudin. THE INDIVIDUAL HUMAN EXISTENCE AND ITS BORDERLINE ZONES

Today, a human is more and more often to become an object of the most different influences that are carried out by means of corresponding technologies. There are all grounds to assert, that creating new, increasingly more effective technologies to influence humans has become one of the most significant tendencies in the scientific and technical progress nowadays. And so the special attention is being paid to those borderline zones within which the technological interventions might be especially effective.

NOTES ON A BOOK'S MARGINS

THE TRANSCENDENTAL FUNDAMENTALS OF ECONOMY

Bataille, Georges *The Accursed Share. The Sacral Sociology* /Translated from French/.

M., 2014. 742 pp. (Circulation of 2,000 copies).

For several years, the Lodomir Publishers has been putting forward the works by the outstanding French writer and thinker, Georges Bataille (1897-1962). His subject area stretches from the political economy laws to the human intimate religious and erotic emotional experiences.

Bataille has got economic processes analyzed by means of analyzing the ways of human existence. He has looked for transcendental fundamentals of the economic practice and thus sought to secure the mankind against acute crises into which it plunges permanently.

Elena Salnikova

ОБ АВТОРАХ

Бочаров Геннадий Николаевич — член Союза писателей Москвы, автор многих документальных книг, изданных в разное время общим тиражом полтора миллиона экземпляров. Большинство его работ переведено на основные языки мира.

В течение ряда лет Геннадий Бочаров работал специальным корреспондентом «Комсомольской правды», обозревателем «Литературной газеты», политическим обозревателем при генеральном директоре ТАСС, политическим обозревателем «Известий» и «Российской газеты». В качестве специального корреспондента побывал более чем в 50 государствах мира, в том числе во всех его «горячих точках».

В советское время был удостоен высших профессиональных наград: премии Союза журналистов СССР, премии им. Михаила Кольцова, премии им. Владимира Гиляровского, премии Ленинского комсомола. За репортажи с космодрома Байконур удостоен почетных знаков им. Ю.Гагарина, академика С.Королева и т.д. Награжден орденами и медалями СССР, включая боевой орден Красной Звезды.

Недавно Г. Бочаров «по совокупности творческих достижений» был удостоен премии Союза журналистов Российской Федерации «Золотое перо России».

Книга Бочарова «Русская рулетка» в начале девяностых годов стала подлинным мировым бестселлером — ее издали крупнейшие издательства Лондона, Парижа, Нью-Йорка, Берлина, Стокгольма, Люксембурга и др. Тема большинства книг Г. Бочарова — человек преодолевающий. Лучшие работы Г. Бочарова составляют учебное пособие — книга «Чистые вершины» — для отделений иностранных университетов, на которых изучается современный русский язык.

В течение последних 20 лет Г.Бочаров переизбирается членом Правления Международного фонда авиационной безопасности. В этом качестве он участвует во всех международных семинарах, которые проводятся в различных точках мира. Авиационная тематика занимает значительное место в его творчестве.

Брукс Линтон Ф. (США) — в прошлом посол США и заместитель министра энергетики по ядерной безопасности, а также руководитель Национального управления по ядерной безопасности (НУЯБ).

До вхождения в администрацию Джорджа Уокера Буша-младшего Брукс являлся вице-президентом Аналитического центра ВМС США и советником Сандийских национальных лабораторий. Во времена правительства Джорджа Герберта Уокера Буша-старшего был заместителем директора (начальником управления) по стратегическим и ядерным делам Агентства США по контролю за вооружениями и разоружению, а также главой американской делегации на переговорах по ядерным и космическим вопросам, руководителем группы переговорщиков по сокращению стратегических наступательных вооружений (СНВ) в Государственном департаменте. В этом качестве участвовал в окончательной подготовке Договора СНВ-1, подписанного 31 июля 1991 года в Москве президентами Бушем и Горбачевым. В декабре 1992 года исполнял схожие обязанности в ходе окончательной подготовки Договора СНВ-2 от 3 января 1993 года.

Бурлинова Наталья Валерьевна — кандидат политических наук, президент Центра поддержки и развития общественных инициатив «Креативная дипломатия», ранее работала в «РИА Новости», где занималась вопросами информационного сопровождения внешней политики России.

Буянов Валерий Степанович — доктор философских наук, профессор кафедры внешнеполитической деятельности России РАНХиГС при Президенте РФ. Автор более 70 публикаций по глобализации, геополитике и национальной безопасности.

Гаман-Голутвина Оксана Викторовна — доктор политических наук, зав. кафедрой сравнительной политологии МГИМО (У) МИД России, Президент Российской ассоциации политической науки.

Гоцуленко Владимир Николаевич — генеральный продюсер издательского центра «Диорама» и газеты «Московский комсомолец» в Украине. Писатель, поэт. Лауреат литературных премий им.Эдуарда Багрицкого и им.Николая Островского. За большой вклад в отечественную культуру

туру награжден Пушкинской медалью с занесением в Почетный Реестр Попечителей в Пушкинском доме (Санкт-Петербург) и в Государственном музее А.С. Пушкина (Москва).

Гуревич Павел Семёнович — доктор философских наук, доктор филологических наук, профессор, заведующий сектором Института философии РАН, директор Института психоанализа и социального управления, президент Московской ассоциации психоаналитиков.

Вице-президент Академии гуманитарных исследований, академик РАЕН, Международной академии информатизации, Академии педагогических и социальных наук. Специалист по философской антропологии, глубинной психологии, философии культуры и современной западной философии.

Главный редактор журналов «Философия и культура», «Психология и психотехника», «Педагогика и просвещение», «Филология: научные исследования». Автор многочисленных монографий, школьных и вузовских учебников, в том числе «Философская антропология» (2008), «Основы философии» (2011), «Эстетика» (2011), «Философское толкование человека» (2012), «Философская интерпретация человека» (2013).

Гусейнов Вагиф Алиовсатович — директор Института стратегических оценок и анализа (ИСОА), главный редактор журнала «Вестник аналитики»; член Совета по внешней и оборонной политике (с 1998 года), член Российско-китайского Комитета дружбы, мира и развития; член правления Совета Средиземноморско-Черноморских исследований (Институт Европы РАН), член правления общества «Россия — Германия»; генерал-майор в отставке.

Автор книг: «Хроника тайной борьбы», «Пьянящий дурман власти», «Война компроматов», «Каспийская нефть — экономика и геополитика», «Политика у порога твоего дома» (2008). Соредактор и издатель монографий: «Иракский кризис и становление нового мирового порядка» (Москва, 2004) и «Средиземноморье — Черноморье — Каспий: между Большой Европой и Большим Ближним Востоком» (2006). Соавтор, редактор и издатель книг: «Россия — Великобритания: очередное охлаждение» (2007), «Большой Ближний Восток. Стимулы и предварительные итоги демократизации» (2007), «Южный Кавказ: тенденции и проблемы развития (1992–2008 годы)» (2008), «Россия в изменяющемся мире» (2008). Член редакционной коллегии аналитических сборников: «Стратегия для России: 10 лет СВОП» (2002), «Конкурентоспособность России в условиях глобализации» (2006), «Мир вокруг России: 2017. Контурь недалекого будущего» (2007), «Россия и Мир — Новая эпоха» (2008), «Центральная Азия. Геополитика и экономика региона» (2010), «Нефтегазовый комплекс России: тенденции развития (2000–2010 годы)» (2011).

Автор многих статей по вопросам международной политики, отношений России с ЕС, энергетической безопасности, проблемам Ближнего и Среднего Востока, стран Южного Кавказа, внутренней политики и экономики России.

Демиденко Сергей Владимирович — сотрудник Института стратегических оценок и анализа, кандидат исторических наук. Специалист по сепаратистским и экстремистским движениям на Ближнем Востоке и в Центральной Азии.

Дергачёв Владимир Александрович (Украина) — русский геополитик, профессор, доктор географических наук, основатель интернет-портала «Институт геополитики». На основе разрабатываемой профессором Дергачевым геополитической теории Больших многомерных пространств создана серия междисциплинарных трудов и учебников по геополитике, ориентированных на формирование аналитического мышления. Автор 40 книг, в том числе Геополитика (2000, 2004); Геоэкономика (2002); Цивилизационная геополитика: Геофилософия (2004); Регионоведение (2004, 2010, в соавторстве с Л.Б. Вардомским); Международные экономические отношения (2005); Глобалистика (2005), Геополитический словарь-справочник (2009), Геополитика. Геофилософия. Геоэкономика, в 27 томах (Электронное издание на CD, 2009), Геополитическая энциклопедия (2010–2012, www.dergachev.ru). Персональный сайт: www.dergachev.farlep.net

Ильинский Игорь Михайлович — ректор Московского гуманитарного университета, Президент Национального Союза негосударственных вузов, президент Союза негосударственных вузов Москвы и Московской области. Доктор философских наук, профессор, академик Российской Академии гуманитарных наук, Российской Академии естественных наук, Военной академии и ряда других. Член Совета по делам молодежи при Президенте РФ (1995–1999). Член коллегии Государственного комитета РФ по делам молодежи (1995–1999). Член Коллегии по аттестации и аккредитации высших и среднепрофессиональных заведений Министерства образова-

ния РФ, член Совета Всемирного Русского Народного Собора. Доверенное лицо Президента РФ В.В. Путина.

Области научных исследований: философия и социология образования, глобалистика и глобализация, теоретические аспекты социологии молодежи и молодежного движения. В России и за рубежом опубликовано более 450 работ общим объемом свыше 500 печатных листов, в том числе 18 книг и 12 брошюр. Награжден орденом Дружбы (1996), орденом Почета (2001), многими медалями СССР, России и зарубежных стран, знаками Министерства образования РФ: К.Д. Ушинского «За заслуги в области педагогической науки» (1996), «Почетный работник высшего профессионального образования», «Почетный работник сферы молодежной политики». Лауреат Премии Ленинского комсомола в области науки.

Колташов Василий Георгиевич — руководитель Центра экономических исследований Института глобализации и социальных движений (ИГСО).

Лапин Юрий Борисович — окончил факультет журналистики МГУ. В латвийской республиканской газете «Советская молодежь» прошел путь от стажера до главного редактора. Работал в газете «Советский спорт», ответственным секретарем академического журнала «Наука в СССР», более 30 лет — на Центральном телевидении СССР — заведующим отделом, заместителем, а затем и главным редактором главной редакции научно-популярного и образовательного (впоследствии просветительского) телевидения. Один из создателей «золотого созвездия» — цикла телепередач «Клуб путешественников», «В мире животных», «Очевидное-невероятное», «Человек. Земля. Вселенная», «Здоровье» и — в последние 10 лет — публицистической и научно-популярной передачи «Большая наука».

Автор ряда книг, среди них — поэтические сборники «Негромкие голоса», «Перебирая россыпи миров», сборники публицистических эссе — «Откровения необязательных знаний» и «На грани безумия».

Пайфер Стивен (США) — старший научный сотрудник Бруклинского исследовательского института (Вашингтон), где его работа сосредоточена на проблемах контроля за ядерными вооружениями Украины и России. Сотрудник внешнеполитической службы в отставке, за 25 лет работы в государственном департаменте он занимал должности заместителя начальника управления госдепа, посла на Украине, специального помощника президента и старшего директора управления России, Украины и Евразии Совета национальной безопасности.

Пономарёва Елена — доктор политических наук, профессор, факультет политологии МГИМО МИД РФ

Сальникова Елена — доктор философских наук, специалист в области философской антропологии.

Спирова Эльвира Маратовна — доктор философских наук, и.о. старшего научного сотрудника сектора истории антропологических учений Института философии Российской академии наук. Член Российского философского общества. Автор ряда научных трудов по политической психологии и философской антропологии, в том числе «Знак и символ: психолого-философское обоснование» (М., 2011), «Философско-антропологическое содержание символа» (М., 2012).

Заместитель главного редактора журналов «Философия и культура», «Психология и психотехника», «Педагогика и просвещение», «Филология: научные исследования».

Шипилов Александр — студент 4-го курса факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ.

Шишелина Любовь — доктор исторических наук, профессор, Институт Европы РАН.

Юдин Борис Григорьевич — доктор философских наук, член-корреспондент РАН, гл.научных сотрудник института философии РАН, специалист по философско-методологическим и социально-экономическим проблемам науки. Автор исследований по биоэтике, получивших мировое признание. Главные редактор журнала «Человек».

Ярлыкапов Абрар Бадретдинович — доктор экономических наук, профессор. Ветеран боевых действий в Афганистане (1985–1987).

Окончил агрономический факультет Башкирского сельскохозяйственного института (1964), Высшую партийную школу при ЦК КПСС (1974), аспирантуру Академии общественных наук при ЦК КПСС (1981). Известный специалист в области аграрной экономики. Опубликовал более 40 работ научного и учебного характера общим объемом 136 п.л. Впервые ввел в научный оборот экономическое понятие (дефиницию) «точки роста» (Ярлыкапов А.Б. АПК: точки роста. М.: Изд-во «Дружба народов», 2002. 220 с.). Научный руководитель и консультант 11 защищенных кандидатских и докторских диссертационных исследований. С 2005 по 2010 г. — заместитель заведующего кафедрой финансов и отраслевой экономики по научной работе РАГС. Является заместителем председателя докторского диссертационного совета при РАНХ и ГС, а в другом диссертационном совете академии — членом совета. Имеет сертификат Нью-Йоркской международной академии менеджмента (США) о прохождении интенсивного курса «Бизнес-менеджмент и маркетинг» (1991), окончил также курсы повышения квалификации ГОУ ВПО «Академия народного хозяйства при Правительстве РФ» по программе «Муниципальные финансы» (2006). Участвовал в разное время в подготовке значимых документов директивных органов, в том числе как член рабочей группы Конституционного Сопещения — проекта Конституции Российской Федерации, за что отмечен Благодарностью Президента Российской Федерации (1993).

Награжден орденами «Знак Почета» (1971) и Дружбы народов (1988), почетным знаком ВЛКСМ (1978), орденом Русской Православной Церкви Преподобного Сергия Радонежского III степени (2002), 13 медалями (в том числе 4 — иностранных государств), почетными грамотами Государственной Думы Федерального Собрания РФ, Центрального Комитета ВЛКСМ, Правительства Москвы, Президиума Верховного Совета Башкирской ССР, РАГС при Президенте РФ, Патриаршей грамотой Патриарха Московского и всея Руси Алексия II, дипломом Комиссии РФ по делам ЮНЕСКО, нагрудным знаком «Отличник социалистического сельского хозяйства СССР».

OUR AUTHORS

BOCHAROV Gennady Nikolaevich — member of the Moscow Union of Writers, authored many non-fiction books with total circulation of a million and a half; most of them were translated into main world languages.

For a number of years, was a practical journalist of note — special correspondent of the *Komsomolskaya Pravda* newspaper, columnist of the *Literaturnaya Gazeta* weekly, political analyst at the TASS news agency Director General, political columnist of the *Izvestia* and *Rossyiskaya Gazeta* newspapers. In his professional capacity visited more than 50 countries all over the globe, including all its «hot spots».

In the Soviet times, became holder of the highest awards in the trade: the USSR Union of Journalists Prize; the Mikhail Koltsov Prize; the Vladimir Gilyarovskiy Prize, the Lenin Komsomol Prize. His reports from the Baikonur space launch-site brought him, among the others, the Yury Gagarin and the Academician Sergey Korolev honorary badges, etc. Awarded with the USSR state decorations, including the Red Star Order for service in battle.

Recently, G. Bocharov «by the aggregate creative achievements» was honored by the Union of Journalists of the Russian Federation with the title of «The Russia's Gold Pen».

Early in 1990s, *The Russian Roulette*, the book by Bocharov proved to become a true world-wide bestseller, put into print by the most prominent publishing houses in London, Paris, New York, Berlin, Stockholm, Luxembourg, and so forth. The chief subject of the most of his books is a person overcoming.

The Bocharov's best made up the *Pure Tops* text-book for the modern Russian language studies at the foreign universities.

For the last 20 years, holds position of a member at the Board of the International Foundation for the Aviation Safety. In this capacity, participates in all international seminars which are being held world over. The aviation is an ever-present subject in his writings.

BROOKS Linton F. (USA) — a former US Ambassador and former Under Secretary of Energy for Nuclear Security and Administrator of the National Nuclear Security Administration (NNSA).

Prior to joining the George W. Bush Administration, Brooks was a vice president at the Center for Naval Analyses (CNA) and an advisor to Sandia National Laboratories. During the George H.W. Bush Administration, Brooks was Assistant Director for Strategic and Nuclear Affairs at the U.S. Arms Control and Disarmament Agency and was Head of the U.S. Delegation on Nuclear and Space Talks and Chief Strategic Arms Reductions (START) Negotiator in the State Department. In this latter capacity, he was responsible for final preparation of the START I Treaty, signed by Presidents Bush and Gorbachev in Moscow on July 31, 1991. In December 1992, he performed a similar function during the final preparation of the January 3, 1993, START II Treaty.

BURLINOVA Natalia Valerievna — Cand. Sc. (Politicalology), President, the Creative Diplomacy Center for Supporting and Developing Public Initiatives; previously was employed by the Novosti Russian Information Agency to be engaged in information maintenance of Russia's foreign policy.

BUYANOV Valery Stepanovich — Dr. Sc. (Philosophy), Professor of the Chair of Russia's Foreign Policy Activities at the Russian Federation President Academy of National Economy and Government Service (RANEKS). Authored over 70 publications on globalization, geopolitics and national security.

DEMIDENKO Sergey Vladimirovich — Cand. Sc. (History), researcher at the Institute of Strategic Studies and Analysis. Expert on separatist and extremist movements in the Middle East and the Central Asia.

DERGACHEV Vladimir Aleksandrovich — Dr.Sc. (Geography), Professor, the Russian expert in Geopolitics, the founder of the Institute of Geopolitics internet portal. On the basis of the geopolitical theory on the Big Multidimensional Spaces, developed by professor Dergachev, a series of interdisciplinary works and textbooks on Geopolitics, focused on formation of analytical thinking were published. Authored 40 books, including *Geopolitics* (2000, 2004); *Geo-economy* (2002); *The Civilization Geopolitics: Geophilosophy* (2004); *Region Studies* (2004, 2010, co-authored by L. B. Vardom-

sky); The International Economic Relations (2005); Global Studies (2005), The Geopolitical Dictionary-Directory (2009), Geopolitics. Geophilosophy. Geoeconomy in 27 volumes (the electronic edition on CD, 2009), the Geopolitical Encyclopaedia (2010–2012, www.dergachev.ru).

Personal site www.dergachev.farlep.net

GAMAN-GOLUTVINA Oksana V. — Dr. Sc. (Politics), Head of Comparative Politics Department MGIMO-University Ministry of Foreign Affairs of Russia, President of Russian Political Science Association professor at the RF President's Academy of State Service. The expert in studying political elites, political leadership, political culture and political consciousness. Authored such monographs as the Political Elites in Russia: Historical Evolution Milestones; the Bureaucracy in the Russian Empire; the Civilization. Culture. Personality (in co-authorship). Was managing editor of the book publications the Russia's Most Influential People-2003; the Power Elites of Contemporary Russia. In total, published more than 150 scientific works.

GOTZULENKO Vladimir Nikolaievich — Producer General of the Diorama Publishing Centre and the Moskovsky Komsomolets (Moscow Komsomol Member) in Ukraine. Writer in prose and poetry. The winner of the Edward Bagritsky and Nikolay Ostrovsky Literary Awards. For his worthy contribution to the domestic culture was awarded with the Pushkin Medal and included into the Honorary Register of Trustees of the Pushchkin House (St.-Petersburg) and the A. S. Pushkin State Museum (Moscow).

GUREVICH Pavel Semenovich — D. Sc. (Philosophy), D. Sc. (Philology), Professor, Sector Head at the Russian Academy of Sciences Institute of Philosophy, Director of the Institute of Psychotherapy and Social Management, President of the Moscow Association of Psychotherapists.

The Vice-President of the Academy of Liberal Studies, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, the International Informatization Academy, and the Academy of Pedagogical and Social Sciences. Fields of research include philosophical anthropology, deep psychology, philosophy of culture and modern Western philosophy.

Editor-in-chief of the «Filosofiya i kultura» (Philosophy and Culture), «Psikhologiya i psikhotekhnika» (Psychology and Psychotechnics), «Pedagogika i prosvescheniye» (Pedagogics and Enlightenment), «Filologiya: nauchniye issledovaniya» (Philology: Scientific Researches) magazines and journals. Is permanently present in the academic publications and national media, authored some high school and university textbooks, including The Philosophical Anthropology (2008), The Foundation of Philosophy (2011), The Aesthetics (2011), The Philosophical Exposition of the Human (2012), The Philosophical Interpretation of the Human (2013).

GUSEYNOV Vagif A. — Director of the Institute of Strategic Studies and Analysis (ISOA), Editor-in-Chief of the Vestnik Analytiki bulletin. Holds membership in the Council on Foreign and Defense Policies (since 1998), the Russian-Chinese Committee on Friendship, Peace and Development, Board of the Council on Mediterranean and Black Sea Studies (the Russian Academy of Sciences Institute of Europe), Board of the Russia-Germany Society. Ranked Major-General (rtd).

Authored books, including Chronicle of Secret Struggle; Intoxicating Dope of Power; War of Compromats; The Caspian Oil: Economics and Geopolitics; The Politics at Your House Threshold (2008). Co-edited and published the monographs on The Iraq Crisis and Development of the New World Order» (Moscow, 2004); The Mediterranean — Black Sea Coast — Caspian Region: Between the Larger Europe and the Greater Middle East (2006). Co-authored, co-edited and published books on Russia-Great Britain: Another Cooling (2007); The Greater Middle East. Stimuli and Preliminary Results of the Democratization (2007); The South Caucasus: Trends and Problems of Development (1992–2008) (2008); Russia in Changing World (2008). Hold membership in the editorial boards of the analytical collections on The Strategy for Russia: 10 Years of CFDP (2002); Russia's Competitiveness under Globalization (2006); The World Around Russia: 2017. The Outlines of the Not-So-Far-Away Future (2007); Russia and the World: New Epoch (2008); The Central Asia. The Region's Geopolitics and Economics (2010), «Russia's Oil and Gas Complex: Trends of Development (2000–2010)» (2011).

Authored many articles on the international politics, Russia's relations with the European Union, energy security, the Near and Middle East problems, on the Southern Caucasus countries, Russia's domestic policy and economy.

ILYINSKY Igor Mikhailovich — Dr. Sc. (Philosophy), Rector of the Moscow Humanitarian university, President of the National Union of non-state-run higher schools, president of the Moscow and the Moscow Oblast Union of non-state-run higher schools. Professor, Academician of the Russian

Academy of Liberal Sciences, Russian Academy of Natural Sciences, Military Academy, and some others. Hold membership in the Council on Youth Affairs at the President of the Russian Federation, and the Board of the Russian Federation State Committee on Youth Affairs (1995–1999). Board Member at the RF Ministry of Education on certifying and accrediting the institutions of higher learning and high vocational schools. Holds membership at the Council of the All-World Russian National Convocation. Is named an authorized representative of President V.V. Putin of the Russian Federation.

Scientific researches include philosophy and sociology of education, global studies and globalization, theoretical aspects of sociology of youth and youth movement. In Russia and abroad, published over 450 works of total volume of over 500 quires, including 18 books and 12 booklets. Awarded with the Order of Friendship (1996), and Order of Honor (2001), and many decorations of the USSR, Russia and foreign countries, as well as the Russian Federation Ministry of Education honor badges — the K. D. Ushinsky medal «For Merits in the Field of Pedagogical Science» (1996), «The Honourable Worker of Higher Vocational Training», «The Honourable Worker in the Sphere of Youth Policy». Was the winner of the Lenin Komsomol Prize in science.

KOLPAKOV Vladimir A. — Dr.Sc. (Philosophy), Head of the Department in the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Science. The author of significant works on social philosophy.

KOLTASHOV Vasily G. — Head of the Economic Research Center at the Institute for Global Research and Social Movements (IGSM).

LAPIN Yury Borisovich — graduated from the Moscow State University (Department of Journalism).

Was employed by the Latvian Republican Sovetskaya Molodezh (Soviet Youth) newspaper where went all the way from a graduate employee up to the Chief Editor. Worked in the Sovetsky Sport (Soviet Sports) newspaper, was employed as Managing Editor by the academic Nauka v SSSR (Sciences in the USSR) journal, over 30 years served at the USSR Central TV as a section head, Deputy and then Editor-in-Chief of the TV Chief Editorial Board on Popular Science and Education (subsequently — Enlightenment). One of founders of the Gold Constellation cycle of TV-programmes that included the Travellers' Club, In the World of Animals, Obvious Improbable, The Man. The Earth. The Universe, Health, and — in the running decade — the Great Science publicistic and popular science TV-programme.

Authored some books, including the Quiet Voices; Going Over Scatterings of Worlds collections of poetry, and the Revelations of Unessential Knowledge; On Verge of Madness collections of publicistic essays.

PIFER Steven (USA) — is a senior fellow at the Brookings Institution, where his work focuses on nuclear arms control, Ukraine and Russia. A retired Foreign Service Officer, his more than 25 years with the State Department included assignments as deputy assistant secretary of state, ambassador to Ukraine, and special assistant to the president and senior director for Russia, Ukraine and Eurasia on the National Security Council.

PONOMAREVA Elena — Dr.Sc. (Politics), professor, Faculty of the Political science in the Moscow State Institute of International Relations, Russian Foreign Ministry.

SALNIKOVA Elena — Dr.Sc (Philosophy), specializes in the field of philosophic anthropology.

SHIPILOV Alexander — 4th year student, Higher School of Economics, World Economy and World Policy Faculty.

SPIROVA Elvira Maratovna — Dr. Sc. (Philosophy), is acting Senior Researcher of the History of Anthropological Teachings at the Russian Academy of Sciences Institute of Philosophy. The Russian Philosophical Society member. Authored a number of scientific works on political psychology and philosophical anthropology, including the Sign and Symbol: Psychological and Philosophical substantiation (M., 2011), The Philosophical and Anthropological Substance of Symbol (M., 2012).

The deputy editor-in-chief of the Filisofiya i kultura (Philosophy and Culture), Psikhologiya i psikhotekhnika (Psychology and Psychotechnics), Pedagogika i obrazovaniye (Pedagogics and Education), Filologiya: nauchniye issledovaniya (Philology: Scientific Researches) journals.

SHISHELINA Lubov — Dr. Sc. (History), professor, Institute of Europe, Russian Academy of Science.

YARLYKAPOV Abrahm B. — Dr.Sc. (Economics), Professor. The war in Afghanistan (1985–1987) veteran.

Graduated from the Bashkir Agricultural Institute (the Agronomical Department), in 1964, the Party Higher School at the CPSU Central Committee (1974); and completed post-graduate courses at the CPSU Central Committee Academy of Social Sciences (1981). The well-known expert in the agrarian economy. Published over 40 scientific and educational works of the total volume of 136 p.s. Was the first scholar to put the «points of growth» economic term into the academic use (Yarlykapov, A. B. *The Agro-Industrial Complex: Points of Growth*. M.: Druzhba Narodov Publishing House, 2002; 220pp.). The thesis advisor for 11 works granted Candidate and Doctor of Science degrees. In 2005–10 was Research Deputy Head of the Finances and Industry Economics Chair at the RF President's Russian Academy of Government Service (RAGS). Is the Vice-Chairman of the Doctorate Dissertation Council at the Russian Academy of National Economy and Governmental Service, and holds membership in the RANEGS Dissertation Council. Was certified by the New York International Academy of Management (USA) for completing the Business Management and Marketing intensive course (1991), also completed the upgrade training at the Russian Federation Government Academy of National Economy under the Municipal Finance program (2006). Took part in working out important governance documents, including the draft of the Constitution of the Russian Federation — as a working group member of the Constitutional Conference; the work was noted by the RF President's Letter of Commendation (1993).

Awards: Orders of the Badge of Honor (1971), Peoples' Friendship (1988); the All-Union Lenin Young Communist League (Komsomol) Badge of Merit (1978); the Russian Orthodox Church Order of the Saint Sergey of Radonezh, 3rd Grade; thirteen medal decorations (4 of foreign states), Honorary Diplomas of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation, of the Komsomol Central Committee, of the Moscow City Government, of the Presidium of the Supreme Soviet of the Bashkir Soviet Socialist Republic, of the President of the Russian Federation RAGS; Patriarch Alexis II of Moscow and All Russia Letter of Commendation; the Diploma of the Russian Federation Commission on the UNESCO affairs; the USSR Socialist Agriculture Honorary Expert breastplate.

YUDIN Boris G. — Dr.Sc (Philosophy), corresponding member of the Russian Academy of Science, chief researcher in the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Science, specializes on philosophical and methodological as well as socio-ethical scientific problems. Author of the world famous bioethics researches. Chief editor of the journal «The Human».

*Институт стратегических оценок и анализа
Бюро социально-экономической информации*

ВЕСТНИК АНАЛИТИКИ

№ 3(57)

Перевод с английского — Владимира Мисюченко

*Корректурa А.Панюгиной
Верстка Л.Листвина*

*Издание зарегистрировано в Министерстве РФ
по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций
Свидетельство о регистрации ПИ № 77-5981 от 22 декабря 2000 года*

*Адрес редакции:
109004 Москва, ул. А.Солженицына, д. 40/14, стр. 1
Телефоны: (495) 911-97-78, (495) 912-39-88
Факс: (495) 911-92-77
www.isoa.ru
E-mail: info@isoa.ru*

Тираж 1200 экз. Цена свободная

*Подписано в печать 01.09.2014 г. Формат 70×100/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 12. Заказ № 673.*

Отпечатано в ОАО «Издательский дом «Красная звезда».

*ПОДПИСНЫЕ ИНДЕКСЫ ИЗДАНИЯ
в Объединенном каталоге
«Пресса России» — 44351, 44339.
Электронный адрес подписки в Интернете:
www.presscafe.ru*

ПОДПИСКА НА «ВЕСТНИК АНАЛИТИКИ» ЗА РУБЕЖОМ:

*через ЗАО «МК-Периодика» или фирмы-партнеры.
тел. +7 495 681-91-37, 681-97-63;
факс +7 495 681-37-98.
E-mail: info@periodicals.ru
<http://www.periodicals.ru>*

SUBSCRIPTION TO VESTNIK ANALITIKI ABROAD

*Via MK-Periodika or its partners:
Tel.: +7 495 681-91-37, 681-97-63;
fax: +7 495 681-37-98
E-mail: info@periodicals.ru
<http://www.periodicals.ru>*

ПОДПИСАТЬСЯ И ПРИОБРЕСТИ ОТДЕЛЬНЫЕ НОМЕРА ЖУРНАЛА
«ВЕСТНИК АНАЛИТИКИ» МОЖНО В РЕДАКЦИИ.
Телефон: 912 39 88, 911 97 78, электронная почта: info@isoa.ru

Стоимость одного номера журнала в редакции (без доставки) – 100 рублей,
для пенсионеров и студентов – скидка 50 %.

Квитанция для оплаты в Сбербанке

Извещение	Кассир
	Форма № ПД-4
	ЗАО «Институт стратегических оценок и анализа» <small>(наименование получателя платежа)</small>
	ИНН 7718163808 <small>(ИНН получателя платежа)</small>
	№ р/с 40702810900000080011 <small>(номер счета получателя платежа)</small>
	в АКБ «Росевробанк» г. Москва <small>(наименование банка и банковские реквизиты)</small>
	к/с № 3010181080000000777 в отделении 2 Московского ГТУ Банка России, БИК 044585777
	Подписка на журнал "Вестник аналитики" <small>(период подписки, номер журнала)</small>
	Дата _____ Сумма платежа _____ Руб. _____ коп.
	Плательщик _____ <small>(Ф.И.О. почтовый адрес, телефон)</small>
Квитанция	Кассир
	ЗАО «Институт стратегических оценок и анализа» <small>(наименование получателя платежа)</small>
	ИНН 7718163808 <small>(ИНН получателя платежа)</small>
	№ р/с 40702810900000080011 <small>(номер счета получателя платежа)</small>
	в АКБ «Росевробанк» г. Москва <small>(наименование банка и банковские реквизиты)</small>
	к/с № 3010181080000000777 в отделении 2 Московского ГТУ Банка России, БИК 044585777
	Подписка на журнал "Вестник аналитики" <small>(период подписки, номер журнала)</small>
	Дата _____ Сумма платежа _____ руб. _____ коп.
	Плательщик _____ <small>(Ф.И.О. почтовый адрес, телефон)</small>